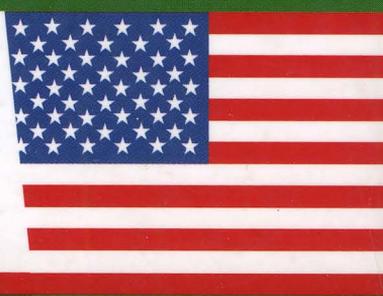

ЛАТИНО-
АМЕРИКАНСКИЕ
ДИАСПОРЫ

В

США

·НАУКА·

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ЛАТИНО- АМЕРИКАНСКИЕ ДИАСПОРЫ В США

МОСКВА «НАУКА» 2003

УДК 323
ББК 63.3(7)
Л27

Авторский коллектив:

к.п.н. *Л.В. Дьякова* – гл. I, п. 6; гл. IV
д.и.н. *Б.И. Коваль* – гл. I, п. 1–5; введение и заключение
в соавт. с *С.И. Семеновым*
Н.Ю. Кудеярова – гл. III, V, VII
к.и.н. *Э.Е. Кузнецова*, к.и.н. *Л.В. Пегушева* – гл. II
к.и.н. *С.И. Семенов* – гл. VI

Ответственный редактор

Засл. деятель науки РФ, д.и.н., проф. *Б.И. Коваль*

Рецензенты:

д.п.н. *З.В. Ивановский*, д.и.н. *Л.С. Окунева*, д.п.н. *М.Л. Чумакова*

Латиноамериканские диаспоры в США / Отв. ред. *Б.И. Коваль*; Институт Латинской Америки. – М.: Наука, 2003. – 280 с.

ISBN 5-02-006209-X

Монография посвящена цивилизационным и культурологическим проблемам взаимодействия иbero-американских диаспор и североамериканского общества. Особое внимание уделено роли мексиканских, кубинских и пуэрто-риканских общин, их социокультурным характеристикам, социальной стратификации, образовательному уровню, качеству жизни. Исследуются причины трудовой и политической эмиграции из государств Латинской Америки в США и программы их диаспоральной политики.

Для политиков и специалистов в области социальных наук.

ТП 2003-I-31

Научное издание

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ДИАСПОРЫ В США

Утверждено к печати

Ученым советом Института Латинской Америки РАН

Зав. редакцией *Г.И. Чертова*. Редактор *О.В. Ивченко*
Художник *Т.В. Болотина*. Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 02.07.2003

Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,5. Усл.кр.-отт. 18,0. Уч.-изд.л. 18,6. Тип. зак. 4413

Издательство «Наука» 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru. Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» 199034 Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-006209-X

© Российская академия наук, 2003

© Издательство «Наука»

(художественное оформление), 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Личность – цивилизация – диаспора	17
1.1. Социальная энергия – движущая сила цивилизационного развития	18
1.2. Формы реализации внутреннего потенциала личности	22
1.3. Личность – высшая духовно-социальная ипостась человека	27
1.4. Типология диаспоральной личности	30
1.5. Диаспора как субъект цивилизационных процессов	40
1.6. Некоторые особенности североамериканской традиции в анализе диаспоральной проблемы	48
Глава II. Причины и особенности современной трудовой эмиграции из Латинской Америки	62
2.1. Бедность как стимул эмиграции	72
2.2. Социальное неравенство	79
2.3. Проблемы трудовой занятости и безработица	83
2.4. Государственные расходы и политика	86
2.5. Кризис традиционных институтов защиты человека труда	92
Глава III. США: законодательные барьеры и латиноамериканская иммиграция	101
3.1. Этапы развития	101
3.2. Политика в отношении латиноамериканской иммиграции	106
3.3. Нелегальная мексиканская иммиграция	111
3.4. Современные реформы законодательства США	116
Глава IV. Особенности формирования и эволюции самосознания мексикано-американского меньшинства США	123
4.1. Самая крупная диаспора	123
4.2. Англо-американские стереотипы	128
4.3. Политика Мексики в отношении диаспоры	131
4.4. Социально-политический протест чиканос	135
4.5. На перекрестке культурных миров	145
4.6. Самопознание мексикано-американцев	150

Глава V. Кубинская диаспора	157
5.1. Первые общины в США	157
5.2. Становление диаспоры	164
5.3. Кубинская иммиграция второй половины XX в.	167
5.4. Развитие региона Майами	173
5.5. Проблема билингвизма	177
5.6. Кубинцы за пределами Флориды	183
Глава VI. Пуэрториканцы на материке	189
6.1. Индейский компонент в формировании нации	190
6.2. Испанская и вообще европейская культура – системо- образующая основа цивилизационного облика нации ...	194
6.3. Афро-американский привой	199
6.4. У истоков континентальной общины	203
6.5. От сезонной миграции к диаспоре	208
6.6. Облик современной диаспоры и ее специфические чер- ты	215
6.7. Цивилизационные проблемы материковых пуэртори- канцев	227
Глава VII. Социальное положение испаноязычной общины США	235
7.1. Основные диаспоры испаноязычного населения Соеди- ненных Штатов	237
7.2. Возрастные особенности	239
7.3. Образовательный уровень	242
7.4. Социальная стратификация	250
Заключение	261
Приложение	270

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI в. вновь трагическим образом отразило кризис мировой цивилизации. Инерция насилия и ненависти, многие годы питавшая «холодную войну» и бунт «третьего мира», в условиях глобализации опять грозит перелиться через край. На этот раз речь уже идет о крупных этнорелигиозных и «священных войнах», международном терроризме и наркобизнесе, экологической катастрофе и других смертельно опасных вызовах истории, вплоть до угрозы междивизиационных столкновений. Такая ситуация побуждает вновь и вновь углублять научный анализ актуальных проблем мирового развития, в котором все большую роль начинает играть Латинская Америка.

Этот объективный процесс нашел свое логическое и осмысленное отражение в бурном расцвете так называемых сравнительных цивилизационных исследований. Данная работа является частью общих историко-теоретических и социофилософских изысканий научного коллектива Центра сравнительного анализа цивилизационных процессов Института Латинской Америки РАН¹.

Авторский коллектив на этот раз главное внимание уделяет анализу феномена современной латиноамериканской диаспоры в Соединенных Штатах Америки. Ее общая численность ныне превышает 32 млн человек. Это крупная и быстро растущая часть всего населения США. В ближайшие два-три десятилетия латиноамериканское сообщество (диаспора плюс натурализованные группы латиноамериканского происхождения) превысит 50 млн человек.

Главным объектом исследования выступает группа близкородственных диаспор (иногда их считают одной большой диаспорой), погруженных в лоно современной североамериканской цивилизации. Эта группа официально регистрируется в переписи населения США, начиная с 1980 г. До этого отдельно ее не учитывали, и она была рассеяна по разным категориям населения.

Эта большая группа официально называется в США испаноговорящими, точнее, лицами испанского происхождения (Hispanics). Примечательно, что этот термин не имеет соответст-

вующего общепринятого эквивалента в испанском языке². Испаноязычное население США также не выработало общепризнанного термина (обычно оно употребляет термин «латинос»).

В отечественной литературе также не установилось общепринятого мнения на сей счет, как нет согласия и о самом термине «диаспора», его содержании и границах. Некоторые авторитетные этнологи даже подвергают сомнению правомерность такого словоупотребления как универсальной категории науки.

Однако исторически греческим словом «диаспора» (рассеяние) обозначилась такая ситуация, когда значительная часть какого-то народа пребывала вне страны его происхождения (исторической родины). Первоначально слово «диаспора» применялось к проживанию евреев вне Палестины (оно употреблялось в отношении иудейских общин в Ассирии, Вавилоне, Египте и позднее – в Римской империи за пределами Палестины). Затем этим словом евреи-христиане стали именовать группы единоверцев, живших вне церковных общин из-за гонений властей.

В Средние века это понятие распространилось уже не только на еврейскую, но и на армянскую диаспору, образовавшуюся после падения Киликийского армянского царства в XIV в. и разорения Восточной Армении ордами Тохтамыша, Тимура и османов. Контрреформация в Австрийской империи и Польше привела к появлению в XVII в. чешско-моравской религиозной диаспоры.

В Новое время термин диаспора стал употребляться для обозначения католических общин, оказавшихся по разным историческим обстоятельствам в иноконфессиональной среде. В ряду этих общин первое место с середины XIX в. заняла польская диаспора (несколько позднее – литовская). Со словом «диаспора» также стали ассоциировать ирландские католические общины в Северной Америке, поддерживавшие освободительную борьбу ирландского народа против британского гнета.

К концу XIX в. появились татарская и черкесская (кавказская) диаспоры, связанные с выселением татар после присоединения Крыма к Российской империи и изгнанием черкесов и других кавказских народов в итоге Кавказской войны. Одновременно формировались индийская диаспора в Азии, Африке, Европе и Америке и китайская диаспора в Юго-Восточной Азии и Америке.

После Первой мировой войны и установления большевистской диктатуры российская диаспора появилась в Европе, на Дальнем Востоке и в Америке. Ее вторая волна связана со Второй мировой войной, а третья – с распадом СССР.

В настоящее время развиваются масштабные миграционные процессы во всем мире, причем миграционные потоки хлынули

теперь уже не только в Америку, но и в Западную Европу. В настоящее время они превратились в важнейшую составную часть процесса глобализации³.

Соответственно термин «диаспора» приобрел чрезвычайно широкое содержание, и из него начал постепенно выветриваться ранее доминировавший мотив принудительного переселения и насильственной ассимиляции больших групп людей. Тем не менее явления геноцида и в этот период имели место на всех континентах (например, на территории бывшей СФРЮ, в Болгарии, Румынии, на пространстве СНГ, в Афганистане, Ираке, Южной и Юго-Восточной Азии, в Судане, Эфиопии, Сомали, Руанде, бывшем Заире, Центральной Америке и в других странах и регионах).

В результате, наряду с «внешними» диаспорами (когда одна нация оказывалась разделенной между двумя или даже несколькими разными государствами), появились «внутренние» диаспоры (когда «рассеяние народностей» стало обычным явлением в пределах одного и того же государства, не обеспечивающего безопасность своих граждан на своей территории и не ограждающего их от террора по этническому и религиозным мотивам).

В итоге современный мир являет собой картину не только сообщества национальных государств, сосредоточенных преимущественно в Западной Европе, но и полиэтничных, поликонфессиональных государств Азии, Африки, Америки и Океании с их многоцветием самых разнообразных диаспор, которые принадлежат к различным современным цивилизациям.

В монографии мы рассматриваем диаспору не в качестве категории демографии, социологии, этнологии, антропологии, социальной психологии или геополитики. Диаспора нас интересует лишь как цивилизационная и культурологическая категория.

США как переселенческая страна, по преимуществу со множеством транснациональных сообществ и диаспор, представляет собой особенно интересный объект исследования. Тем не менее здесь мы не ставили перед собой задачу изучения внутренней структуры североамериканской цивилизации и ее родовых характеристик⁴.

Непосредственный объект изучения – та часть этой цивилизации, которую составляют диаспоры латинского происхождения, адаптирующиеся к условиям этой цивилизации. На протяжении двух последних десятилетий прошлого века (с 1980 г.) эти данные собираются статистикой США⁵.

Но поскольку речь идет о взаимодействии между двумя цивилизациями (реципиентом и донором), дается описание источника миграции – иберо-американской цивилизации – на протяжении

последнего полувека. Здесь в качестве базы данных берутся в основном статистические материалы, обнародованные Экономической комиссией ООН для Латинской и Карибской Америки⁶. Привлекаются также материалы национальных статистических учреждений.

Начиная с 1935 г. в США проводятся систематические социологические обследования ряда латиноамериканских общин на материке, особенно в г. Нью-Йорке. Эти материалы также использованы в данной монографии. Учитывались и материалы социологических опросов в этих общинах⁷.

Таким образом, речь идет об определенной общности людей, достигших известного уровня цивилизационного развития со сходным образом жизни (язык, обычаи, верования, ментальность), проживающих в иноцивилизационной среде и отделенных территориально или чувствующих себя отдаленными от основного ядра своей цивилизации. Этот термин близок к понятию «национальное меньшинство», в чем-то они пересекаются друг с другом, но не являются синонимами.

По сути дела, перед нами особый «мир», живущий в лоне другого большого «мира». Прежде всего, важно определиться с тем смыслом, который мы вкладываем в понятие диаспоры. Сделать это не просто. Диаспора, по нашему мнению, – это явление (и, соответственно, понятие) не материальное или физическое, а духовное. Оно связано с этническим происхождением человека, но не тождественно его крови и роду. Скажем, мексиканец, живущий в США, может быть иммигрантом и гражданином Мексики, временным рабочим-нелегалом или гражданином США (натурализованным американцем). Все это будут его, так сказать, юридические ипостаси. Сам выходец из Мексики по крови может принадлежать к индейскому племени или африканской расе, армянской или чилийской нации и т.д. Этническая характеристика столь же важна, как и юридический статус. Этот же человек может быть мужчиной или женщиной, молодым или старым, здоровым или больным. Эти характеристики условно можно считать «физическими», или органическими. К ним можно добавить профессиональные различия, уровень образования, религиозные предпочтения, политические устремления и т.п. Все это, однако, не связано напрямую с диаспоральным характером экзистенции данного индивидуума или целой группы. Главный смысл диаспорального состояния, а оно может продолжаться либо ряд лет, либо целую жизнь, состоит, по нашему мнению (в отличие от многих других мнений), в том, что оно по своей сути является духовно-ментальным и психологическим, во-первых, и дуальным, двойственным, так сказать «двуверным», во-вторых. Как только

эта междивизиационная дуальность самоощущения возникает у вновь прибывшего человека в США, так его можно включить в лоно диаспорального мира того или иного этнического сообщества. Как только это самоощущение замещается чувством единения с новым, большим культурно-цивилизационным миром, так диаспора теряет свою оригинальность и превращается в одно из других национальных меньшинств (групп, сообществ, комьюнити, общин) североамериканской цивилизации, взятой в ее государственно-юридическом или социальном измерении.

Именно культурно-цивилизационная, т.е. прежде всего духовно-религиозная, этическая, культурно-языковая и прочая дуальность, и составляет, на наш взгляд, основную характерологическую черту диаспорального бытия отдельной личности и целой группы.

Такое экзистенциальное измерение еще не получило своего достаточного развития. В большинстве случаев сохраняется сугубо этнографический или социально-исторический и даже политический подход к анализу диаспоральной проблематики вообще и в том числе к жизни латиноамериканских диаспор в современных США.

Есть ученые, которые признают за главную черту любой диаспоры ее связь с материнским лоном родной культуры, языком, традициями. Эта точка зрения восходит к старому традиционному взгляду на рассеяние евреев. Они и в чужеземной обстановке сохраняли черты своего Израиля и веру в Яхве. Они противились всякой ассимиляции с другими этносами и культурами, рассматривая отрыв от родной почвы как «плен», из которого надо как можно быстрее бежать, или, на крайний случай, всячески старались сохранить свою культуру и религию.

Подобные черты присущи и некоторым другим народам – армянам, грекам, китайцам. Они с трудом «втягиваются» в иные цивилизации и образуют в них, так сказать, замкнутые диаспоры-анклавы, сосредоточивая всю энергию на самосохранении. В большинстве же случаев преобладают дуальные типы диаспорального состояния, которого в принципе избежать не удалось и перечисленным этносам. В наибольшей степени эта черта присуща именно латиноамериканским диаспорам и именно в США.

В российской науке проблема социально-культурной специфики, политической и исторической эволюции латиноамериканского меньшинства в США практически вообще не исследована. Тем не менее отдельные аспекты темы освещались в работах общего характера, посвященных в основном истории, политике и культуре США, а также в исследованиях современных иммиграционных процессов и практики межнациональных отношений⁸.

Так, особое внимание традиционно уделялось социально-экономическому и политическому положению иммигрантов в США, государственной иммиграционной политике, расово-этническим отношениям, массовым движениям социально-политического протеста. Среди работ, непосредственно исследующих мексикано-американское меньшинство, выделяются диссертация и статьи С.А. Червонной, которая занималась идеологией и практикой движения чиканос, а также вопросами формирования и развития концепции мультикультурализма. Ее выводы сохранили свою актуальность и являются необходимой основой для изучения данной темы⁹.

В то же время проблема межцивилизационного взаимодействия и диалога между представителями различных культур, существующих в рамках одного государства, в силу объективных причин не получила должного освещения в нашей литературе. Само понимание диаспорального феномена как культурной драмы, исход которой всегда неоднозначен, является новым (во всяком случае, применительно к испаноязычному населению США).

С этим подходом неразрывно связано стремление понять отдельного человека – представителя диаспоры, носителя другой культурной традиции, выявить его место и роль в новом обществе. Да и отношение этого общества, зафиксированное не в государственных постановлениях и указах, а в стереотипах общественного мнения, литературных произведениях, мифах и предрасудках, также представляет собой специальную и малоизученную проблему. Нетрадиционным можно назвать также понимание латиноамериканского меньшинства как особого сообщества, обладающего собственными устойчивыми социокультурными и психологическими характеристиками.

В последнее десятилетие в российской науке появились работы, акцентирующие внимание на цивилизационной специфике североамериканского общества. Отличительной чертой этих работ является стремление показать то «соединение единства и многообразия» (по образному выражению Т. Сауэлла), которое «пронизывает американскую историю и американское общество сегодня»¹⁰. Особенно интересным можно назвать сборник «Американский характер», в различных выпусках которого есть статьи, посвященные теории и практике культурного плюрализма, этнической специфике мексиканоамериканцев, литературной традиции чиканос¹¹. Кроме того, актуальные проблемы современной жизни США непосредственно связаны с демографическими изменениями, политическими и культурными аспектами жизни иммигрантских сообществ¹².

Особое место в отечественных исследованиях занимают работы ученых-этнологов, уделяющих большое внимание феномену диаспоры, теоретическому определению понятия «этнос», его различным трактовкам и связанному с этим понятием термину «этническое меньшинство». Участие в этой дискуссии не входит в задачи нашей работы, хотя без четкого понимания терминов невозможно подойти к сути проблемы. Что касается испаноязычного населения США, нельзя не отметить большой вклад, который внесли отечественные этнологи в изучение этносов и этнических меньшинств, в частности в создание энциклопедии «Народы и религии мира»¹³.

В то же время, несмотря на значительные успехи, сделанные в этом направлении, серьезные исследования латиноамериканского населения только начинаются. Данное обстоятельство объясняется не отсутствием интереса и необходимых материалов, а скорее сложностью и многогранностью темы, каждый аспект которой перерастает в проблему, требующую самостоятельного анализа.

Общие цивилизационные разработки составляют важную методологическую платформу, но сами по себе они не достаточны. Их надо сочетать с другими приемами анализа, в том числе с социологией, социопсихологией, исторической статистикой, эконометрикой и др. Отчасти такой комплексный подход используется в данном исследовании.

Его своеобразие состоит в том, что авторы выходят за географические границы самой латиноамериканской цивилизации и стремятся дать «человеческое измерение» (human dimension) ее диаспорального феномена, видя в нем особую личностную и групповую форму *перенесения* одного цивилизационного кода (в данном случае иберо-американского) в «чужое» культурное тело иной, хотя и соседней цивилизации.

Такое *рассеяние* человеческой энергии не ослабляет, а, напротив, обогащает материнскую цивилизацию. С другой стороны, принимающая цивилизация (США) также получает дополнительный заряд нерастраченной и свежей энергии. В итоге в процессе столкновения, взаимной адаптации и даже синтеза различных культур и качеств человеческого потенциала выигрывают обе цивилизации.

На уровне формационного или государственного существования, увы, мы часто видим иную картину: более сильные и развитые общества выигрывают, а более слабые и отсталые проигрывают. Последним как бы изначально уготовлена роль «питательной среды» для увеличения социально-экономического и политического могущества первой группы. Это «разделение труда» про-

должает функционировать и поныне, хотя очень медленно ситуация меняется. Волей-неволей начинает действовать обратная связь, и достижения продвинутых государств все более усваиваются отстающими. Уже не Ахиллес оказывается неспособным обогнать черепаху, как утверждалось в одной из апорий Зенона, но «черепаха» реально догоняет его. Второй процесс не отрицает сохраняющегося превосходства североамериканского Ахиллеса, но подчеркивает новую силу латиноамериканской «черепахи». Она уже научилась (или научается) бежать не вслед Ахиллесу, а своим собственным путем, все более вписываясь в мировую цивилизацию и внося в ее развитие свой незаменимый и важный вклад. Характерно, что этот сдвиг наиболее заметно и органично происходит именно в жизни диаспоры, которая играет роль своеобразного междивизиационного моста и авангарда материнской цивилизации, открывая ее поры для восприятия мировой культуры.

Учитывая это обстоятельство, авторы ставят своей главной задачей раскрытие следующих явлений и процессов:

а) роль человеческой социальной энергии в развитии цивилизаций и их диаспор (общая постановка);

б) объективные социоэкономические и политические (сопутствующий элемент) предпосылки мирового рассеяния латиноамериканского полиэтнического компонента и его концентрации в США;

в) социальная структура, возрастной и профессиональный состав, уровень образования и другие динамические показатели развития латиноамериканской диаспоры и «коренного» иберолатиноамериканского меньшинства, или, точнее, сообщества (community) в США;

г) своеобразии разных этнических субдиаспор (мексиканская, чилийская, пуэрто-риканская, кубинская и др.);

д) особенность так называемой вторичной социализации и общая типология диаспоральной личности;

е) роль диаспоральной социальной энергии в развитии цивилизаций и глобализации, формировании предпосылок для движения к единой мультикультурной метацивилизации будущего.

Для раскрытия этих и других сопутствующих проблем авторы опирались на методологию междисциплинарного анализа.

Многообразие рациональных подходов к изучению различных сторон исторических процессов породило разнообразие в стиле и форме научного исследования. Объективные социоэкономические явления требовали широкого применения фактического и статистического информационного материала и соответствующего научного языка. Субъективные моменты становления диаспор как человеческих живых сообществ не могли быть

раскрыты без социокультурного и социопсихического определения типов диаспоральной личности и особых характерологических особенностей отдельных этнических групп и поколений. Это требовало иного языка и иной, скажем, более философической манеры рассуждений.

Вдумчивый читатель легко поймет неизбежность именно такого многообразия жанров в проведении междисциплинарного и комплексного анализа сложных и динамических систем, к которым мы относим и диаспоры.

Цивилизации и их живые диаспоры – это не холодные абстракции, а живые и деятельные люди, а потому так называемый человеческий фактор рассматривается в качестве главной силы исторического процесса.

Чем лучше и полнее используется мировой опыт различных стран и народов, с одной стороны, и чем свободнее и смелее действуют новые поколения в интересах преодоления омертвевшего традиционализма, с другой, тем шире и богаче развивается каждая локальная цивилизация, тем больше перспектив для будущей мультикультурной глобальной цивилизационной системы.

Используя цивилизационный подход к изучению латиноамериканских обществ, мы стремимся выйти за околицу старых «формационных» и «классовых» моделей. Технократические и институциональные объяснения не могут раскрыть духовно-эмоциональный мир человека как разумного, чувственного и деятельного существа.

Сложность состоит в том, что любые абстрактно-теоретические конструкции подавляют конкретную картину реальной жизни. Проще говоря, даже самый широкоформатный цивилизационный подход, последовательными приверженцами которого мы являемся, не должен подменять собой анализа реальных фактов жизни.

Нас интересует не макроэкономика, не производственная сфера, не реформы и политическая жизнь, а существование и самоощущение реального человека, его поведение и устремления, его духовные силы и активность, т.е. все то, что подразумевается под термином «экзистенция». В данном случае – экзистенция латиноамериканской диаспоры в США.

В данной работе сознательно совмещаются несколько методов:

- системный, который рассматривает диаспоральное общество как динамическую саморегулирующуюся систему;
- цивилизационный, позволяющий использовать философские абстракции и делать обобщения длительных исторических периодов эволюции;

– социологический, с помощью которого только и можно оценить реальное положение различных слоев диаспоры в каждый данный момент;

– экономико-статистический, применяемый в целях раскрытия динамики конкретных показателей качества и уровня жизни;

– экзистенциальный, дающий возможность оценить стандарты социального активизма личности, смысл ее интенций, формы самореализации, психодушевное состояние и др.

Все эти подходы, к которым мы только стремимся, дополняют друг друга, их сочетание не исключает, а предполагает неизбежность определенной антиномии, признания истинности противоположных суждений. Но в принципе всякое научное познание антиномично. В противном случае речь идет не о динамично развивающейся науке, а о вере, мифе, официальной идеологии и т.п.

В центр всего анализа выносятся, как говорил И. Кант, не то, «что делает из человека природа», а то, «что он, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам»¹⁴. Под «природой» мы теперь будем понимать латиноамериканскую действительность, из которой выделяется диаспора, с одной стороны, и североамериканскую объективную обстановку, в которую эта диаспора вливается, с другой. Что же сама она, как «действующее существо», делает или может и должна делать «из себя сама»? И является ли это «существо» действительно свободным? Вот вопрос, на который теперь надлежит ответить.

¹ *Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001; *Коваль Б.И., Семенов С.И.* Цивилизационная идентификация России и иберо-американские параллели // Аналитические тетради ИЛА РАН. М., 1998. № 4; *Семенов С.И.* Компаративные лонгитюдные исследования общего и особенного в пограничных цивилизациях Европы и Америки // Цивилизационные исследования. М., 1996; *Семенов С.И.* Мутации левой политической культуры в цивилизационном контексте Латинской Америки // Аналитические тетради ИЛА РАН. М., 1999. № 6; *Латиноамериканские диаспоры в США: Цивилизац. характеристики // Аналитические тетради ИЛА РАН. М., 2000. № 9; Коваль Б.И., Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В., Семенов С.И.* Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации // Аналитические тетради ИЛА РАН. М., 2000. № 10.

² С начала 80-х годов в Испании официальные учреждения переводят этот термин словом «испанос» (*hispanos*). См.: *Los Hispanos en Estados Unidos*. Madrid, 1984. До этого употреблялся в широком смысле термин «испанико» (*hispánico*): *cultura hispánica, mundo hispánico*.

³ См.: *Armstrong T.* Mobilized and Proletarian Diasporas // *American Political Science Review*. 1976. № 2 (June). P. 393–408; *Modern Diasporas in international politics*. N.Y., 1986; *Diaspora*. L., 1991. Vol. 1, № 1; Миграции и

- новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996; Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998; Диаспоры. 1999. № 1, 2/3; Диаспора: Новые материалы: Альманах. Париж; СПб., 2001. Вып. 1–3; Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001; Государство и диаспоры: опыт взаимодействия. М., 2001.
- ⁴ См.: *Kouwenhoven T.* The Arts in Modern American Civilization. N.Y., 1948; *Novak M.* The Rise of the Unmeltable Ethnics. L., 1972; США на рубеже третьего тысячелетия. М., 2001.
- ⁵ Statistical Handbook on United States Hispanics / Comp. and ed. by F.L. Schick and R. Schick. Phoenix (Ariz.), 1991; Statistical Handbook on women in America / Comp. and ed. by C. Taeuber. Phoenix (Ariz.), 1991; Statistical Abstract of Latin America (SALA) / Ed. by T.W. Wilkie. Los Angeles, 1974. Т. 17; SALA. Los Angeles, 1995. Т. 31, parts 1, 2.
- ⁶ CEPAL: Panorama Social, 1977. Santiago de Chile, 1998; CEPAL: Panorama Social, 2001. Santiago de Chile, 2001.
- ⁷ *Chenault L.R.* The Puerto Rican Migrants in New York City. N.Y., 1970; The Puerto Ricans Journey: New York's Newest Migrants. N.Y., 1950; The Encyclopedia of New York City / Ed. by K.T. Jackson. N.Y.: Yale Univ. press, 1995.
- ⁸ Национальные процессы в США. М., 1973; Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. Киев, 1984; *Шлепаков А.Н., Евтух В.Б., Шамиур О.В.* Буржуазные концепции национальных отношений в развитых капиталистических странах. Киев, 1988; Национальный вопрос за рубежом: правовые формы и практика регулирования межнац. отношений: Исследование роли национального фактора в политике. М., 1989; Миграция и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение. Киев, 1990; *Евтух В.Б.* Концепции этносоциального развития США и Канады: типология, традиции, эволюция. Киев, 1991; Социальный облик современного западного общества. М., 1993; *Чертина З.С.* Этничность в США: теория «плавильного котла» // Американский ежегодник, 1993. М., 1994; *Михайлов С.П.* Этнические миграционные волны и проблемы социально-политической стабильности. М., 1995.
- ⁹ *Червоная С.А.* Подъем социально-политической активности чиканос // Массовые движения социального протеста в США. М., 1978; *Червоная С.А.* Возможно ли единство во множестве?: К проблеме американской идентичности // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 10.
- ¹⁰ *Sowell T.* Ethnic America: A history. N.Y., 1981. P. 4.
- ¹¹ *Воронченко Т.В.* Мексикано-американский характер // Американский характер: Очерки культуры США. М., 1991; *Туганова О.Э.* Американское многообразие // Там же; *Воронченко Т.В.* «Космический» поиск в литературе ренессанса чиканос США, 70-е годы XX в. // Американский характер: Импульс реформаторства. М., 1995; *Глоценова М.В.* «Опограниченный» мир конца XX в.: основные культурные модели (опыт традиции чиканос) // Латинская Америка. 1999.

- № 10; Латиноамериканские диаспоры в США: Цивилизационные характеристики // Аналитические тетради ИЛА РАН. М., 2000. № 9.
- ¹² *Зяблюк Н.Г.* Политический плюрализм: контуры американской модели // США и Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 5; *Травкина Н.М.* Уроки арифметики по-флоридски // Там же. 2001. № 7; *Борисюк В.И.* Социально-политические последствия демографических изменений в США // МЭиМО. 2002. № 2.
- ¹³ Народы и религии мира. М., 1998; *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993; *Полоскова Т.В.* Российская диаспора в странах СНГ и Балтии. М., 1998; *Тишков В.А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопр. социологии. 1993. № 1/2; *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этногр. обозрение. 2000. № 2.
- ¹⁴ *Кант И.* Соч. М., 1966. Т. 6. С. 351.

Глава I

ЛИЧНОСТЬ – ЦИВИЛИЗАЦИЯ – ДИАСПОРА

Латинская Америка стала объектом научного анализа еще в XIX в., но ее комплексное изучение с цивилизационной стороны началось лишь в XX столетии, после того как само понятие цивилизации прочно утвердилось в научной литературе. Поначалу Латинская Америка трактовалась как более или менее варварская периферия «латинской цивилизации». Только по мере преодоления европоцентризма приходит понимание самоценности вклада каждой из живых локальных цивилизаций в общее достоинство человечества.

Нас в данном случае волнует проблема творческого потенциала латиноамериканской цивилизации и направленность ее общей эволюции, в том числе ее диаспоры.

В настоящее время она активно борется за свое выживание, отстаивает свою идентичность и аутентичность и ищет для себя достойное место в рождающейся универсальной мультикультурной цивилизации.

По нашему мнению, цивилизация, в отличие от государства, – не конкретная территория, а реальный человек, ее носитель, единственный источник ее творческой энергии. Нас интересует здесь не человек как социобиологический организм, а человек как творец жизни.

Драматизм латиноамериканской цивилизации связан с преодолением отсталости и выходом на качественно более высокий уровень. В экономическом и отчасти экологическом плане эта проблема освещена довольно подробно, в культурологическом аспекте для раскрытия темы тоже сделано немало. Но поиск путей духовного и творческого возвышения личности и обеспечения социального прогресса еще ждет обстоятельного исследования. И здесь на передний план выступает вопрос о социально-энергетическом потенциале цивилизации.

1.1. Социальная энергия – движущая сила цивилизационного развития

В целях раскрытия общего замысла всей работы следует, по-видимому, сразу же определиться с основными понятиями и категориями. Начнем с главного – «человеческая энергия» и «социальная энергия». Первое понятие охватывает *все* стороны существования личности, тогда как второе отстраняется от биологических начал и законов эволюции организма и включает только *социальные* аспекты бытия, т.е. в основном внутренние личностные стимулы общественных отношений и действий.

В принципе в таком подходе ничего нового нет, но прежде (особенно в отечественном обществоведении XX в.) приоритет отдавался социуму, развитие которого ставилось в прямую и полную зависимость от объективных факторов, таких как экономика, государство, политика, официальные институты, природные условия, формы собственности и т.д.

Не отрицая во многом решающую роль этих материальных и правовых обстоятельств и сил, мы тем не менее полагаем необходимым обратить особое и даже главное внимание на самого человека. Проще говоря, нас интересует сила и роль *индивидуальной человеческой энергии* как столь же объективного, но не материального (физического или вещественного), а прежде всего духовного фактора общественного развития.

Оккультизм и особенно спиритизм также оперируют понятием энергия, но вкладывают в него мистическое содержание, превращая человека в пассивного реципиента космических и потусторонних сил. Наш взгляд не имеет ничего общего с таким подходом. Но он и не тождествен абсолютизму марксистского образца. «Исторический материализм» видел в рассуждениях о человеческой энергии отголосок религиозного толкования, путая внутреннюю духовность с верой в Бога. Энергия и дух рассматривались как синонимы и на этом основании отрицались.

Такой взгляд является ошибочным, ибо энергия жизни – это не дух в его богословском понимании.

По нашему мнению, человеческая энергия имеет самостоятельное и естественное субстанциальное значение. Религиозный взгляд на энергию как на проявление божественной сущности отличается от научно-естественного объяснения силы жизни человека. Отрицать наличие у него природного энергетического потенциала означало бы умалять не Бога, а силу и способность самого человека как личности, и тем самым опускать его вниз, в мир всех других живых тварей.

В известном смысле детерминистские философии также поступают подобным образом, хотя отрицают божественное провидение. В обоих случаях, однако, человек сам по себе бессилён, а источник живой энергии находится вне него. При таком подходе всякий разговор о его самостоятельной роли в истории бессмыслен.

Зарождение и развитие мирового цивилизационного процесса, по нашему мнению, извечно определяется реализацией именно внутренней энергии человека. Все остальное – либо объективные условия, либо сопутствующие элементы. Единство природных, экономических, социальных и культурно-духовных факторов, включая религию, в каждый данный момент образует ту историческую атмосферу, в которой человек (его локальные сообщества) воплощает в конкретную деятельность свою творческую миссию на земле. Без человека и его личного вклада в общее бытие нет и не может быть никакой экономики, никакой политики, никакой культуры – ничего, кроме природы.

В конечном счете не высшее провидение или слепой фатум, не какое-то абстрактное и автономное движение производительных сил и производственных отношений (точнее, конфликт между ними), даже не насилие само по себе и тем более не моральный императив, а только *социальная, деятельная, разумная, творческая, эмоциональная энергетика человека определяет формы и ритмы, цели и средства общественной эволюции*. Речь, конечно, идет не только об энергии индивидуумов, но о синергии, т.е. сложении, слиянии, резонансе творческих энергий многих людей.

К сожалению, жесткие догмы различных школ экономического и технологического детерминизма низводят личность до уровня простой производительной силы и социальной функции, в результате чего ее богатая и уникальная собственная энергетика растворилась в океане отчужденных вещных отношений. Живые люди при таком подходе предстают в роли пассивных исполнителей надчеловеческих экономических детерминант, обслуживающего персонала ими же созданной техники, подданных государства, агентов рынка и т.п.

Главное внимание всех школ экономического детерминизма (включая и марксизм) в основном было сосредоточено лишь на видимых материализованных явлениях общественного развития, а истинно *движущее внутреннее начало* (это мы и называем индивидуальной социальной энергией) оставалось за кадром.

Даже сама экономическая наука, кажется, почти забыла о человеке как создателе экономики, превратив образ последней в некий самостоятельный и надо всем возвышающийся монолит. Его холодные конструкции из формаций и способов производст-

ва, стальных опор рынка и распределения, запутанной арматуры производственных отношений, финансовых скреп и т.д. буквально подавили живого человека и всех людей вместе, которые только и обязаны подчиняться неким, не зависящим от них законам экономики.

Дикая эксплуатация, несправедливость, роскошь одних и бедность других, изнурительный труд и праздность, обман и преступления, алчность и предательство – все самые худшие черты человека в экономике проявляются особенно резко.

Но, с другой стороны, именно в экономике раскрывается творческий труд людей, проявляется личная инициатива, создаются сами средства к существованию и в конечном счете развивается цивилизация, люди действительно становятся единым человеческим родом.

Как понять такое противоречие? Как раскрыть его человеческую причину?

Как писал Гегель, самое важное в науке – это понять не явления, а их сущность, т.е. «прежде всего нечто внутреннее, нечто начинающее движение само собой, самопроизвольно создающее некоторое изменение»¹. Такую первосилу древние греки и называли энергией.

Человек благодаря своей энергии (силе ума, воли, способности к действию, самого действия) воплощает первоначальную сырую интенцию или идею в конкретное деяние, т.е. из ничего создает что-то. Так из глыбы мрамора скульптор создает Венеру Милосскую, из бесформенной глины гончар лепит изящный кувшин. Всякое творение человека есть плод его энергетического усилия. В самом общем смысле высшим таким творением является мировая цивилизация. Это же относится и к локальным цивилизациям, а также к их диаспорам.

К сожалению, проблема социальной энергии индивидуума не нашла своего освещения ни в эпоху Ренессанса, ни в Новое время. Материалистическая наука и философия в борьбе с религиозной мистикой опирались на механистическое толкование мира. Высшие формы движения материи сводились к механическим и физико-химическим взаимодействиям (Галилей, Ньютон, Лаплас). Даже общественные явления оценивались во многом как машинные процессы (Гоббс, Ламетри, Декарт). В XIX в. типичными представителями механистического метода познания были Бюхнер, Фохт, Молешотт, Дюринг и др.

Эта традиция плавно внедрилась и в лоно исторического материализма. На первый план Маркс и Энгельс стали выдвигать такие механистические (объективные) факторы, как производительные силы, машинное производство, финансы, государство и др.

Лишь благодаря Чарлзу Дарвину (1808–1882) и его эволюционной теории был сделан прорыв в изучении внутренне энергетических факторов развития органической материи. Открылось новое видение естественной силы отдельной живой особи и целых видов. Решающий шаг удалось первыми сделать немецким биологам Вильгельму Оствальду (1853–1933), Хансу Дришу (1867–1941). Благодаря им понятие *энергия* прочно вошло в биологию и другие естественные науки. Дриш видел в энергии внутреннюю «жизненную силу». На этой основе сложилось целое научное направление – витализм (*vitalis* – жизненный). В сочетании с дарвиновским законом борьбы за существование такой подход открыл принципиально новый этап в изучении органической природы.

Однако атеисты тут же приписали витализму некий религиозный смысл. Новый гносис был заклеен ими как ересь и глупость. В самом деле, было очень просто поместить все, что не имело материальной формы, в некое идеалистическое пространство. Именно по такой логике В.И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1908) грубо обрушился на бедных виталистов, а заодно на Маха, Богданова и других серьезных мыслителей, обвиняя всех их в фидеизме, т.е. в признании приоритета веры над разумом.

Однако при всем раздражении В.И. Ленин не смог полностью проигнорировать проблему энергии и вынужден был признать, что Ф. Энгельс в принципе «усвоил новый для него термин энергия, но употреблял его наравне с понятием “сила” и “движение”, попеременно с ними». Это позволило Энгельсу, по словам Ленина, «обогащать свой *материализм*»².

К сожалению, ученики Маркса и Энгельса не восприняли этого «обогащения» и напрочь отказались видеть в энергии самостоятельную сущность, тем более сущность социальную. Искать ее для них означало выйти за *пределы* материи и впасть в поповщину и мистицизм. Такое мнение превалирует в нашей общественной литературе до сих пор.

О возможностях человеческой природы, как-то заметил К. Маркс, «надо судить не по силе индивидуумов, а по силе всего общества»³. С этим мнением можно согласиться, только признав, что само общество как раз и состоит из индивидуумов, а не представляет собой, как полагал Г. Спенсер, единого организма, так сказать, одного большого человека, наподобие, скажем, кораллового рифа. Даже коллективное сожительство муравьев, пчел и других насекомых и животных не образует какого-то единого организма. Человек также не живет обособленно от других людей, но социум – это не организм, а сложная система организмов.

Вульгарно-социетальный подход *уменьшает силу личности* и ее свободу, приписывая абстрактному социуму всю конкретную внутреннюю энергию и способность к действию. Но как бы и кто бы не управлял этой энергией, сначала необходимо ее иметь. Ведь именно она воплощает в себе все духовные, интеллектуальные, волевые, эмоциональные, психодушевные и прочие способности человека, отличающие его от других людей, а всех их вместе взятых от остальной природы. Строго говоря, без этой внутренней энергии (силы жизни) нет и самого человека, а есть лишь его труп. Особенно отчетливо это ощущается при изучении диаспоры и ее существования.

Взаимодействие или сложение индивидуальных сил образует общее энергетическое поле реального социума. Простое сложение здесь будет явным упрощением, подобно, скажем, соединению токов разной частоты и силы. Нельзя соединить глупца с мудрецом и сделать одного неглупого или среднеумного человека. Такое сочленение индивидуумов невозможно и в самом идеальном обществе, хотя, по-видимому, можно условно признать некое единое поле (объем, сила, качество) социальной синергии. Каждый индивидуум является и ее «источником» и ее «потребителем». В итоге образуется некое единое движение.

Здесь следует, однако, признать тот факт, что вовсе не каждый человек выступает создателем цивилизации как культуры и определенного образа жизни. Многие выступают «потребителями». Личность – это понятие духовное и, можно сказать, цивилизационное. Часто термины «человек», «индивидуум», «личность» используются как синонимы, хотя отражают разные качества одной и той же сущности. В данной работе также допускается такой прием в расчете, что в каждом случае из контекста будет явствовать либо тот, либо иной смысл понятий.

1.2. Формы реализации внутреннего потенциала личности

Если попытаться структурировать основные параметры социального энергетического потенциала, то простое деление на классы и страты окажется недостаточным. Это и понятно, поскольку такое противопоставление ограничивается различием людей по отношению к собственности и власти. Их внутреннее духовно-ментальное и эмоциональное состояние рассматривается как нечто производное и не обладающее никакой автономией. Хотя люди и зависят от социума, сам он и есть эти люди. Вот почему стоит обратить внимание на их внутренний мир, в том чис-

Таблица 1

**Условная градация различных начал
разнонаправленной индивидуальной социальной энергии**

Факторы оптимизма и удовлетворения	Факторы пессимизма и неудовлетворенности
Высокий, или адекватный, личному ощущению социальный статус	Низкий, или неадекватный, личному ощущению социальный статус
Высокий, или достаточный, доход	Низкий доход, бедность и даже нищета
Участие	Отчуждение
Общее удовлетворение жизнью	Общая неудовлетворенность жизнью
Возможность и способность к повышению качества жизни	Невозможность и неспособность к повышению качества жизни
Интересный труд	Неудовлетворенность трудом, безработица или частичная занятость
Творчество	Отсутствие способностей и возможностей творчества
Наличие свободного времени и интересного досуга	Неумение использовать свободное время, скука, пассивный отдых
Здоровье, семья, образование	Трудности и невзгоды, недостаточное образование, неурядицы в семье
Стремление к самосовершенствованию	Неспособность к самосовершенствованию
Вера в успех	Неверие в успех
Оптимизм, радость бытия	Пессимизм, зависть, раздражение
Вера в бессмертие	Неверие и печаль
Возвышение духа	Разложение личности

ле и в первую очередь на их общий энергетический потенциал. Он не измеряется в амперах, но его сила не одинакова.

В этом отношении явно ощущается огромная разница между ситуацией в США и в Латинской Америке, причем в пользу США.

Можно условно разделить этот общий потенциал на различные элементы: физическая сила, эмоциональное состояние, интеллектуальные и художественные способности, либидо, социальный активизм, религиозный экстаз и др. Точно так же, видимо, следует различать оптимистические (по Фрейдю, сила жизни, или Эрос) и пессимистические (инстинкт смерти, или Танатос) напряжения. Важно видеть не какой-то моральный смысл в этих определениях, но только их полярность. Причины накопления той или иной энергии, ее этическая и тем более политическая оценки нас пока не интересуют, как не интересует физиологический механизм выработки и распространения энергии в организме человека.

Это сопоставление каждый может расширить по собственному вкусу, важно только не абсолютизировать ни ту, ни другую стороны. Ведь удовлетворенность нередко ведет к пассивности, а неудовлетворенность – к активному саморазвитию и действию.

Но бывает и наоборот, когда процветание порождает безразличие, упадок сил, скуку. Нередко энергия пессимизма и неудовлетворенности порождает стихийный бунт, а богатство и власть разлагают личность, рожают суицидальные настроения и т.п. Таким образом, ни общая удовлетворенность жизнью, ни общая неудовлетворенность ею сами по себе не ведут к однозначному поведению, а, напротив, разнонаправлены в своей основе. Человеческая энергия ищет не самых легких и простых форм воплощения (такой путь предпочитают только слабые натуры), а именно наиболее творческих и осмысленных действий. Это особенно четко проявляется в жизни диаспор.

Бессмысленность существования или неудача в адаптации к новым жизненным обстоятельствам – смерть даже самого сильного энергетического потенциала.

Но вернемся к проблеме человеческой энергии. В современном мире, в том числе в Латинской Америке и, особенно, в США, формы ее реализации существенно расширились, что открывает путь к дальнейшему развитию цивилизации. Если представить себе веер возможных каналов сублимации накопленной социальной энергии, т.е. ее превращение в реальное созидательное дело или саморассеяние в пространстве, то можно условно составить такую схему.

Порядок перечисления каналов сублимации, или рассеяния социальной энергии, произволен. Его можно расширить, изменить, переставить позиции местами. Главное – увидеть саму возможность различных путей воплощения невидимой социальной энергии в нечто реальное, видимое, конкретное.

Многообразие такого рода актуализаций зависит, конечно, от общего уровня развития цивилизации, и особенно политической культуры, но в еще большей мере – от конкретной социальной ситуации, экономического положения, характера режима, степени конкретной неудовлетворенности своей жизнью различных слоев населения, а в конечном счете – от объема и качества общей витальной силы личности. Эта сила образуется благодаря ряду природных качеств: уровень интеллекта, физическое состояние, воля, творческие способности, эмоциональные восприятия, уровень культуры, религиозные взгляды, атеистические воззрения и т.д. и т.п. Всего и не перечислить. Мы уже не говорим о различных объективных условиях и факторах жизни, которые прямо воздействуют на человека и его социализацию. Вот почему в глаза бросаются различия между отдельными латиноамериканскими диаспорами в США.

Уже само сопоставление трех сфер актуализации накопленной социальной энергии показывает, что позитивное поле в

Таблица 2

Инвариантное превращение (актуализация) потенциальной социальной энергии в кинетическую

Производительная актуализация	Протестная и защитная актуализация	Деструктивная актуализация
Производительный труд	Социальные и политические акции протеста	Наркомания
Творчество, искусство	Оппозиция	Разврат
Государственная служба, включая службу в армии	Неповиновение	Паразитизм
Наука	Эмиграция	Вандализм
Учеба	Отказ от голосования	Алкоголизм
Бизнес	Насильственные действия против системы (революции, восстания)	Проституция
Домашний труд	Антиклерикализм	Агрессия
Политическая деятельность	Международная революционная солидарность и т.д.	Терроризм
Спорт		Негативизм
Религиозная деятельность		Преступность и т.д.
Социальное партнерство и т.д.		

принципе существенно шире и многообразнее. Привлекательность, например, криминальных форм состоит в том, что они исключают необходимость трудиться и обеспечивают легкий заработок, во-первых, дают выход протесту и чувству зависти, обиды, мести (*ressentiment*), во-вторых, и обеспечивают ложный комфорт и авторитет в референтной социальной группе, в-третьих. В итоге энергия находит выход, высвобождается, но, увы, в социально опасных и неприемлемых формах. Особенно широкие масштабы такого рода тенденции приняли в латиноамериканских странах с сильной традицией производства и торговли наркотиками, в больших городах с их поясами нищеты и т.д. Соответственно эти черты свойственны и различным диаспорам.

Никакое законодательство, никакие репрессии не в состоянии сами по себе перевести неистраченную социальную энергию с рельс неудовлетворения собой и обществом, стихийного протеста и индивидуального гедонизма на рельсы интересного и полезного дела. Такой поворот способна сделать только сама личность по своей собственной внутренней необходимости и воле. Тут-то и обнаруживается сила или слабость того энергетического потенциала, которым она обладает. Задача общества состоит в том, чтобы максимально способствовать расширению реальных возможностей для цивилизованного и полезного использования социальной энергии.

К сожалению, ни в США, ни в самой Латинской Америке государственные власти и социум в целом не обращают достаточ-

ного внимания на эти процессы, в результате чего они чаще всего протекают стихийно.

Пока мы вели речь о низовых слоях общества. Теперь следует сказать несколько слов и о «верхах», социальная энергия которых играет особую роль в развитии общественной жизни. В левой политической культуре издавна превалирует крайне негативная оценка роли капитала и буржуазной власти. Общая характеристика сводится к выпячиванию эксплуататорских черт международных финансовых монополий, латифундизма, буржуазных партий и т.д. Мы называем только тех представителей правящей элиты, которые более всего раздражали и раздражают левые силы латиноамериканских обществ.

Отрицать наличие многих негативных и паразитарных форм актуализации социальной энергии «верхов» было бы столь же неверно, как отрицать такие негативные черты психологии «низов», как иждивенчество, зависть, стремление поживиться за чужой счет и избежать ответственности. Однако закрывать глаза на позитивные стороны объективной миссии элит также было бы ошибкой.

Вспомним, что еще в первой половине XIX столетия строительство новой латиноамериканской государственности возглавили первопроходцы национального предпринимательства: перуанский банкир и торговец Диего Порталес, который внес решающий вклад в фундамент чилийского государства; барон Мауа, инициатор создания бразильской промышленности; его мексиканский коллега Лукас Аламан. В середине XX в. выдающуюся роль в процессе индустриализации Бразилии, формирования ее интеллектуальной и предпринимательской элиты сыграли банкир и экономист Роберто Симонсен, издательский магнат и меценат Жулио де Мескита и др.

Созидательную миссию элиты в развитии современного потенциала латиноамериканских стран обосновывают такие знаменитые писатели и одновременно крупные общественные деятели, как Марио Варгас Льюса и Октавио Пас.

Каждый волен, конечно, избирать свою позицию. «Верхи» упрекают «низы» в паразитизме, распущенности, лени, анархии, экстремизме. Последние обвиняют первых в паразитизме и эгоизме, забвении интересов общества. И самое интересное, что обе стороны правы. Но они не правы тогда, когда абсолютизируют собственное мнение, когда признают только «свою правду» и не видят (не хотят видеть) реальные пути и формы продуктивной актуализации социальной энергии своего политического противника или оппонента.

Подобные противоречивые тенденции наблюдаются и в жизни латиноамериканских диаспор США. Энергия их политической

и бизнес-элиты «тащит» вперед все сообщество, преодолевая пассивность и паразитизм низших слоев.

В основе социальной миссии различных страт общества лежит, конечно, человеческий фактор. Он присутствует и в «верхнем» и в «нижнем» эшелонах, хотя и проявляется в каждой сфере по-разному.

К сожалению, внимание идеологов, правых и левых, всегда приковано лишь к вертикальным социальным отношениям, к проблеме социального статуса как отдельного гражданина, так и социальной группы, в которую он входит или зачисляется (в большинстве случаев даже вопреки его воле). В индустриальном обществе для этого имелись определенные материальные предпосылки и основания. Но в постиндустриальном обществе все большую роль начинают играть горизонтальные социальные отношения между людьми, т.е. отношения гражданские. Они как бы обособляются от государства и приобретают собственную логику развития. Часть гражданского общества почти открыто противостоит государству, стараясь навязать правящей элите свою волю. В Латинской Америке и в США в настоящее время сохраняется немалое своеобразие в системе взаимоотношений власти и гражданского общества. Данное различие и прямо, и косвенно отражается на всем образе жизни латиноамериканской диаспоры США, т.е. в конечном счете проявляется в поведении, настроении и менталитете каждой диаспоральной личности.

1.3. Личность – высшая духовно-социальная ипостась человека

Прежде чем перейти к общей типологии диаспоральной личности, необходимо вкратце определиться с самим понятием личности.

Если «очеловечить» историю Латинской Америки, то речь следует вести в первую очередь о личности и ее реализации в контексте того или иного социального времени. И здесь возникает поистине экзистенциальная драма «человек – социум». К. Маркс писал: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»⁴. Это можно понять только как приоритет социума над личностью. Такой точки зрения придерживались многие мыслители от Платона до Макиавелли, Гоббса, Гегеля...

Мы же считаем, что общество есть понятие весьма абстрактное, тогда как личности его составляющие – это реальные и очень разные люди. Они живут не изолированно друг от друга, а

в определенной и необходимой связи. Чтобы определить суть этой связи, надо взглянуть на человека не только как на особь – члена коллектива, но как на свободную и деятельную, чувственную и творческую личность. В этом и только в этом качестве человек обретает свою истинно человеческую ипостась как творец собственной уникальной жизни.

Вот почему нам импонирует взгляд Н.А. Бердяева: «Не личность есть часть общества, а общество есть часть личности... Личность лишь частично принадлежит обществу»⁵. И это действительно так. Другое дело, что социум ставит перед всеми определенные требования и рамки. Чем они эластичнее, тем комфортнее и проще ощущать себя не «винтиком» системы, а свободной личностью. Заядлые государственники готовы признавать «личность» только одного социума, а вовсе не отдельного индивидуума. Такой подход особенно люб всякого рода тоталитарным и авторитарным режимам, а в Латинской Америке их было более чем достаточно.

Отдельный индивид предстает как бы «кусочком» единого большого организма, наподобие коралла. Организмический взгляд на общество был присущ, например, Г. Спенсеру. Отчасти похожий подход наблюдается в популистских моделях итальянского корпоративизма Б. Муссолини, «нового государства» Ж. Варгаса, хустисиалистского режима Х.Д. Перона и других подобных режимов. Общее состояло в отрицании самоценности личности человека, низведении последнего до особи, «винтика», «атома» большого организма. По сути дела, это означало отрицание духовно-нравственной природы человека, свободы его внутренней витальной энергии, его ума, воли, способностей, эмоций. При таком подходе человек имел право на жизнь и труд, признавался как индивидуум и физическая особь, даже как гражданин, но отнюдь не как самостоятельная и свободная личность.

Личность мыслится нами в качестве особого символа невидимой, но высшей внутренней энергии индивидуума, не его физической, мускульной или либидозной энергии, а его духовно-нравственной, созидающей, культурной энергии.

Своеобразной формой такого творчества является поиск широкого простора и свободы самореализации, в том числе иммиграции.

Ни смена государственных форм, ни даже переход от одного способа производства к другому, ни войны и завоевания, т.е. практически ничто не может легко и быстро переделать цивилизационный тип личности – особенности менталитета, религиозные и этические стереотипы, семейные и гендерные традиции, привычные формы социального поведения, культуру быта, язык, ху-

дожественное творчество, отношение к жизни и смерти. Одним словом, цивилизация и личность спаяны воедино. Это наглядно проявляется в жизни диаспор.

Можно сказать иначе: *личность есть человеческое воплощение и образ цивилизации, и наоборот*. Личность формируется по образу и подобию цивилизации, которую творят сами люди.

Человек представляет собой одновременно носителя и создателя цивилизации. В этом смысле особый интерес для нас имеют многообразие типов и характеров людей, связанных с той или иной цивилизацией, с тем или иным временем и пространством.

Сама по себе эта тема относится скорее к сфере культурологии и социальной психологии. Не случайно столь большое внимание ей уделили такие корифеи психоантропологии, как К.Г. Юнг, Э. Фромм, Н.А. Бердяев и др. Нас сейчас интересует не динамика сознательного и бессознательного в поведении личности, не типология интровертных и экстравертных индивидуумов, о которых писал К.Г. Юнг. Более интересны для нас виды различных социальных ориентаций, предложенные Э. Фроммом: рецептивная, эксплуататорская, накопительная, рыночная и пр.

Типология цивилизационной личности включает в себя такие социальные моменты, как религиозные традиции, моральные ценностные ориентации, духовность, толерантность, интеллектуализм и др.

Если с таких позиций взглянуть на Латинскую Америку, то мы вынуждены будем признать, что в цивилизационном плане сама она изначально явилась «предприятием» многих личностей, взваливших на себя ношу по освоению целого необжитого континента, представлявшего «зеленым адом». Американские индейцы были первопроходцами в этой одиссее, что нашло отражение в их мифах о своих культурных героях. Древнеамериканские деспотии при завоевании новых земель разрушали общинный строй покоренных ими народов и переселяли часть населения, распределяя их между иноплеменниками.

Как явствует из индейских литературных памятников и хроник завоевателей-испанцев, образовался обширный слой людей, «вырванных» из своей природной и социальной среды. Из этого слоя вышли люди, служившие проводниками и переводчиками испанским завоевателям. Такими людьми были Малинтцин (Марина), жена завоевателя Мексики Эрнана Кортеса, и Фелипильо, переводчик завоевателя Перу Франсиско Писарро.

Завоевание еще более перемешало людей и добавило к ним массу переселенцев из Африки. Колумб, Кортес, Писсаро, Нарваэс и другие конкистадоры, заключавшие соглашения с испанской короной, тоже выступали в роли предприимчивых лично-

стей, осваивавших заморские земли. Все они осознавали себя личностями, историческими деятелями, которым постоянно приходилось сопоставлять «свое» и «чужое» природное и социальное пространство, осваивать и оценивать это «чужое» и пользоваться последним как «своим», не теряя своей идентичности. Такой человек научается постоянно перекодировать информацию, делать свой выбор без подсказки со стороны и взваливать на себя всю ответственность за принятое решение. Нечто подобное переживает и диаспора. Сильнейшим натурам этого типа присуще чувство огромной внутренней свободы, осознание беспредельности человеческих сил и возможностей, ничтожности разных «табу» и прочих запретов.

Личностное начало в иберо-американской цивилизации получило полный простор не только по отношению к природной, но и к привычной социальной среде и традиции.

Исторические традиции культуры и развития личности продолжают оказывать свое воздействие на всю жизнь современных латиноамериканских обществ, а следовательно, и на судьбу их диаспор, которые вышли из материнского лона в мир.

Восстановление демократических порядков и проведение целой серии социально-экономических и политических реформ, прошедших в Латинской Америке совсем недавно, существенно изменили объективные условия и возможности производительного использования социальной энергии, формирования новой творческой личности и тем самым развития всей латиноамериканской цивилизации, а соответственно и ее диаспор в США.

1.4. Типология диаспоральной личности

Диаспора – это не некий мыслимый абстракт, а сумма живых людей. Разумеется, в действительности нет какого-то особого, исключительного вида (типа) диаспоральной личности на все времена и во всех междивизиональных контактах. Типология личности имеет некий универсальный характер, но определенная специфика, или преломление этого разнообразия в жизни диаспорального человека, все же имеется. Ведь речь-то идет о различных цивилизациях. Во всех случаях, в том числе и в отношении иберо-американского компонента США, действуют некие общие принципы градуации характеров массовых групп, по тем или иным причинам оказавшихся вне пределов материнской цивилизации. Понятие «тип», по К.Г. Юнгу, «есть пример или образец, характеристически передающий характер родового понятия или всеобщности»⁶, встречающийся во многих индивидуальных

формах. Мы исходим из этого определения, но анализируем не психологию, а социологию личности.

Условно можно выделить три главных типа диаспоральной личности:

1. Натуры, в основном сохраняющие и в новых условиях черты родной цивилизации и органически неспособные впитать чужие характеристики и свойства, чужую культуру и менталитет, а также язык. Они ощущают в течение всей жизни «враждебную» среду, в которую их забросила судьба. К этому типу, например, следует отнести многих испанских политэмигрантов и членов их семей в СССР в 40–70-х годах XX в., чилийских, сальвадорских, гаитянских демократов, выехавших за рубеж в годы военных диктатур, и др. Эта группа более соответствует интровертному психическому складу. Их пребывание в США можно сравнить с вавилонским пленением древних евреев, мечтающих о бегстве на родину и только ждущих удобного случая для возвращения домой. Вне родной цивилизации им не хватает кислорода.

2. Ко второй группе относятся те добровольные или вынужденные диаспоряне-переселенцы, которые способны, не теряя старых традиций и культуры, обогащать свою личность элементами новой культуры, овладевать иностранным языком, приобщаться к иной цивилизации. Эта категория отличается большей эластичностью характеров и чаще всего соответствует экстравертному типу личности.

3. Третью группу образуют укорененные диаспоряне второго и последующих поколений, которые почти утратили всякие контакты с языком и культурой своих предков и полностью вписались в структуру новой цивилизации. Пуловина, связывающая их с родной почвой, не только обрезана, но усохла и окончательно отслоилась. Многих из этих лиц скорее даже следовало бы исключить из состава латиноамериканской диаспоры и, напротив, включить в качестве особых этнических общностей в совокупный состав североамериканской цивилизации.

Эту особенность различных типов диаспоральной личности, и не более того, мы как раз и собираемся определить. Ведь именно эти люди персонифицируют весь сложный процесс синтеза различных цивилизаций в его человеческом измерении.

В известном смысле эта трехзвенная типология соответствует общей динамике развития диаспорального населения – от первичной враждебности и самоизоляции до органического включения представителей одной цивилизации в жизнь другой цивилизации. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что последняя, в свою очередь, что-то заимствует у новых диаспор и тем обогащает собственную культуру. Североамериканская цивилизация, как

известно, насквозь пропитана этими заимствованиями, но переваренными в ходе истории и приобретенными в конце концов собственное новое устойчивое качество, отличное от всех первоначальных источников своего формирования.

Когда речь идет о латиноамериканской диаспоре и/или латиноамериканских меньшинствах в США, приведенная типология выступает особенно наглядно. При этом чаще всего все три типа не разделены друг с другом, а как бы постоянно пульсируют в душе и теле одной личности, а не в двух или трех. Они сочетаются, образуя особо сложную композицию личного существования на чужбине, постепенно становящейся второй родиной.

Но трезвенная градация является, конечно, слишком общей, ибо не учитывает этническое и культурное многообразие латиноамериканских диаспор, проживающих ныне в США, разницу исторических эпох и многое др. Не случайно поэтому в Нью-Йорке, Сан-Франциско и других крупных городах существуют целые кварталы не аморфного латиноамериканского населения, а компактного моноэтнического состава: мексиканские, чилийские, пуэрто-риканские. На Брайтон-бич расположен автономный русско-еврейский квартал. В таких диаспоральных районах имеются национальные рестораны и увеселительные заведения, свои рынки кустарных изделий, издаются журналы и газеты на испанском языке, в церквях идет служба также на испанском или португальском языках и т.д.

Одним словом, диаспоры живут собственной жизнью, хотя тысячами нитей связаны с окружающим англоязычным социумом. Особую роль играют, конечно, те группы латиноамериканского населения, которые либо исконно (поскольку жили на этих территориях до их аннексии Соединенными Штатами), либо естественным образом полностью ассимилировались с многонациональным составом страны. Эти группы уже говорят только на английском языке, исповедуют «американский образ жизни», активно участвуют наряду с другими национальностями в политике, культуре, бизнесе.

Было бы важно точно определить численность различных типов, так сказать, «чистых» латиноамериканских диаспорян и соответствующего американизированного «национального» меньшинства (точнее, соответствующих меньшинств).

К сожалению, официальная статистика не проводит специального разграничения между собственно диаспорой и латиноамериканской «общиной» (community) США. Это объясняется не столько трудностью подсчета, сколько расплывчатостью качественных границ между ними. В условиях многоукладной экономики, полиэтничности и непрерывной динамики миграционных по-

токов знание английского языка и даже незнание испанского, религиозные предпочтения (католицизм, протестантизм и пр.), равно как и атеизм, или уровень образования, социальный статус, время проживания в США и т.д. отличаются чрезвычайным многообразием. Все это только в своей совокупности позволяет интуитивно определять ту границу, где «чистая» диаспора перетекает в латиноамериканское меньшинство (community).

Тем более трудно это сделать при взгляде на ту или иную отдельную личность. Здесь действует закон больших чисел. Нередко целые семьи как бы раздваиваются в своей сущности: одним боком они связаны с родной цивилизацией, но другим все плотнее сращиваются с новой. Такое состояние может длиться всю жизнь. Отсюда возникает широкий веер самых различных психодушевных состояний.

Одним словом, диаспора или диаспоры – это не какой-то одноцветный монолит, а сложный и многослойный мир. Он испытывает не только внешние, но и внутренние напряжения и противоречия. В нем также происходит социальное расслоение, меняется вертикальная и горизонтальная социальная мобильность, одни поднимаются «вверх», другие опускаются «вниз», идут свои семейные и клановые коллизии и согласия.

Ввиду особого положения диаспоры в американском обществе все перипетии ее жизни приобретают особую остроту. Чувства радости и гордости за свою смелость и удачливость у одних сочетаются с отчаянием и разочарованием у других. Когда такое раздвоение происходит внутри одной семьи – отец счастлив, что живет в США, мать страдает и тоскует об утраченной гармонии души, а дети мечутся в поисках собственного счастья, – тогда наступает время глубоких человеческих страстей и трагедий.

Вот почему исключительно важное значение имеет личностный фактор – способность индивидуума выживать и развиваться в новой среде. Ведь, по сути дела, диаспора – это всего лишь человек, взятый в своей массовой совокупности и поставленный в определенные условия своего существования. При этом следует учитывать принципиальную разницу в положении одного и того же индивидуума во время его естественной, первичной социализации в лоне материнской цивилизации и последующей, вторичной социализации уже в «теле» нового общества и новой культуры.

Под первичной социализацией мы имеем в виду весь процесс превращения ребенка во взрослую личность с устойчивым характером, определенной ментальностью, четкими ценностными ориентациями, конкретным языком, тем или иным уровнем профессионализма, политических и культурных навыков, морали, присущих данному обществу. Обычно личность, как растение,

формируется на том месте и в той среде, где она родилась. Весь дальнейший рост неразрывно связан с особенностями первоначальной родины. Огромную роль поэтому играют семья, малые подростковые группы, школа, первые трудовые предпочтения, общий духовный и моральный дух Родины.

Но вот уже сложившаяся личность «пересаживается» в принципиально иную «почву», чужую социальную обстановку – без знания чужого языка и культуры, без привычных связей с друзьями и обществом, часто не имея гражданства и т.п.

Каждому человеку в этих условиях волей-неволей приходится переживать сложный период вторичной социализации. Взрослый человек как бы вновь становится ребенком.

В известной мере все это можно сравнить с крещением младенца, который еще ни о чем не ведает и ничего не понимает, и сознательным актом крещения взрослого человека, самостоятельно избирающего свою веру. Разница между такими формами одного и того же таинства имеет принципиальный характер.

В ходе вторичной социализации уже в рамках диаспоры неизбежно наступает тяжелый период неизбежного внутреннего беспокойства и напряжения. Происходит подлинное преобразование личности. Меняется весь стереотип жизни: надо овладеть новым языком, менять профессию, заново определяться со своим статусом в обществе, искать контакты с соотечественниками, заводить «свое дело» в бизнесе и т.д. Не удивительно, что многие слабые натуры не выдерживают такого напряжения и предпочитают вверять свою судьбу в руки капризной фортуны. Личность человека всегда развивается не в вакууме, не сама по себе, а лишь в процессе посланных ей судьбой переживаний и вызовов. А диаспоральная жизнь – это именно судьба.

Вторичную социализацию можно назвать адаптацией, приспособлением или как-то еще, но суть дела от этого не меняется: перед нами чрезвычайно тяжелый и опасный переворот в личном и семейном бытии, который разрешить не каждому под силу. Даже самым ищущим и авантюрным лицам, жаждущим обогатиться, получить новые наслаждения, скрыться от преследования и т.п., тоже очень непросто найти свое счастье в новом мире.

О детях речь в данном случае не идет, ибо они легче, чем взрослые, адаптируются к новой среде, поскольку, оказавшись в ней, переживают свою первичную социализацию.

Диаспоральная личность независимо от типа характера всегда ощущает на чужбине особое внутреннее напряжение, нередко чувствует себя изгоем, человеком второго сорта. Проходит немало времени, пока иммигрант приспособливается к непривычному статусу. Индивидуальные способности, особенно интел-

лект, воля к жизни, эластичность психики, помогают сравнительно быстро и органично вписываться в «чужое» социальное пространство. В случае слабого развития личности процесс вторичной социализации растягивается на десятилетия. Многие так и не поднимаются с колен, внутренне соглашаясь на зависимое и бедное существование. Они не верят в свои силы, а нередко пассивно опускаются на самое дно. Вот почему наркомания, проституция, преступность повсюду распространяются именно среди диаспорального населения, особенно прибывшего из отсталых бедных стран. Это положение присуще и латиноамериканской диаспоре в США. По сути дела, этот тип диаспорян лишь продолжает свои прежние традиции жизни в фавелах Рио-де-Жанейро, «крысиных поселках» вокруг Буэнос-Айреса, трущобах пригородов больших городов. Все пороки урбанизма и аграризма материнской цивилизации перетекают вместе с мигрантами в США, где получают еще более мощный стимул для расцвета, сплетаясь с местным криминалитетом. Во всяком случае, именно такая традиция свойственна низовым слоям диаспоры. Они чаще всего действуют под влиянием эмоций и потому испытывают на себе огромное давление чужой социоэкономической и психической среды. Здесь формула Маркса «бытие определяет сознание» действует со всей силой. «Американский образ жизни» становится для них только объектом поклонения, а вся былая жизнь чуть ли не позором и грехом. Таких лиц Э. Фромм называл людьми «рыночного характера», которые ради адаптации к условиям готовы отказаться от собственного «я».

Иначе дело обстоит, когда на сцене действуют сильные и творческие натуры. Они не отбрасывают в сторону традиции родной цивилизации, а просто добавляют к ним преимущества и достижения новой. Они высоко ценят качества и своей родной, и американской цивилизации, представляя собой как бы прообраз будущего «гражданина мира». Они являют собой свободные и крепкие личности, которые хотят не просто подстроиться к новой обстановке, но в чем-то ее перестроить, изменить на пользу себе и всему обществу. В чем-то они напоминают утилитаристов, о которых писали И. Бентам и Дж. Ст. Милль. Их цель основывается на идее борьбы за максимум благ для максимума людей.

Конечно, не слабые и отсталые группы представляют динамичное ядро диаспоры. Это ее массовый балласт. Энергичный ресурс латиноамериканской диаспоры в США несут в себе самые продвинутые и деловые слои, самые активные и талантливые личности. В современных условиях, особенно в сфере бизнеса, выделяются несколько типов экономического и социального человека. В принципе новая градация проявляется во всех диаспо-

ральных сообществах, но в США она представлена особенно отчетливо именно среди диаспорян латиноамериканского происхождения. Это объясняется тем, что встреча и взаимодействие различных культур неизбежно порождает некое новое качество, в том числе смешение, или синергию, различных цивилизационных начал.

Наиболее развернуто эта проблема в теоретической плоскости в отечественной литературе поставлена Ю.А. Васильчуком⁷, на работы которого мы в данном случае опираемся в первую очередь. Предложенную им методологию, на наш взгляд, можно вполне использовать и в отношении латиноамериканской диаспоры в США. Мировая наука, подчеркивает Ю.А. Васильчук, исходит ныне из признания нескольких основных типов личности, взятой в ее социальном и экономическом, а не психоэмоциональном измерении. Разумеется, речь идет о типологии личности самых передовых, даже элитарных слоев диаспоры, ибо ее основная часть еще остается на стадии простой обывательской массы и скорее относится к потребительским, а не созидующим типам личности. Следует помнить, однако, что условные типы вовсе не разделены между собой, а часто переплетаются и взаимодействуют в рамках внутреннего мира конкретного человека.

Экономически и социально развитые страны, США в первую очередь, на этапе перехода от индустриальной стадии к информационной отчетливо показали, что в условиях необратимой глобализации происходит качественное преобразование человека, его эмоционального, интеллектуального и нравственного потенциала, интересов, мотиваций и потребностей.

Латиноамериканцы в США в связи с этим оказываются в неординарной ситуации: они вышли из агротрадиционалистского или, в лучшем случае, индустриального мира и сразу же оказались в структуре открытого информационного общества, с его высокой технологией, динамизмом, компьютеризацией, высоким уровнем потребления, полиэтничностью, множеством религиозных и гражданских институтов. Как найти достойное место в жизни? Какими качествами надо обладать, чтобы не потерять, а укрепить собственную личность? На современном этапе развития наиболее продвинутые и активные люди превращаются в тот социальный (а не денежный или вещественный) капитал, который и движет всю цивилизацию вперед. Речь идет уже не о технико-экономических или количественных параметрах прогресса, а о его человеческом факторе.

В мировой науке в последние годы стали выделять четыре главных типа социального и экономического человека:

1) Архетип REMM (Resourceful, Evaluating, Maximizing MANN) – человек, заряженный огромной витальной энергией и силой духа, самоуважения и веры в свои силы, способный к рациональной и эффективной самореализации, устремленный к максимальному результату в интересах личного и общественного блага. Этот тип людей характерен не только для США, но и для крупных городов Латинской Америки. Поэтому для латиноамериканской бизнес-диаспоры обстановка в США воспринимается вполне естественно, хотя, может быть, и не выглядит столь благоприятной, как на родине. Наиболее энергично ведут себя мигранты с протестантским складом мировоззрения. «Догоняющий» характер их отечественной экономики влияет и на их «догоняющую» активность на новом месте жительства и бизнеса. Ко всему они подходят рационально и потому легко воспринимают прагматизм северо-американского общества. Правда, для этого человек должен располагать определенными ресурсами и опытом.

2) Архетип SRSM. Его содержание состоит из следующих элементов: Socialized, Role-playing, Sanctioned MANN. Перед нами самая социализированная личность с претензией на определенную ролевую функцию. Данная ориентация органично воспринимается обществом и как бы санкционируется правом и традицией соответствующего образа жизни. Ю.А. Васильчук писал, что такой человек «обретает подлинное “Я” лишь тогда, когда он несет свою любовь ближним и когда он получает “обратно” этот дар Христа, получает признание людей, “санкцию общества”»⁸. Отсюда вытекает установка не столько на рационализацию, сколько на гуманизацию рынка и социума. В наибольшей степени такая ориентация присуща католическим и демохристианским кругам Европы и Латинской Америки. В определенной степени этот архетип противоположен архетипу REMM, хотя оба способны совмещаться, символизируя синтез различных культур. Главная ставка делается на развитие творческой активности личности. В обоих случаях, хотя несколько по-разному, индивидуальный успех выступает главным условием процветания всего общества. Правда, во многих латиноамериканских странах еще совсем недавно преобладали этатистские приоритеты классического националистического десарроллизма. В новой обстановке эти стереотипы мышления постепенно изживаются и заменяются более индивидуалистическими устремлениями успеха, что прямо отражается на динамике развития гражданского общества. Эти представители латиноамериканской диаспоры играют ныне заметную роль в экономике, политике и культуре как в США, так и в своих латиноамериканских отечествах, играя роль своеобразных

межцивилизационных живых мостов. Что касается США, то они активно привлекают в страну творческих людей вне зависимости от их типологических характеристик.

3) Архетип ADDON – так называемый альтернативный человек (Alternative, Distractive, Desintegrated, Originating MANN). Он принадлежит уже целиком передовому интеллектуальному миру. Это самая творческая и потому почти анархическая натура. Она ведет непрерывную психоментальную борьбу с традиционными формами интеллектуального и материального производства, старыми установками и ценностями, все подчиняя требованиям информационно-электронного времени. Его альтернативность часто губительна для целых производств и сфер деятельности, равно как занятых в них людей, но зато открывает новые формы деловой активности и новые рабочие места. Это люди инноваций, самой высокой квалификации и творческого риска. Среди латиноамериканской диаспоры их число пока не велико, но оно быстро растет за счет молодого поколения. В перспективе, по-видимому, часть этих людей вернется в Латинскую Америку и займет там лидирующие позиции.

4) Архетип ADAM – отчужденный человек (Aloof, Desintegrated, Alienated MANN). Таких людей среди диаспорян латиноамериканского образца значительно больше. И это понятно, поскольку отчужденность, неустойчивость положения, страх перед судьбой, конфликт с новым обществом и государством объективно ставят многих иммигрантов, особенно незаконным образом пытающихся обосноваться в США, в ситуацию изгоев, «лишних людей», нарушителей закона. Нередко люди этого типа втягиваются в своего рода стихийный бунт, преступность, опускаются вниз и противопоставляют себя всему социуму. Многие поступки людей типа ADDON и ADAM нам непонятны, ибо не укладываются в норму, отклоняются от нее. Правда, так называемое девиантное (ненормальное) поведение свойственно и самым творческим и инновационным натурам, которые также как бы отстраняются от общества, хотя на деле своими делами и открытиями активно способствуют его развитию, подхлестывая весь ритм развития.

«Для компьютерной революции конца века, – правильно отмечает Ю.А. Васильчук, – решающим фактором стало самостоятельное творчество миллионов индивидуальностей, формирующих новую главную форму богатства наций – интеллектуальный капитал и интеллектуальную собственность»⁹.

Латиноамериканские диаспоры в США вносят в это дело свой весомый вклад, причем каждый тип личности действует по-разному.

Если же бросить общий взгляд на диаспору латиноамериканского происхождения в целом, то, на наш взгляд, ее можно отнести к классу пограничных или синтетических социальных явлений, причем, так сказать, возведенных в квадрат. Что мы имеем в виду? А то, что сама латиноамериканская цивилизация входит в пограничную группу, а североамериканскую можно по праву назвать синтетической, т.е. образованной из элементов самых различных цивилизаций.

Первая впитала в себя живые соки европейской (иберийской), африканской и автохтонной языческой культуры древних цивилизаций (маяя, ацтеки, кечуа, аймары, муиски и др.) и в этом смысле также является синтетической, но все же ближе всего она стоит к классическим латинским образцам жизнеустройства, культуры, производства и морали. Ее пограничность определяется тем, что в течение многих веков она занимает промежуточное место, одним боком соприкасаясь с Западом, а другими – с Востоком и Югом. И хотя географически она граничит с североамериканской синтетической цивилизацией, но по уровню развития, государственному устройству, языку, религии, культуре, всем традициям быта и т.д. резко отличается от устоев жизни США.

Проблема пограничного типа латиноамериканской цивилизации весьма подробно освещалась в трудах Центра сравнительных цивилизационных исследований ИЛА РАН и здесь не рассматривается. Нас интересует другое, а именно то, что латиноамериканские диаспоряне, будучи носителями первичной пограничности родной цивилизации, оказываются в обстановке вторичной пограничности своего бытия, но уже внутри новой цивилизации. Такое переплетение двух и даже трех пограничных ситуаций, взятое в индивидуальном и групповом срезе, вносит особое своеобразие в жизнь латиноамериканской диаспоры в США.

Вот почему проблему цивилизаций и их диаспор нельзя понять без выделения личности в качестве единственной и творческой силы их реальной эволюции и судьбы.

Краткая характеристика социальной энергетики и типологии личности латиноамериканских диаспор в США служит неким исходным методологическим критерием для последующего раскрытия конкретных форм вторичной социализации представителей одной цивилизации в обстановке другой цивилизации. Такое же общее методологическое значение имеет для нас и оценка тех объективных условий, в которых происходила и происходит первичная социализация личности на родине, т.е. в самой Латинской Америке. В этих целях мы переходим к анализу тех сил и факторов, которые выталкивают диаспору из Латинской Америки,

или, иначе говоря, способствуют экспансии (рассеянию) ее культуры за пределы континента.

Без анализа тех социоэкономических, культурных и политических условий, из которых вышли на историческую поверхность диаспоры латиноамериканской цивилизации, мы не сможем понять особенности ее существования в США. Однако бросим еще один общий взгляд на диаспору в ее цивилизационном измерении.

1.5. Диаспора как субъект цивилизационных процессов

Проблема диаспор как особых субъектов мировых цивилизационных процессов современности не может рассматриваться только с позиций старых позитивистских и сугубо материалистических концепций. Человечество уже достигло такого уровня саморазвития, когда духовно-информационный потенциал начинает превосходить былое могущество природно-географических и даже производственно-экономических факторов общественной жизни.

Глобализация и мировой культурный обмен легко разрушают все «заборы», издавна охранявшие целостность и самость отдельных локальных цивилизаций. На наших глазах весьма быстро и явственно нарастает некое асинхронное, но устойчивое и необратимое движение в направлении к новой всемирной и мультикультурной цивилизации будущего.

Особую роль в этом историческом процессе играют диаспоры. Они и прежде оказывали свое воздействие на эволюцию человечества, но теперь и по численности, и по реальной силе превратились в ряде случаев в некий самостоятельный субъект международной жизни. Самостоятельный не в смысле юридического и даже государственного оформления (хотя и такие варианты известны: Израиль, Палестинская автономия, область Альто-Адидже в Италии, Гагаузия в Молдавии, крымские татары и русские в Крыму, входящему в состав Украины, Нагорный Карабах (Арцах) в Азербайджане, осетины в Южной Осетии, входящей в состав Грузии, венгры в Трансильвании (Румыния), албанцы в Косово и в Македонии и т.д.), а в смысле значимости и реального вклада в жизнь мирового сообщества.

Если видеть в цивилизациях не только их форму (империи, государства, автономии), не только их религиозные, моральные и языково-культурные опоры (хотя и их тоже), но прежде всего *живых и реальных людей*, созидающих и несущих в себе весь «на-

родный дух», традиции, культуру, опыт материнских цивилизационных сообществ, то диаспора предстанет перед нами как некое ее продолжение в пространстве, как некая иррадиация ее творческой, социальной и культурной энергии. Причем, в отличие, скажем, от религии или науки как искусственных структур цивилизаций, диаспора сама представляет их естественное и живое – человеческое – воплощение. Идеи, традиции, язык передаются не косвенно при помощи книг, радио, телевидения, а существуют непосредственно в живой людской «упаковке». Проще говоря, диаспора являет некую маленькую цивилизацию – кусочек большой материнской цивилизации, осколок голограммы, выскочивший за ее пределы в мир и несущий в себе ее энергичный заряд.

По сути дела, как и вся цивилизация (материнская, стационарная), так и «выброшенная в мир» диаспоральная ее молекула, есть всего лишь определенным образом «организованная» масса человеческой витальной энергии. Все остальное – производное от нее. Если это так, а это так, то и цивилизацию, и ее диаспоральное «тело», силою судеб оказавшееся в ином пространстве, можно уподобить семье: «мать» остается дома, а чувственная «дочь» (или «сын») уходит из родительского очага на свободу искать счастья. Так и отдельный человек. Один – интроверт, весь сосредоточен вовнутрь, отгораживается от внешнего мира, самодостаточен. Другой – экстраверт, устремлен вовне, ищет контактов с другими людьми, жаждет смены образа жизни. Традиционная культура и освоенное предками пространство ему кажутся узкими и архаичными.

Конечно, было бы наивно приписывать этносам интровертные или экстравертные характеристики, но поскольку этносы – это человек, а не государство, то некоторые психологические черты тому или иному народу присущи.

Но диаспора в принципе не обязательно связана с этносом. Если цивилизация полиэтнична, то и ее диаспора в большинстве случаев обладает этой особенностью. Но национальный состав, о котором чаще всего говорят при описании диаспор, не имеет никакого (или самое малое) отношения к цивилизации. Их объединяет только человеческое первоначало. Если для этноса первостепенное значение имеет кровно-родственное историческое единство, то для цивилизаций – духовно-религиозная и культурно-языковая общность, а иногда и единая историческая судьба.

Так, скажем, исход евреев из России в Израиль с этнической точки зрения будет означать эмиграцию лиц еврейской крови на историческую родину. Такой же смысл присущ и эмиграции французского еврея. Но с цивилизационной точки зрения «русские евреи» приносят в Израиль российскую культуру и русский

язык, российские традиции. Они становятся носителями российской цивилизации в Израиле, постепенно и не без усилий усваивая религию, язык, культурные традиции своей исторической родины. Видимо, интровертные и экстравертные тенденции сочетаются вместе и действуют одновременно.

С другой стороны, в эпоху процветания цивилизации им присущ импульс внутреннего саморазвития, а в годы кризисов – люди покидают родные края и стремятся прибиться к другому берегу в поисках счастья. Но именно благодаря этому цивилизации излучают свою культуру вовне. Кроме этого, в периоды подъема происходит также активная экспансия вширь, включая военный захват и освоение новых территорий. Но этот вариант носит иной характер и не имеет прямого отношения к естественным диаспоральным «выбросам» цивилизационной энергии.

Таким образом, диаспоры могут иметь ту или иную этническую характеристику, но могут и не иметь таковой. Им присущ не столько этнический, сколько цивилизационный характер. Под ним мы подразумеваем определенный «геном» человека, оказавшегося в составе диаспоральной группы. Этот геном включает в себя язык, общий культурный код, религиозные предпочтения, традиционный уклад жизни, привычные ценностные ориентации, духовную связь с материнской почвой, ощущение своей «самости», отличной от людей других диаспор, и т.д. Проще говоря, всякого рода индивидуально-физические черты – возраст, пол, образование, семейное положение, профессия и другие – оказываются именно личными, а не коллективно-диаспоральными и потому являются с цивилизационной точки зрения второстепенными. Поскольку для самой личности именно эти качества составляют первооснову жизни, постольку мы также даем их общую социологическую характеристику.

Как бы то ни было, наш взгляд на диаспору можно рассматривать в качестве особого элемента той общей цивилизационной концепции, которую мы развиваем в своих исследованиях по проблемам Латинской Америки. Эта концепция связывает, а не разделяет цивилизационные процессы и их диаспоральные внешние «выбросы». Важно понять и пути ассимиляции этой извне прибывшей «чужой» человеческой энергии с организмом «принимающей стороны» – новой цивилизацией. В данном конкретном случае – североамериканской.

Южные территории современных США сравнительно недавно принадлежали Мексике, но затем одна за другой были аннексированы сильным северным соседом: Флорида – 1819 г., Техас – 1845 г., Нью-Мексико и Калифорния – 1850 г., Аризона и Невада – 1862 и 1864 гг.

Именно в этих штатах проживает ныне основная масса латиноамериканского населения США, в том числе и диаспора.

Латиноамериканская диаспора (точнее, диаспоры) в США – это не бесформенная и пассивная масса бедных и отсталых иммигрантов, хотя и таких немало. Это активная человеческая сила. Она на свой лад приспосабливается к новым условиям и постепенно все глубже проникает в лоно североамериканской цивилизации.

Латиноамериканские «пришельцы», как и все другие аналогичные диаспоры, постепенно «перерождаются» в органический, хотя и самобытный, компонент общей североамериканской цивилизации. Ее состав и характер шире и богаче, чем государство США. Многие представители латиноамериканских диаспор даже полностью отчуждены от государства: остаются гражданами своих родных стран, не владеют английским языком, ограничены в политических правах, живут нелегально, не имеют постоянной работы и заработка, остаются маргиналами или даже ведут криминальный образ жизни.

И тем не менее все они день за днем, год за годом, преодолевая невзгоды и страдания, либо «внедряются» в тело североамериканской цивилизации, приобщаются к новой культуре и языку, либо возвращаются к родным берегам, либо просто гибнут или продолжают влачить жалкое существование.

Нас, однако, в первую очередь интересуют пока не столько процессы ассимиляции и «переваривания» латиноамериканских диаспор в «американском котле», сколько механизмы сохранения латиноамериканских цивилизационных качеств и характеристик в новых объективных условиях. Одним словом, на данном этапе исследования нас интересует не конец, а начало диаспоральной жизни.

Если продолжить сравнение с семьей, то судьбу диаспоры можно сравнить с участью невестки в доме мужа: она либо становится полноценным и всеми любимым членом новой семьи, либо страдает и терпит всяческие укоры и гонения, либо, будучи не способной адаптироваться к непривычным условиям и переделать себя по образу и подобию мужа, со слезами возвращается в отчий дом. Все три варианта нередко случаются с одним лицом, что свидетельствует о чрезвычайно многообразных и противоречивых явлениях в жизни отдельного человека и целых диаспор.

Цивилизационная концепция истории диаспор в современном мире исходит, таким образом, не только из их социоэкономических и политических реалий, но и реалий духовно-этических, культурных и психологических.

Впрочем, в настоящее время представление об этносе как этносоциальном и биосоциальном организме, когда принад-

лежность к нему человека определяют кровь и почва, все более сменяется культурно-институциональным видением проблемы. В этом случае принадлежность человека к тому или иному этносу выглядит не как предопределенный природой феномен, а как результат выбора человеком той или иной культуры в качестве среды обитания и поля творческой деятельности. Да и сама категория этноса как объективной данности ставится под сомнение и даже вовсе отрицается и выглядит мысленным конструктом исследователя, который пользуется им для удобства анализа процессов, протекающих в развитии человеческого общества.

В этом смысле понятие этноса принципиально отличается от таких объективно существующих институтов, как семья, род, племя, народ, государство с его суверенитетом и гражданством. Но спор о существовании этносов и их свойствах относится к предмету этнологии. Мы же занимаемся анализом современных цивилизаций, и участие в таком споре не является для нас обязательным. К тому же у самих авторов данной монографии существуют разные мнения на сей счет, и их изложение увело бы нас далеко в сторону от предмета нашего исследования. Мы предпочитаем вернуться к категории диаспоры и конкретно к вопросу о роли иберо-американских диаспор в современной североамериканской цивилизации.

До сих пор мы говорили о двух исторических путях появления диаспор. Во-первых, об иностранном завоевании какой-то территории и рассеянии его жителей завоевателями с места первоначального обитания. Во-вторых, речь шла о миграции части жителей какой-то страны в другие страны по экономическим, политическим, религиозным и другим соображениям. До Второй мировой войны термин «диаспора» в значении «перемещенная, рассеянная часть народа» употреблялся только по отношению к евреям и армянам.

Однако после Первой и особенно после Второй мировых войн образовались новые диаспоры, так как они сопровождались переселением огромных масс людей определенной национальности с их исторической родины, даже их физическим уничтожением. Драматические переселения миллионов и десятков миллионов людей произошли в процессе образования новых независимых государств после распада СССР и Югославии.

Наконец, радикальное изменение демографической ситуации в связи с падением рождаемости, совпавшим с завершением процесса индустриализации в промышленно развитых странах и становлением информационного общества, потребовал массового притока малоквалифицированной рабочей силы в сферу услуг. А

источником поставки новых, молодых рабочих рук стали перенаселенные Восток и Юг.

В результате отчетливо обозначились и другие пути образования диаспор, которые ранее выглядели чуть ли не исключением, а сегодня стали почти что правилом.

Во-первых, многие миллионы людей, никуда не уезжавших с постоянного места жительства, в результате изменения государственных границ оказались в положении диаспоры (русскоязычное население в ряде стран СНГ, сербы в остальных республиках, образовавшихся на месте бывшей СФРЮ, пуштуны в Пакистане, тамилы на Шри-Ланке и т.д.).

Во-вторых, вследствие массового переселения по экономическим соображениям и высокой рождаемости в семьях мигрантов в мегаполисах развитых государств образовались многочисленные инокультурные диаспоры (пуэрториканцы, гаитяне в Нью-Йорке, выходцы из Индии и Вост-Индии в Лондоне, алжирцы в Париже, турки в мегаполисах Германии, марокканцы в Мадриде, албанцы в Италии, азербайджанцы, татары, чеченцы в Москве и т.д.). Без таких диаспор экономика этих мегаполисов и даже небольших развитых стран, таких как Австрия, Швейцария и другие, рухнула бы из-за отсутствия рабочей силы, так как высокообразованные так называемые коренные жители названных городов и стран не готовы выполнять неквалифицированную, но необходимую работу. Однако появление новых диаспор ломает привычный уклад жизни местного «среднего класса».

Диаспора – это не временное, аморфное состояние определенного человеческого сообщества (общины), а более или менее постоянное состояние, включающее несколько поколений людей. Это структурированная, организованная и институционализируемая община с общим языком, однотипной культурой, общностью происхождения и общим самосознанием, но оторванная от своей исторической родины или утратившая ее на время, иногда – навсегда. Такая община может сложиться из эмигрантов, переселившихся по своей воле или изгнанных силой и привезенных в другую страну. А может появиться и в результате изменения государственных границ или завоевания данной территории чужеземцами.

Проблема диаспор становится, таким образом, одной из острейших глобальных проблем наших дней. Она заставляет многие государства разрабатывать не только свою миграционную, но и диаспоральную политику, признавать диаспоральные организации в качестве субъектов международных отношений.

Локальные цивилизации можно представить себе в виде исторически обусловленных долговременных способов производства,

переработки и трансляции информации, а шире – социальной энергии. В отличие от государственных образований, локальные цивилизации существуют на протяжении нескольких веков и даже тысячелетий. В нынешних условиях носителем цивилизации все больше становится конкретная личность, которая имеет возможность сделать осознанный свободный выбор между разными существующими цивилизациями. Люди могут даже возродить, казалось бы, угасшую или рассеянную цивилизацию, восстановить ее коллективную память и ее самосознание. Все это оказывается возможным, если сохранились соответствующие памятники духовной и материальной культуры, сохранился язык, пусть даже «мертвый», т.е. не используемый в общезитии, но находятся люди, восстанавливающие его как средство общения между ними. В качестве примеров сошлемся на современные еврейскую, греческую, кельтскую, саамскую, баскскую, уйгурскую цивилизации, реликтовые коптскую, индейские цивилизации Америки. Восстанут ли эти последние или угаснут, будет зависеть в основном от воли носителей этих языков и культуры.

Наличие собственной государственности – важный, но не обязательный признак существования локальной цивилизации. На протяжении целых столетий у китайской цивилизации не было собственной государственности, так как Китай завоевывали иноземные варвары. В течение многих веков у китайцев было много одновременно существовавших государств. То же можно сказать о византийской, персидской и других классических цивилизациях.

И среди современных цивилизаций разные государства, пользующиеся, например, английским языком как государственным, связывают свою судьбу с разными цивилизациями.

В настоящее время в ареал североамериканской цивилизации входят два государства, где официальным языком является английский язык – США и Канада (в последней к нему добавился и французский язык). Вероятно, в этот ареал войдут и многие англоязычные молодые карибские государства. Во всяком случае, этот процесс идет с середины XX в.

Любая цивилизация имеет очень сложную, динамичную, пульсирующую структуру, наряду с ядром, которое можно уподобить солнцу, т.е. сгустку, генерирующему и рассеивающему человеческую энергию, заметны протуберанцы и притягиваемые планеты. Среди этих планет в первую очередь следует выделить различные диаспоры, которые уподобляются мостам, соединяющим разные цивилизации.

В данном случае речь идет о сложнейшем переплетении и взаимодействии близких и отдаленных цивилизационных пото-

ков, старых (как средиземноморская и вообще европейская) и относительно молодых (латиноамериканская и североамериканская).

При этом особенно тесно испаноязычные диаспоры, прежде всего мексикано-американская, взаимодействуют с индейским компонентом североамериканской цивилизации. Многие индейские народы США, например, индейцы – навахо, пуэбло и другие – занимали территорию, вошедшую в состав колонии Новая Испания. Некоторые из них стали испаноязычными. После войны между США и Мексикой эти территории отошли к США. Но воинственные индейские племена, так и не покоренные испанцами и мексиканцами, не хотели отдавать свои земли новым захватчикам и продолжали вооруженное сопротивление вплоть до 80-х годов XIX в.

Другим культурно близким компонентом, с которым тесно сотрудничают латиноамериканские диаспоры, являются афроамериканцы. Юг США вплоть до 20 – 30-х годов XIX в. входил в состав американских владений Испании, где сохранялись рабовладение и работорговля. Включение этих территорий в состав США значительно усилило рабовладельческий уклад и подготовило почву для будущей войны между индустриальным Севером и плантаторским Югом. В культурном смысле латиноамериканские диаспоры, включающие в себя значительную часть чернокожих латиноамериканцев, выходцев из карибских стран и Бразилии, стоят гораздо ближе к афроамериканцам, чем белые американцы-протестанты англосаксонского происхождения. Посредником в этом отношении выступает и диаспора карибских англо- и франкоговорящих афроамериканцев на континенте.

Довольно многочисленную группу составляют также общины португалоязычных африканцев – выходцев с островов Зеленого мыса и из других португальских владений в Африке, добившихся независимости в 70-е годы XX в.

Особое место среди испано- и португалоязычных диаспор Северной Америки занимают общины сефардов (иудаистские общины выходцев из Испании, Португалии, Фландрии и Голландии, укрывшихся от религиозных преследований в XVII–XVIII вв. в Северной Америке).

Каждая из этих групп занимает свое неповторимое место в системе североамериканской цивилизации, вносит свой вклад в развитие североамериканской культуры, обогащая ее содержание и формы, расцветивая новыми красками, напевами, ритмами. Они привносят в повседневную жизнь североамериканцев новые праздники, обряды, помогают разрабатывать оригинальные кулинарные рецепты и образцы моды.

Если раньше, во второй половине XIX – начале XX в., акцент делался на ассимиляции иммигрантов-одиночек, то начиная с 60-х годов пробивает себе дорогу понимание благотворности культурного симбиоза как важной внутренней движущей силы развития цивилизации. Культурное разнообразие в конечном счете является непременным условием выживания и развития любой цивилизации. Окостенение и замыкание в себе приводит ее к вырождению и гибели.

1.6. Некоторые особенности североамериканской традиции в анализе диаспоральной проблемы

В мировой литературе, посвященной проблемам диаспор, существует много различных подходов. Обозреть все их невозможно и в данном случае не обязательно. Достаточно кратко коснуться только одного сюжета, который имеет прямое отношение к теме нашего исследования. Речь идет о главных принципах североамериканского подхода к общей оценке собственной цивилизации и ее способностей по ассимиляции и вторичной социализации многомиллионных масс пришлого населения. Сами США относятся к странам переселенческого типа и потому как бы изначально предрасположены к восприятию и качественной «перепелке» человеческого материала.

На этой базе возникла философия так называемого плавильного котла. На этой основе была построена и вся современная идеология мультикультурализма, т.е. восприятия североамериканской жизни как исключительного и уникального образца поистине «новой цивилизации».

Идеология «плавильного котла», получившая свое название по одноименной пьесе И. Зануилла (1908), отразила реальную интеграционную тенденцию, преобладавшую в развитии США на протяжении длительного периода, и объективно, как отмечают исследователи, сыграла творческую роль в американской истории, создав идеологический и философский фундамент молодой формирующейся нации. Основой этого фундамента стала идея о рождении нового общества в результате постепенной «переплавки» разных народов.

Окончательное теоретическое оформление концепция «плавильного котла» получила в трудах социолога Чикагского университета Роберта Парка, в 1920-е годы основавшего Чикагскую школу изучения расовых отношений (М. Гордон, А. Роуз, Г. Олворт), которая сохраняла свой авторитет вплоть до 60–70-х годов XX в.

Отстаивая концепцию либерального ассимиляционизма, включавшего в «плавильный тигель» черное и цветное население США, Р. Парк писал: «Каждое общество, каждая нация и каждая цивилизация представляли собой кипящий котел, в результате чего с неизбежностью возникали новые расы и новые культуры»¹⁰.

В истории США, по мнению Ю.А. Замошкина, этот процесс «переплавки» иммигрантов был отмечен особым драматизмом и психологической напряженностью, и «чем выше был уровень этого напряжения, тем подчас торжественнее и выпяченнее звучали декларации, долженствующие свидетельствовать о “сто процентном американизме”»¹¹.

Историческая специфика формирования национального самосознания и связанная с этим проблема «верности нации» как раз и воплотились в концепции «плавильного котла».

Философия бесконечной преданности новой родине, ее идейным принципам, политическим символам и образу жизни не оставляла места для сохранения старой национальной идентичности, традиций и «пережитков» прежней культуры прибывающих в США диаспор.

Подобная точка зрения, акцентирующая внимание на принципе унификации и единства, а не культурного многообразия американского общества, широко представлена в современной научной мысли США и других стран, в том числе и в Латинской Америке. К несомненным достоинствам исследований данного направления следует отнести богатый фактический материал, стремление расширить границы исследования, представить общую картину этнической истории страны, а также признание объективной роли всех этнических групп в формировании современной североамериканской цивилизации. «Америка выросла из колониального общества в современную урбано-индустриальную нацию не только благодаря вкладу англосаксонского населения. Люди другого происхождения также вложили свои идеи и таланты, и именно их труд по строительству Америки сделал ее такой, какой она стала», – справедливо отмечают авторы исследования «Местные и иностранцы: этнические группы и построение Америки»¹².

Несмотря на декларации об идеях и талантах иммигрантов, изучение этнической истории с данной точки зрения предполагало анализ того или иного диаспорального сообщества скорее как пассивного участника, объекта интеграционных процессов – «строительного материала» новой Америки. Специфика этого подхода состоит в детальном описании «внешних», формальных параметров (территории расселения, демографических данных,

основных исторических событий, социально-экономического и правового положения и т.д.), характеризующих жизнь этнических меньшинств «с высоты птичьего полета». Внутренние проблемы этих групп, тяжелые процессы адаптации, психологические драмы, культурная специфика остаются за границей исследовательского интереса.

Приветствуя неизбежность «переплавки» различных иммигрантских сообществ в единую американскую нацию, сторонники идеологии «тигля» считают, что ориентация на «историческую родину», сохранение традиционного образа жизни, ценностей и норм своей культуры, сохранение «пограничной идентичности» нарушают идеалы культурного единства и политическую целостность североамериканского общества¹³. Более того, иммигрантское стремление «оглянуться назад», поиски опоры в прошлом мешают становлению новой, лучшей жизни.

Джон Адамс писал: «Они (иммигранты) приехали в поисках независимой жизни, но эта жизнь связана с трудом; если они не смогут приспособиться к моральному, политическому и физическому складу этой страны... то Атлантика всегда открыта для них – чтобы вернуться на землю своих отцов. Они будут разочарованы в надеждах на счастье как американцы, если не поймут одну вещь. Они должны сбросить европейскую кожу и никогда более не возвращаться к ней»¹⁴.

Схематизм и ограниченность этой идеологии стали особенно очевидны теперь, что связано с глубоким изменением мирового общественного климата и сменой приоритетов социально-политической и культурной жизни современных поколений.

По определению американского политолога Р. Инглхарта, «сдвиг от материалистических к постматериальным ценностным приоритетам выдвинул на первый план новые политические проблемы и во многом стимулировал новые политические движения»¹⁵. Возникновение этих движений, не являвшихся чисто политическими и названных впоследствии «новыми социальными» – молодежных, экологических, феминистских, левых, контркультурных и других, – представляло неотъемлемую часть «еще более широкого процесса культурных изменений, переформирующих политические воззрения, религиозные ориентации, гендерные роли и сексуальные нравы в передовом индустриальном обществе»¹⁶.

Подъем новых социальных движений, разнообразных по своим целям, структуре, специфическим формам протеста, возникновение «партий новой волны» свидетельствовали о вовлечении в политический процесс все более широких слоев населения, озабоченных уже не столько «ценностями выживания», сколько ин-

тересом к полноценной, разносторонней деятельности. Это были поиски «новой социальности» (по образному выражению М.И. Новинской)¹⁷, новой культуры и новых эталонов в общественно-политической и повседневной жизни, подготовившие отход от жестких норм и привычных стереотипов к «мультикультурному» плюралистическому сознанию в масштабе всего общества.

На благоприятной почве переоценки общественных ценностей развивалось массовое движение протеста этнических меньшинств, в первую очередь афроамериканцев, против всех форм дискриминации – так называемая революция гражданских прав, лейтмотивом которой стало требование равных возможностей участия в социально-политической жизни для «белых» и «небелых» американцев.

Одну из ведущих ролей в этом процессе сыграли латиноамериканцы, выступившие от лица всех испаноязычных жителей США. Подъем охватил главным образом Техас и Калифорнию, но потом распространился и на другие южные штаты. Массовое движение протеста «чиканос» заставило власти США на федеральном и местном уровне пересмотреть свои позиции и принять ряд законов, обеспечивающих равные права испаноязычного населения в американском обществе.

С 1970-х годов американская статистика вводит рубрику «американец мексиканского происхождения», что свидетельствовало о новом статусе мексикано-американского меньшинства. До этого момента основными категориями при переписи населения были «белые» и «небелые» американцы, а графы «этническая принадлежность» не существовало вовсе¹⁸.

В связи с принятием законов об избирательных правах (1965 и 1975 гг.) расширилось участие представителей латиноамериканской диаспоры в местных администрациях штатов и городов, появились новые возможности участия в политической жизни, а ведущие партии были вынуждены учитывать интересы латиноамериканского населения страны¹⁹.

Особенно большую роль сыграло решение языковой проблемы. Это был шаг в сторону обеспечения реального, а не формального равенства гражданских прав.

После выхода ряда законов о статусе испанского языка и двуязычном образовании (в 1968 и 1974 гг.), представители испаноязычной общины получили право учиться на родном языке. В настоящее время испанский язык изучается в школах и университетах США в качестве второго, а в некоторых штатах он является официальным наряду с английским. В Министерстве образования США предусмотрены программы по подготовке преподава-

телей в двуязычных учебных заведениях. В 1974 г. Верховный суд США принял решение, согласно которому отсутствие реальной возможности обучаться на национальном языке является неконституционным и может повлечь за собой судебное разбирательство²⁰.

В процессе движения за гражданские права остро встал вопрос о культурно-историческом наследии этнических меньшинств. В 1972 г. Конгресс США принял закон об изучении этнического наследия, направленный на «создание необходимых условий для изучения учащимися своего этнического и культурного наследия, а также вклада различных этнических групп в создание американской нации»²¹. Согласно этому закону, федеральный бюджет финансирует организацию в университетах факультетов и кафедр по изучению истории и культуры этнических меньшинств, подготовку преподавателей, а также разработку специальных курсов, исследовательских и учебных программ в колледжах и общеобразовательных школах.

Верховные и местные власти поощряют проведение всевозможных праздников и фестивалей этнической культуры: во многих городах страны парады, шествия и другие мероприятия в честь памятных национальных дат или почитаемых личностей стали своеобразной традицией. Ежегодно в США проводится и неделя испаноязычного наследия.

В стране появилась разветвленная сеть местных периодических изданий на испанском языке: в 47 штатах издается более 200 ежедневных и еженедельных газет и более 100 журналов, которые играют важную роль в процессе социализации молодежи, повышения социально-политической активности, правовой грамотности, а также освещают повседневную жизнь и проблемы меньшинства. Среди них особое место занимает мексикано-американская пресса, расцвет которой пришелся на 70–80-е годы, когда издавались журналы «La Raza», «La Luz», «Nuestro». К сожалению, многие из этих изданий просуществовали недолго (в основном – 2–3 года, самый длительный срок – 10 лет), однако само их появление свидетельствовало о серьезных изменениях в политике США²².

Успехи движения за равноправие обернулись повышенными ожиданиями со стороны представителей этнических меньшинств и выдвиганием качественно новых требований. Как отмечает С.А. Червонная, «важнейшим из них было утверждение черными, а вслед за ними и другими меньшинствами, права на особое место в американской истории и культуре, признание обществом исторически сложившегося своеобразия отдельных групп и предоставление им не только формального права, но и реальных возможностей сохранения и развития своей самобытности»²³.

Серьезным изменениям в законодательстве и социально-политической практике сопутствовали и фундаментальные сдвиги на уровне идеологии. В результате «революции гражданских прав» стало очевидно, что далеко не все этнические группы, в том числе и американцы латиноамериканского происхождения, «переплавились» в «современную американскую нацию»: некоторые из них, признавая своими национальные символы США, отнюдь не хотят полностью отказываться от традиций, языка и культуры исторической родины.

Весь комплекс этих явлений дал мощный толчок развитию новой идеологии. Господствовавший ранее образ «общества-тигря» постепенно стал вытесняться образом «общества-оркестра»²⁴, а концепция «плавильного котла» была подвергнута резкой критике. Как отмечала Джоан Мур, «академические мифы относительно меньшинств были опровергнуты не более фундаментальными исследованиями, а самими меньшинствами. Их активность в 60-х годах... разрушила и концепцию “плавильного котла”»²⁵.

Тенденция к приятию, пониманию и развитию культурного многообразия американской цивилизации оформилась в идеологию мультикультурализма, или культурного плюрализма. Лейтмотивом новой концепции стало признание неповторимой индивидуальности каждого этнического меньшинства, его особой роли в американской истории, культуре и современной жизни.

По определению Международной энциклопедии социальных наук (International Encyclopedia of the Social Sciences), многозначное понятие «плюрализм» представляет собой «исторический феномен, нормативную доктрину и аналитический метод»²⁶. Одним из основных положений плюралистической теории является признание того факта, что «общество состоит из разнообразного единства умеренно независимых друг от друга религиозных, культурных, образовательных, профессиональных и экономических объединений»²⁷.

Следовательно, культурный плюрализм, как отмечено в Энциклопедии социальной и культурной антропологии (Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology), подразумевает, что «исторически сложившиеся культурные различия между людьми должны быть одновременно признаны и уважаемы законной властью, которая обеспечивает им равные права внутри национального сообщества»²⁸.

Н. Глейзер, профессор Гарвардского университета, один из главных идеологов нового направления, обоснованно понимает мультикультурализм как «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры как бы

в противовес единой американской культуре»²⁹. При этом Н. Глейзер не подвергал сомнению важность процессов интеграции: мультикультурализм должен был стать своеобразным механизмом более успешной, более полноценной интеграции, так как допускал сохранение элементов самобытности, культурной независимости, индивидуальности. «Разделять принципы культурного плюрализма – следовательно, разделять идею о том, что не может быть единой для всех модели американца, – отмечалось в специальной программе, подготовленной для колледжей и школ. – Одобрять культурный плюрализм – значит понимать и уважать различия, которые существуют среди граждан, составляющих нацию... Эта концепция направлена на более взвешенное понимание бытия и целостности всего общества, основанного на уникальности каждой из его частей»³⁰. В девизе «*e pluribus unum*» акцент переместился на слово «*pluribus*»; однако это не означало отрицания единства как основы американского общества.

Идеология мультикультурализма делает возможным обращение к неизвестным ранее страницам истории каждой этнической диаспоры³¹.

К числу наиболее интересных примеров мультикультурного подхода относится комплексное исследование известного социолога Джоан Мур «Мексикано-американцы»³².

Автор подробно и глубоко рассматривает историю формирования и современного положения этнического меньшинства: особенности иммиграции, экономическую, социально-политическую, демографическую, религиозную, культурную специфику. Большое внимание уделяется социально-экономическим проблемам, особенно бедности. Высокая рождаемость, многочисленные семьи, низкий уровень образования и другие факторы обусловили уязвимость социального положения многих диаспор. С точки зрения автора, это во многом объясняется и особенностями психологического склада, консервативными традициями и своеобразными нормами социального поведения, отвергающими мотивацию успеха, страсть к достижениям и победе, что в соответствии с пуританской логикой равносильно антисоциальному поведению.

В то же время негативный миф о латиноамериканских диаспорах давно не соответствует действительности, так как внутри меньшинства растет социально-экономическое расслоение и разобщенность, происходит консервация одних групп и американизация других.

Вывод, который можно сделать на основании исследования Дж. Мур, заключается в том, что своеобразие мексикано-американского меньшинства в США делает практически невозможны-

ми любые однозначные характеристики его перспектив: среди этой группы населения есть те, кто стремится принять американский образ жизни и доминирующие ценности, и те, кто предпочитает сохранять свою самобытность, а также сторонники «промежуточного» варианта. Действительность, по мнению автора, богаче теоретических крайностей и не укладывается в жесткую схему «ассимиляция – плюрализм». Позднее эта тема была продолжена Дж. Мур в ряде других работ, в частности в монографии «Испаноязычные в США», написанной в соавторстве с Г. Пачоном³³ и посвященной всему испано-американскому меньшинству, его проблемам и перспективам.

Для общего понимания диаспорального феномена большой интерес представляет работа известных историков и социологов М.С. Мейера и Ф. Риверы «Чиканос. История мексикано-американцев»³⁴.

Основная задача авторов заключается в «идентификации преобладающего характера мексикано-американцев»³⁵. Если отвергнуть стереотипы, существующие в сознании «белых» американцев, то мексикано-американское сообщество предстанет не гомогенной группой, предназначенной для тяжелого и неквалифицированного труда, а своеобразным соединением нескольких субкультур, для которых характерны значительные социальные различия в зависимости от рода занятий. Эти занятия не ограничиваются сельским хозяйством, но включают также бизнес, образование, медицину, политику. Противоречия внутри диаспорального населения растут с каждым годом. Тем не менее авторы исследования подчеркивают, что речь идет о сложном сообществе, для которого характерно цивилизационное единство, выраженное специфическим и условным понятием «расы». «Раса» обозначает этническую, культурную солидарность и общую судьбу. Из поколения в поколение приверженность «расе» проявляется в сохранении в условиях США своего определенного уклада жизни, обычаев, духовных ценностей, стереотипов поведения, которые в корне отличны от англо-американских³⁶. Культурная «совместимость» и цивилизационное взаимодействие разных народов – отдельная тема, лишь попутно затронутая в книге М. Мейера и Ф. Риверы; в целом же необходимо отметить, что попытка увидеть диаспору с этой точки зрения является достаточно интересной.

Серьезный вклад в изучение проблем диаспор представляет монография Р.Дж. Шейфера и Д. Мэйбри³⁷. Различные проблемы жизни: работа и досуг, профсоюзы, школы, общественная и культурная жизнь, политические организации и лидеры, особенности адаптации иммигрантов – получили отражение на

страницах этой монографии. Принципиальный вопрос о том, можно ли рассматривать диаспору как «связующее звено» между Северной и Южной Америками, не имеет, по мнению авторов, однозначного ответа. Очевидно, однако, что более процветающее, образованное, состоятельное меньшинство улучшит как латиноамериканский взгляд на США, так и отношение США ко всему испаноязычному миру в целом, отмечают Р. Шейфер и Д. Мейбри³⁸.

Особый раздел в изучении данного вопроса представляют собой справочники и энциклопедии, посвященные этническому многообразию США. В частности, большой интерес представляет солидное издание «Американские иммигрантские культуры: строители нации» (под редакцией Д. Левинсона и М. Эмбера)³⁹.

Несомненным достоинством этой работы является широкое понимание культуры, что позволяет объединить в единый комплекс многие особенности жизни и быта: проблемы иммиграции (специфика мужской и женской иммиграции), социально-экономическое положение, образование, религиозные, семейные и собственно культурные традиции, праздники и ритуалы, нормы повседневной жизни. Большое внимание уделяется демографическим процессам, прослеживаются основные тенденции их дальнейшего развития.

«Гарвардская энциклопедия американских этнических групп» под редакцией Ст. Тернсторма⁴⁰ – не менее масштабное и серьезное научное исследование проблем этничности, мультикультурализма, американского варианта «единства во множестве». Конкретным разделам собственно энциклопедии предшествуют статьи теоретического характера, поднимающие наиболее острые и спорные вопросы, касающиеся концепций этничности, сущности процессов ассимиляции, сохранения культурного плюрализма, ближайших и отдаленных последствий иммиграции. Обзор истории и современного состояния мексикано-американского меньшинства написан не только подробно, но и глубоко: большое внимание уделено цивилизационной специфике мексикано-американцев, их связям «со старой родиной», традициям, культуре, языку, семейной организации. Особое место занимают политические организации и движения чиканос, процесс пробуждения политического самосознания.

Важным достоинством таких энциклопедий является не только информационная значимость, обращение к уникальному историческому материалу, использование новейших статистических данных и постановка современных проблем, но и то представление о культурном многообразии страны, которое получает читатель, столкнувшись даже с частным, второстепенным вопросом.

Теоретические рассуждения о плюрализме культур получают таким образом реальные очертания.

Взгляд американских ученых отличает высокий профессионализм, вызывающая доверие объективность, широкий спектр используемых источников. Со страниц многих монографий предстаёт полная картина современной жизни латиноамериканских диаспор, с их традициями, обычаями, повседневными заботами, с их своеобразным отношением к прошлому и надеждами на будущее. Большинство авторов признает, что все диаспоры представляют собой неоднородные в социальном плане группы, которые обладают сильными культурными, религиозными и семейными традициями, «базовым культурным единством», что позволяет рассматривать их как самостоятельное явление в истории и современной жизни США.

Процессы аккультурации, которые идут в настоящее время, не ведут автоматически к ликвидации глубоких, принципиальных различий в мировоззрении, психологии, поведении различных этнических групп. В первую очередь это относится к иммигрантам, которые воспринимают поверхностные слои «американского образа жизни», сохраняя глубинные пласты своей культуры. Речь идет не только об испанском языке и католической религии, но также о традициях семейной солидарности, привычке к тяжелому и неблагодарному труду, психологическом приятии бедности, безденежья, отсталости, что глубоко противоречит американским ценностям индивидуализма, успеха и продвижения вперед, согласно которым нежелание быть богатым равносильно нежеланию быть здоровым. Врожденной житейской хватке, прагматизму и рационализму американцев противостоят иррационализм, мифологическое восприятие мира, негативное (в основном) отношение к технократическим новшествам. Социальной мобильности и страсти к переменам – стремление укорениться на своей земле, оседание в «барриос», консерватизм и традиционализм. Следует оговориться, что речь идет о самых широких, бедных слоях иммигрантов в первом и отчасти втором поколениях, низкоквалифицированных рабочих и др. Однако они составляют значительную часть всей латиноамериканской общины в США.

Изменения в ценностных установках за счет полного приятия американских стандартов происходят в основном в третьем поколении иммигрантов, в первую очередь – среди представителей обеспеченных слоев. Большую роль играют в данном случае и смешанные браки, причем, как отмечают исследователи, доминирующей и наиболее привлекательной для вступающих в брак является англо-американская культура, а не наоборот⁴¹.

Авторы исследования «Американские этнические меньшинства» отмечают: «Есть только одно общее звено, которое связывает всех испаноязычных американцев. Это звено – культурная и языковая преемственность, культивируемая в течение по меньшей мере трех (а может быть, и пяти) столетий. Американцы, говорящие по-испански, были едва ли не единственным этническим меньшинством, которое сопротивлялось “смешиванию”, отказываясь покидать свое культурное и языковое наследие»⁴².

В достаточно пессимистическом взгляде американских ученых отражается не только реальность, но и давний стереотип англо-американской культурной традиции, воспринимающей любого, не являющегося стопроцентным американцем, («un-American», по замечанию Ю.А. Замошкина), как чужого⁴³.

Тип враждебного «чужака», «другого», несущего скрытую или явную угрозу, исторически обусловлен и настолько силен в американской культуре, что его влиянию (в той или иной степени) оказалась подвержена даже научная традиция. Американские исследователи, собравшие колоссальный материал, посвятившие свою деятельность изучению жизни и проблем латиноамериканского меньшинства, несмотря на глубокую симпатию и уважение к культуре и традициям других народов, все равно остаются «людьми со стороны» – аналитиками и наблюдателями, воспринимающими объект изучения уважительно, но достаточно отчужденно. Латиноамериканцы для них – по-прежнему «другие», не всегда понятные и труднопредсказуемые.

В связи с этим нельзя не сказать несколько слов и о противоречиях самого мультикультурного подхода, который сегодня подвергается не менее резкой критике, чем когда-то концепция «плавающего котла».

Самый серьезный упрек, адресованный мультикультурализму, сводится к идее о его содействии дезинтеграционным процессам, нарушающим целостность американского общества, апологии «войны частей против целого»⁴⁴. Как отмечают авторы сборника «Американское правительство: единство в многообразии», результатом повышенного интереса к этническим корням явилось то, что «разъединение, кажется, распространилось больше, чем единство»⁴⁵.

Кроме того, критики мультикультурализма нередко говорят о потере общей политической культуры, о чрезмерном увлечении модой на «американцев с дефисом», об «этнической ярости», которая «не только отвлекает внимание от реальных проблем, но и ухудшает их состояние» (А. Шлезингер)⁴⁶. Эти обвинения в значительной степени вызваны усталостью от издержек и крайностей плюрализма и опасениями за судьбу общества, становя-

щегося все более гетерогенным и сложным. Идея мультикультурности, созревшая в практике движения за гражданские права, оказалась сопряженной с большими рисками для социальной целостности и гармонии.

В то же время представители самих этнических меньшинств и либерально настроенные авторы считают, что мультикультурализм, несмотря на серьезные достижения, не выполнил до конца своего предназначения, не обеспечил подлинного равенства социальных и культурных прав, глубокой интеграции этнических групп, в первую очередь афро-американцев и испаноязычных, в североамериканскую цивилизацию. Многие стереотипы общественного мнения, в том числе устойчиво-негативное отношение к «Hispanics» – испаноязычному населению, так и не были преодолены, а раздражение по поводу растущей иммиграции по-прежнему, как и в начале XX в., нередко оборачивается глубокой неприязнью к отдельным этническим группам.

В первую очередь это относится к иммигрантам из неевропейских стран – Азии, Африки и Латинской Америки. Во многом это объясняется тем, что большинство их не имеет достаточного образования и дохода, не знает английского языка и потому с трудом адаптируется к новым условиям. Историческая практика свидетельствует, что главной причиной исхода трудового населения из Латинской Америки в США является именно кардинальная разница в уровне и качестве жизни, развитии образования, здравоохранения, социального обеспечения, в степени развития демократических прав и свобод. Рассмотрим более конкретно объективные факторы этого процесса.

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 103.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 353.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 146.

⁴ Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 214.

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 306.

⁶ Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1997. С. 565.

⁷ См. подробнее: Васильчук Ю.А. Типология личности в эпоху НТР // Современная российская цивилизация / Рук. авт. коллектива Б.И. Коваль. М., 2000. Кн. 1; Он же. Личность и гражданское общество в эпоху НТР // Там же. М., 2000. Кн. 2.

⁸ Указ. соч. Кн. 1. С. 44.

⁹ Там же. С. 49.

¹⁰ Чертина З.С. Этничность в США: теория «плавильного котла» // Американский ежегодник, 1993. М., 1994. С. 155–156.

¹¹ Замошкин Ю.А. Вызовы цивилизации и опыт США: история, психология, политика. М., 1991. С. 78–79.

¹² Dinnerstein L., Nichols R.L., Reimers D.M. Natives and Strangers: Ethnic groups and the building of America. N.Y., 1979. P. VII.

- ¹³ *Handlin O.* The Newcomers: Negroes and Puerto Ricans in a changing metropolis. Cambridge, Mass., 1959; *Ethnic Americans: A History of Immigration and Assimilation* / Ed. by L. Dinnerstein, D. Reimers. N.Y., 1975; *Kraus M.* Immigration, the American Mosaic: From Pilgrims to Modern Refugees. N.Y., 1979; *Dinnerstein L., Nichols R.L., Reimers D.M.* Op. cit.
- ¹⁴ Цит. по: *Ethnic American Minorities: a Guide to Media and Materials.* N.Y.; L., 1976. P. 189.
- ¹⁵ *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис.* 1997. № 4. С. 13.
- ¹⁶ Там же. С. 14.
- ¹⁷ *Новинская М.И.* Поиск «новой социальности» и утопическая традиция // *Полис.* 1998. № 5.
- ¹⁸ Национальный вопрос за рубежом: правовые формы и практика регулирования межнациональных отношений: Исследование роли нац. фактора в политике. М., 1989. С. 189–190.
- ¹⁹ *Garza R.O., de la.* Mexican-American voters: a responsible electorate // *Mexican Americans: Political power, influence or resource.* Texas, 1977.
- ²⁰ Национальный вопрос за рубежом... С. 189–190.
- ²¹ Там же. С. 194.
- ²² *The Ethnic Press in the United States: A historical Analysis and handbook* / Ed. by S.M. Miller. N.Y.; L., 1987. P. 258–259.
- ²³ *Червоная С.А.* Возможно ли единство во множестве?: К проблеме американской идентичности // *США: экономика, политика, идеология.* 1997. № 10. С. 11.
- ²⁴ Социальный облик современного западного общества. М., 1993. С. 197.
- ²⁵ *Moore J.* Minorities in American Class System. Daedalus Spring, 1981. P. 277.
- ²⁶ *International Encyclopedia of the Social Sciences.* N.Y., 1972. Vol. 11, 12. P. 164.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology.* L.; N.Y., 1996. P. 426.
- ²⁹ *Глейзер Н.* Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия // *Этнографическое обозрение.* 1998. № 6. С. 103.
- ³⁰ *Ethnic American Minorities: a Guide to Media and Materials.* P. IX.
- ³¹ *Sowell T.* *Ethnic America: A history.* N.Y., 1981; *Minority Organizations: a National Directory.* N.Y., 1992; *U.S.: Race relations in the 1980-s and 1990-s: challenges and alternatives.* Texas, 1990; *Gale Enciclopedia of Multicultural America.* N.Y., 1994; *American Immigrant Cultures: Builders of a nation* / Ed. by D. Levinson and M. Ember. N.Y., 1997. Vol. 2.
- ³² *Moore J.* *Mexican Americans.* N.Y., 1970.
- ³³ *Moore J., Pachon H.* *Hispanics in the United States.* N.Y., 1985.
- ³⁴ *Meier M.S., Rivera F.* *The chicanos: The history of Mexican Americans.* N.Y., 1978.
- ³⁵ Ibid. P. XIV.
- ³⁶ Ibid.

- ³⁷ *Shafer R.J., Mabry D.* Neighbours – Mexico and the United States: Wetbacks and oil. Chicago, 1981.
- ³⁸ Ibid. P. 141.
- ³⁹ American Immigrant Cultures: Builders of a nation. Vol. 2.
- ⁴⁰ Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Harvard, 1980.
- ⁴¹ American immigrant Cultures: Builders of a nation. Vol. 2. P. 623–630.
- ⁴² Ethnic American Minorities: a Guide to Media and Materials. P. 198–199.
- ⁴³ *Замошкин Ю.А.* Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁴ *Gardner J.* Toward a Pluralist but Coherent Society. N.Y., 1980. P. 15.
- ⁴⁵ *Джексон Дж.С., Эслер М.* Единство в многообразии // Американское правительство: единство в многообразии. М., 1997. С. 13.
- ⁴⁶ Там же. С. 15; *Keely Ch.B.* E Pluribus Unum: The Impossible Dream? // U.S.: Race relations in the 1980-s and 1990-s: challenges and alternatives. Texas, 1990. P. 127.

Глава II

ПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ТРУДОВОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Модернизация экономики в странах Латинской Америки повлекла за собой глубокие изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе социальной. Внедрение в производство новых технологий, создание условий для максимального повышения уровня конкурентоспособности на мировом рынке и другие императивы новой стратегии развития меняли характер производства, трудовых отношений, общую структуру занятости и т.д.

В отдельных странах и в разных отраслях экономики внутри стран перемены имеют свои особенности, обусловленные не только и не столько национальным экономическим и политическим контекстом, сколько разницей в темпах, уровнях, этапах и глубине модернизационных процессов. По мере продвижения латиноамериканских стран в направлении наукоемкого производства различия между ними, по-видимому, будут в обозримом будущем углубляться. Отсюда сложность и большая или меньшая условность обобщающих суждений и оценок в масштабе всего региона.

Накопленный в ходе неолиберальных реформ богатый опыт позволяет говорить и о наличии общих для всех стран черт и закономерностей, особенно очевидных в области социальных отношений и социальных последствий модернизации экономики. В основе общности лежат особенности переходного периода развития, которому имманентно присущи всеобъемлющий кризис государства и несбалансированное сочетание предшествующих и развивающихся новых форм производства, социальных и политических систем и институтов, индивидуального и группового сознания, поведенческих установок и т.д. Социально-экономические, социально-психологические характеристики обществ переходного периода в большей или меньшей степени совпадают по своей сути. Именно этим объясняется поразительное сходство,

вплоть до тождества, многих явлений и процессов, типичных не только для латиноамериканских стран, но и для России. Общим, в частности, является неизбежное обострение накопившихся проблем и зарождение новых, связанных с инновационными интенциями.

На уровне «человеческого фактора» и судьбы отдельного человека (и семьи) в переходных обществах возникает острейшая проблема социально-экономической адаптации, т.е. сохранения или повышения социального статуса, удовлетворения материальных и духовных потребностей в складывающихся новых условиях. Не менее болезненно протекает психологическая адаптация в связи с разрушением привычного порядка вещей, особой нестабильностью и неуверенностью в завтрашнем дне. В связи с этим появляются новые побудительные мотивы к поиску решения своих проблем не только внутри, но и вне национальных границ. Не случайно конец столетия отмечен заметным оживлением миграционных потоков как в Латинской Америке, особенно из Латинской Америки, так и во всем развивающемся мире.

Миграционные мотивации в целом многочисленны, разнообразны и по ходу общественного развития дополняются и меняются. Причины массовых миграций коренятся в экономике, политике, в национальных, этнических и вооруженных конфликтах, семейных и личных обстоятельствах и просто в индивидуальных особенностях человека.

На примере Колумбии можно увидеть, как развитие внутренней политической нестабильности¹ в результате вооруженных конфликтов и угрозы террора повлияли на усиление эмиграции из страны, особенно с 1999 г. За период с 1996 по 2001 гг. из страны выехало 1 355 877 человек. А в целом, по данным на 2000 г., почти 3,5 млн колумбийцев по разным причинам проживали за пределами своей родины, из них 46% – в США, 32,3% – в Венесуэле, 6,5% – в Испании, 0,4% – в Австралии и Израиле, 0,3% – в Японии, т.е. были разбросаны по всему свету².

Поиск лучших условий жизни заставляет людей перемещаться из сельской местности в города, из менее развитых в более развитые районы, из одной страны в другую – с большим экономическим потенциалом и политической стабильностью. Трудовая миграция составляет основную, наиболее многочисленную и проблемную часть этого огромного переселенческого движения.

К концу XX в. определились новые моменты в миграционных процессах на континенте. Объективные предпосылки к качественным изменениям вызваны модернизацией и реструктуризацией экономики в условиях глобализации. Перемещение людских ресурсов стимулировалось также новыми технологическими дос-

тижениями, удешевлением коммуникаций и транспортных средств.

Основные потоки современной миграции, как легальной, так и нелегальной, направлены из страны в страну в рамках континента, а вне его – преимущественно в США. Точных данных о трудовой миграции из стран Латинской Америки в США в настоящее время не существует, поскольку нелегальная миграция, во много раз превышающая легальную, не поддается учету. Согласно переписи США, проведенной в 2000 г., 12,5%, или 35 305 818 человек, относились к испаноговорящей части населения, причем в последние десятилетия XX в. ее численность росла особенно быстрыми темпами. За период 1990–2000 гг. в США въехало 13 млн иммигрантов из Латинской Америки, 53% которых были выходцами из Мексики. Общее число последних в США к началу нового века достигло 20,6 млн человек³.

Наиболее привлекательными для мигрантов внутри региона традиционно являлись Аргентина, Бразилия, Мексика, причем одна часть переселенцев закреплялась на новой территории, а другая рассматривала эти страны как перевалочный пункт на пути в США и в Европу. К примеру, в Аргентине в 1994–1998 гг. легально постоянно проживали 48 343 человека из Боливии, Бразилии, Чили, Парагвая, Перу и Уругвая, а число нелегалов только из Боливии, Парагвая, Перу к 2000 г. превышало 200 тыс. человек⁴. В связи с разразившимся экономическим кризисом в Аргентине усилился отток из страны: с декабря 2001 г. по апрель 2002 г. выехало около 50 тыс. человек. Ухудшение экономического положения в 2000–2001 гг. вытолкнуло из Эквадора 290 тыс. человек, отправившихся искать счастья в Европу, США и другие латиноамериканских страны⁵.

Миграция из стран Центральной Америки направляется в основном в Мексику, причем часто ее территория используется для проникновения в США. Как свидетельствует статистика по депортации, предпринимаемые этими странами меры по сдерживанию потока мигрантов в последнее десятилетие не дают желаемого результата. Несмотря на выделяемую мексиканским правительством ежегодную квоту на въезд в страну только 70 тыс. человек из стран Центральной Америки, число переселенцев постоянно растет. Это вынудило правительство в 1998 г. депортировать 84 212 человек, а в 2000 г. – уже 144 255 человек⁶. В свою очередь, в США насчитывается около 3,5 млн мексиканцев без соответствующих документов, в Испании – 150 тыс., в Швеции – 150–300 тыс. нелегалов из Мексики⁷. Эта тенденция ныне преобладает во всем мире.

Мексика в силу своего географического положения занимает особое, даже уникальное место в истории латиноамериканской миграции. Не только территориальная близость к США, но и тесное переплетение исторических судеб предопределили преимущественную миграцию мексиканцев на Север. Массовый характер и неуклонный рост этого исхода несопоставим с другими латиноамериканскими странами. Возможность получения относительно быстрой, прямой и достоверной информации о положении на рынке труда США и о неизмеримо более высоком уровне жизни служит постоянным стимулом к поиску работы именно в Северной Америке. (В конце 90-х годов ВВП на душу населения в США был в 6 раз выше, чем в Мексике, почасовая оплата труда американского промышленного рабочего в середине 90-х годов составляла 16 долл., в Мексике – 2,40 долл.)⁸

В период экономических спадов и кризисов в Мексике миграция резко возрастает. Снижение зарплаты, к примеру, в первые два месяца 1995 г. автоматически привело к увеличению на 30% задержанных на границе нелегальных мигрантов по сравнению с тем же периодом предыдущего года⁹. Отсталое сельское хозяйство также выталкивает в поисках новой работы большую часть мексиканского крестьянства не только в города, но и в США.

Отличительной чертой мексикано-американских миграционных отношений являются гибкие и многогранные формы взаимодействия, не ограничивающиеся принятием запретительных мер со стороны США. Американская стратегия сдерживания мексиканской иммиграции направлена на развитие производства в приграничной зоне с целью обеспечения рабочими местами потенциальных мигрантов. Один из примеров: разрешение Мексике увеличить экспорт фруктов и овощей в США по «Договору о свободной торговле Северной Америки» позволило создать сеть сельскохозяйственных предприятий и обеспечить в 1990 г. работой 67 тыс. человек. Не будем забывать, однако, что число мексиканских крестьян в этот же период в США насчитывало 670 тыс. человек¹⁰.

Другой пример совместного решения проблемы миграции и развития экономики в приграничных районах – это создание макиладорас, т.е. малых частных предприятий при крупных корпорациях. Эффективность такого типа предприятий обусловлена тремя благоприятными факторами: дешевой рабочей силой, хорошо налаженной инфраструктурой и близостью богатого североамериканского рынка.

Начиная с 60-х годов Мексика при поддержке США осуществила три специальные программы, позволившие, наряду с традиционным производством швейных, обувных, сувенирных изде-

лий, наладить на базе макиладорас выпуск трудоемких компонентов и узлов, аппаратов электротехники и электроники, деталей для автомобильной промышленности. В результате макиладорас стали зоной экспортной переработки.

В 90-е годы транснациональные корпорации с участием американского, местного мексиканского, японского и европейских капиталов превратили часть макиладорас в современные, высокотехнологичные производства, влияющие на рынок труда и формирующие квалифицированные кадры для работы и менеджмента¹¹.

Быстрое и успешное развитие макиладорас в последнее десятилетие способствовало росту валютных поступлений в мексиканскую казну и увеличению рабочих мест. Например, в 1998 г. 24% всех занятых в обрабатывающей промышленности трудились на предприятиях типа макиладорас (в 1980 г. – 6%, 1988 г. – 14%)¹². Постепенно этот тип предприятий распространился по всей Мексике. Только в 2000 г., по сравнению с 1999 г., рост производства на макиладорас составил 15%, а число занятых увеличилось на 12,7%, в целом составив внушительную цифру – 1 млн 285 тыс. человек¹³.

Мексиканский опыт, сочетающий интересы развития национальной экономики и увеличения занятости со сдерживанием миграции, с 80-х годов был воспринят другими латиноамериканскими странами. К 1993 г. в Латинской Америке действовало около 200 зон подобного типа экспортной переработки (Мексика, Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Коста-Рика, Колумбия, Эквадор, Ямайка). Значение этих зон в товарном экспорте росло неуклонно: Мексика – с 16,1% в 1980 г. до 40,9% в 1992 г.; Доминиканская республика – соответственно с 10,8% до 67,8%; Коста-Рика – с 0,4% до 20,9%¹⁴.

Очевидный вклад макиладорас в развитие национальных экономик не исключает наличия целого ряда отрицательных моментов. Здесь прежде всего следует сказать о непосредственном влиянии внешних факторов, т.е. прямой зависимости от колебаний экономической конъюнктуры США. Яркий пример – приостановка экономической активности в США в первые месяцы 2001 г. повлекла за собой закрытие 440 предприятий-макиладорас в Мексике и последующее сокращение 120 тыс. рабочих¹⁵.

С точки зрения проблемы миграции модель занятости на макиладорас также не может считаться совершенной. Оплата труда и продолжительность рабочего времени на макиладорас и на крупных базовых предприятиях в США не сопоставимы, что часто служит отправной точкой для последующего поиска лучших условий труда в США. Немаловажное значение имеет правовая

незащищенность занятых на мелких предприятиях при практическом отсутствии профсоюзов. Роль защитников прав рабочих на небольших фабриках по пошиву одежды, принадлежащих ТНК, т.е. традиционную функцию профсоюзов, в последние годы вынуждены брать на себя неправительственные организации по защите прав человека, прав женщин и молодежи.

В 90-е годы с резким осуждением условий труда на подобных фабриках выступили профсоюзы, студенческие, предпринимательские, религиозные и женские организации в США, заявившие о социальной ответственности ТНК. К началу 2000 г. аналогичные протесты распространились в Европе, а затем и в Центральной Америке, где неправительственные организации проводят независимые мониторинги, выявляя степень соблюдения прав человека, национальных трудовых законодательств, положений о корпоративной ответственности ТНК. Зачастую эти организации выступают единственными защитниками наемных рабочих. Подобная деятельность подвигла неправительственные организации на установление контактов с североамериканскими общественными организациями, занятыми аналогичными вопросами.

Положение и защита прав мигрантов – острейшая проблема не только Латинской Америки, но и всего мирового сообщества. Однако принятая в 1990 г. ООН «Международная конвенция по защите прав всех мигрантов и членов их семей» (в том числе нелегальных мигрантов) до сих пор не ратифицирована ни одной из развитых стран¹⁶.

Миграция затрагивает интересы не только отдельного человека и семьи, но имеет общественные значение и функцию как в стране миграционного исхода, так и в стране, принимающей мигрантов. И та и другая оказываются связаны сложными, противоречивыми отношениями. Отток избыточной рабочей силы способствует смягчению социальной напряженности. Ее приток, с одной стороны, восполняет потребность в дешевой рабочей силе, с другой – неизбежно осложняет общую ситуацию на рынке труда и создает дополнительные проблемы, связанные с здравоохранением, ростом преступности и др.

Миграционные потоки конца столетия включают в себя не только малоквалифицированную и дешевую рабочую силу. Более того, усиливается тенденция к сокращению спроса на неквалифицированный труд. Есть даже мнение, что этап привлечения такого рода рабочей силы практически завершен. Об этом свидетельствуют многочисленные законодательные акты, принятые в последние годы в США и в странах Западной Европы¹⁷.

В условиях развития высоких технологий и наукоемкого производства расширились возможности включения в мировой рынок

труда высококвалифицированных специалистов. «Утечка умов», существовавшая издавна, приобрела массовый характер. Кроме поиска лучших условий жизни и оплаты труда, стимулом к миграции интеллектуальной элиты становится стремление повысить свой образовательный и профессиональный уровень в высокоразвитых странах, приобщиться к последним научно-техническим достижениям. (Одним из признаков научно-технического отставания Латинской Америки является, например, низкий уровень пользования Интернетом. По данным ООН, к 2000 г. лишь 0,8% населения связано с Интернетом, в то время как в США – 26%)¹⁸.

Развитые страны всемерно поощряют интеллектуальную часть иммиграции. Канада, например, уже с конца 60-х годов проводит мультикультуралистскую политику, облегчающую въезд в страну высококвалифицированных специалистов, особенно из Латинской Америки и Азии¹⁹. Аналогичную позицию занимают европейские страны и США. Многочисленные североамериканские агентства ведут «охоту за талантами» в странах континента, и прежде всего в Аргентине, Уругвае, Мексике, Венесуэле. В 1999 г. в Мексике, например, представители одной из ТНК посетили 450 университетов с целью переориентации подготовки выпускников, специализирующихся по информатике, с учетом интересов рынка США²⁰.

Немаловажным стимулом поощрения интеллектуальной эмиграции, кроме общей востребованности на рынке труда, является получение дополнительной прибыли ТНК за счет более низкой оплаты. Парадоксально, но в странах Латинской Америки, как правило, предпочитали приглашать высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, чем подталкивали к отъезду отечественных ученых. Лишь в последнее время наметились новые направления интеллектуальной миграции внутри региона, поощряемые правительственной политикой таких стран, как Уругвай, Венесуэла, Эквадор и др.²¹

Отъезд подготовленных специалистов, являясь безусловным благом для страны-реципиента, объективно противоречит национальным интересам страны выезда и тормозит ее развитие. Не следует забывать, что подготовка образованных кадров требует от государства значительных вложений – по мировым меркам, не менее 30 тыс. долл. на каждого специалиста. По данным аргентинского социолога Л. Мармора, среднее соотношение в мире между расходами государства на подготовку одного специалиста и получаемых денежных переводов в случае его эмиграции составляет 25 к 1, т.е. окупается лишь через 25 лет²².

В Латинской Америке до сих пор недооценивается потенциальный огромный ущерб, наносимый интеллектуальной мигра-

цией. Дефицит высококвалифицированных кадров неизбежно и сугубо негативно сказывается на дальнейшем развитии региона. Однако положение в странах Латинской Америки в настоящее время таково, что они не могут игнорировать и те преимущества, которые влечет за собой трудовая миграция. Противоречивость миграционного процесса в том и состоит, что теряя в одном, страны выезда выигрывают в другом, хотя стратегически потери могут быть несопоставимы с выигрышем.

К числу позитивных моментов массовой миграции в экономически более благополучные страны относятся денежные переводы эмигрантов на свою родину. Эти переводы, полученные по официальным каналам (банки, почта, телеграф), вносят определенный вклад в экономику страны-получателя.

К примеру, сумма этих поступлений в Мексику в 1999 г. составила 5,9 млрд долл., что адекватно 1,2% от совокупного ВВП, а в Сальвадоре в том же году – 1,3 млрд долл., или 10,8% ВВП. Роль денежных вкладов эмигрантов важна и на макроэкономическом уровне. В случае Мексики указанная сумма позволила сократить дефицит текущего счета с 4,1% до 2,9% ВВП. Согласно данным Банка Мексики, в 2000 г. сумма переводов возросла до 6,37 млрд долл., что было эквивалентно 50% прямых иностранных инвестиций этого года²³. Еще более внушительными были размеры денежных поступлений в 2000 г. в Гаити, Никарагуа, Сальвадоре, Ямайке, Доминиканской республике и Эквадоре. Их доля в ВВП составляла соответственно 17%, 14%, 13%, 12%, 10% и 10%²⁴.

На региональной конференции, посвященной теме «Денежные переводы мигрантов как инструмент развития», организованной МБР и МВФ (май 2001 г.), отмечалось, что 12 латиноамериканских стран абсорбируют почти 90% всех денежных поступлений региона от эмигрантов (Бразилия, Колумбия, Доминиканская республика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Ямайка, Гаити, Мексика, Никарагуа и Перу). В 2000 г. эти денежные переводы превысили 20 млрд долл., составив сумму, эквивалентную 1/3 прямых иностранных вложений, полученных регионом. По оценкам МВФ, в последние годы в Латинской Америке ежегодный рост денежных поступлений от эмигрантов в среднем составлял 7–10%, а в отдельных странах (Эквадор, Колумбия, Венесуэла) был еще выше²⁵.

Особенно впечатляет размер переводов от латиноамериканцев, проживающих за рубежом, при сопоставлении с ВВП и экспортом товаров²⁶ (см. табл. 3).

Колумбийский источник, из которого взяты данные, приведенные в таблице, считает их заниженными, за исключением данных по Колумбии, основанных на национальной статистике. Тем

Таблица 3
Денежные поступления от эмигрантов
в некоторых латиноамериканских странах, 2001 г.

Страна	Доля поступлений		Сумма поступлений, млн долл. США
	от ВВП, %	от экспорта товаров, %	
Бразилия	0,4	4,0	2600
Гватемала	3,1	16,0	584
Гондурас	7,5	17,0	460
Доминиканская республика	10,0	27,0	1807
Колумбия	2,1	13,8	1756
Куба	15,0	40,0	930
Мексика	1,7	6,5	9273
Никарагуа	22,0	80,0	610
Перу	1,7	10,6	905
Сальвадор	17,0	60,0	1920
Эквадор	9,0	20,0	1400

Источник: Reportes del emisor. Bogotá, 2002. № 38. P. 5.

не менее эти показатели достаточно высоки, особенно по Никарагуа, Сальвадору, Доминиканской республике и Кубе.

Представление об индивидуальном вкладе каждого эмигранта в общую сумму поступающих из-за рубежа денежных средств дают показатели на душу населения²⁷ (см. табл. 4). Латиноамериканцы, осевшие в США, посылают каждый в среднем по 200 долл. семь раз в год.

Обращает на себя внимание высокий показатель по Бразилии, что объясняется историческими причинами: массовая эмиграция японцев в Латинскую Америку в начале XX в. и последующая реэмиграция их потомков привела к тому, что ныне в Японии проживают, по данным иммиграционного отдела Министерства юстиции Японии, 300 тыс. латиноамериканцев, из которых 80% – бразильцы, 14% – перуанцы²⁸.

Остановимся более подробно на модели Колумбии, где массовая эмиграция в последние годы повлекла за собой заметное увеличение размера и роли денежных переводов в экономике страны. По данным Национального банка Колумбии, денежные переводы от эмигрантов в 1999 г. составили 1,5% от ВВП, в 2000 г. – 1,9%, в 2001 г. – 2,1%, а от стоимости экспорта за те же годы – 10,8%, 11,6%, 13,8%. Интересно, что за период 1999–2000 гг. сумма денежных переводов по сравнению с выручкой от традиционного экспорта кофе выросла в 2,3 раза. К 2001 г. денежные переводы составляли 87% от прямых иностранных инвестиций, 38,8% от обслуживания государственного

Таблица 4

Денежные поступления от эмигрантов на душу населения, 1999 г.

Страна	Численность эмигрантов	Денежные поступления	
	человек	млн долл.	на душу населения, долл.
Бразилия	1 300 000	1898,0	1460,0
Гаити	1 000 000	720,0	720,0
Доминиканская республика	2 000 000	1747,0	873,5
Колумбия	2 380 313	1297,4	545,0
Мексика	8 000 000	6795,0	849,4

Источник: Reportes del emisor. Bogotá, 2002. № 38. П. 5.

Таблица 5

Денежные поступления на родину от эмигрантов Колумбии

Показатель	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Численность эмигрантов	2 380 313	2 662 623	2 946 150
Денежные поступления, млн долл.	1297	1578	1756
Денежные поступления на душу населения, долл.	545	593	596

Источник: Reportes del emisor. Bogotá, 2002. № 38. П. 4.

внешнего долга и 53,8% от частного внешнего долга. Рост денежных поступлений от колумбийских эмигрантов в абсолютных показателях и их пересчете на душу населения²⁹ хорошо видно в табл. 5.

Не следует забывать, что реальный вклад в экономику денежных поступлений от эмигрантов еще выше, поскольку часть средств поступает неофициальным и нелегальным путем. Кроме того, переводимые деньги, в отличие от иностранных вложений, целиком остаются в стране и прямо или косвенно работают на национальную экономику. Существует и такой вид помощи эмигрантов, как создание специальных фондов в США, средства которых направляются на развитие социальной инфраструктуры страны-родины (строительство школ, дорог, больниц и т.д.).

Главный адресат денежных переводов эмигрантов – семья. Несмотря на некоторое снижение доли бедных домохозяйств за последнее десятилетие (с 41% в 1990 г. до 35% в 1999 г.)³⁰, значительная часть латиноамериканских семей относится к разряду бедных. Временная или постоянная трудовая миграция, чаще всего главы семьи или молодежи, становится спасением для всей семьи. Полученные средства в основном расходуются на питание,

одежду, медицинское обслуживание, выплату долгов и т.д. и не инвестируются в производство. Тем не менее такая помощь позволяет семье повысить свой уровень благосостояния. Пример Мексики это убедительно подтверждает. В середине 90-х годов 3,1% мексиканских домохозяйств регулярно получали денежные переводы из США. Для сравнения – в приграничных штатах, где миграция наиболее многочисленна и традиционна, этот показатель достигает 9–12,2%. Получаемые средства составляли в среднем по стране 65,6% от семейного бюджета, при этом для 58,3% семей эти переводы были главным, а для 41,4% единственным источником дохода³¹.

Однако нет оснований преувеличивать влияние трудовой миграции на общее социально-экономическое положение трудящихся и в целом на социальное развитие латиноамериканских стран. Иначе чем объяснить постоянно растущий мощный отток рабочей силы в развитые страны, главными причинами которого продолжают оставаться высокий уровень безработицы, социального неравенства и общая бедность.

2.1. Бедность как стимул эмиграции

Проблема бедности для Латинской Америки традиционна, однако в новых исторических условиях она приобрела структурный характер и для ее решения уже не достаточно социального вспомоществования, каким бы значительным оно ни было.

Несмотря на определенные успехи в экономическом развитии в 90-е годы, проблема бедности продолжает быть актуальной (см. табл. 6). Как следует из таблицы, число домохозяйств, причисляемых статистикой к бедным, в 1990 г. составляло 41%, а в 1999 г. чуть более 35%. Это означает, что 35 домохозяйств из каждых 100 к концу столетия не могли удовлетворить свои основные потребности. В абсолютных показателях число бедного населения неуклонно росло: 1990 г. – 200,2 млн человек, 1999 г. – 211,4 млн (из них 89 млн – нищие)³².

Что подразумевается под понятием бедности и бедного домохозяйства? Прежде всего речь идет о больших семьях, которые располагают низкими доходами, в которых на одного работающего приходится четыре и более иждивенцев.

По данным Всемирного банка за 1999 г., примерно треть всего населения Латинской Америки имела очень низкие доходы – менее 2 долл. в день, а 76 млн человек – меньше 1 долл. в день. Такие средства не позволяют удовлетворять даже минимальные потребности в продуктах питания³³. Кроме низких доходов, для

Таблица 6

Латинская Америка: бедные и нищие (Доходы и население)*

Год	Бедные**						Нищие***					
	всего		городские		сельские		всего		городские		сельские	
	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%
1980	24,2	34,7	11,8	25,3	12,4	53,9	10,4	15,0	4,1	8,8	6,3	27,5
1990	39,1	41,0	24,7	35,0	14,4	58,2	16,9	17,7	8,5	12,0	8,4	34,1
1994	38,5	37,5	25,0	31,8	13,5	56,1	16,4	15,9	8,3	10,5	8,1	33,5
1997	39,4	35,5	25,1	29,7	14,3	54,0	16,0	14,4	8,0	9,5	8,0	30,3
1999	41,3	35,3	27,1	29,8	14,2	54,3	16,3	13,9	8,3	9,1	8,0	30,7
Доходы												
1980	135,9	40,5	62,9	29,8	73,0	59,9	62,4	18,6	22,5	10,6	39,9	32,7
1990	200,2	48,3	121,7	41,4	78,5	65,4	93,4	22,5	45,0	15,3	48,4	40,4
1994	201,5	45,7	125,9	38,7	75,6	65,1	91,6	20,8	44,3	13,6	47,4	40,8
1997	203,8	43,5	125,7	36,5	78,2	63,0	88,8	19,0	42,2	12,3	46,6	37,6
1999	211,4	43,8	134,2	37,1	77,2	63,7	89,4	18,5	43,0	11,9	46,4	38,3
Население												
1980	135,9	40,5	62,9	29,8	73,0	59,9	62,4	18,6	22,5	10,6	39,9	32,7
1990	200,2	48,3	121,7	41,4	78,5	65,4	93,4	22,5	45,0	15,3	48,4	40,4
1994	201,5	45,7	125,9	38,7	75,6	65,1	91,6	20,8	44,3	13,6	47,4	40,8
1997	203,8	43,5	125,7	36,5	78,2	63,0	88,8	19,0	42,2	12,3	46,6	37,6
1999	211,4	43,8	134,2	37,1	77,2	63,7	89,4	18,5	43,0	11,9	46,4	38,3

* Источник: CEPAL: Raportama social de América Latina, 2000-2001. Santiago de Chile, 2000. P. 14.

** По 19 странам региона на базе официальных данных и опросов домохозяйств в соответствующих странах.

*** Домохозяйства и население в положении бедности и нищеты.

**** Домохозяйства и население в положении нищеты.

бедных домохозяйств характерны плохие жилищные условия (более 3 человек на одну комнату) и недостаточный доступ к питьевой воде.

Уровень бедности домохозяйств в сельской местности в 1999 г. превышал городской на 24,5% (54,3 и 29,8% соответственно).

Бедность в сельской местности определяется такими факторами: небольшой размер землевладения или его отсутствие; слишком высокая демографическая динамика, особенно уровень рождаемости; недостаток образования и низкий уровень профессиональной подготовки; географическая обособленность и слабое развитие коммуникаций; жесткая зависимость от экологических, природных и климатических условий; непостоянные и примитивные формы занятости.

Однако в абсолютных показателях число бедных в городе выше, чем в сельской местности (134,2 и 77,2 млн человек соответственно). Главная причина столь существенной разницы кроется в феномене так называемой урбанизации бедности, т.е. пополнения городской бедноты за счет постоянного перемещения населения из сельской местности. В результате если процент бедных в городах в 1980 г. насчитывал 46% от их общего числа, в 1990 г. – 61%, то в 1999 г. – уже 64%³⁴.

Сельская беднота составляет основную часть миграционного потока, пополняющего ряды бедных горожан. Оторванные от своих корней, от привычного труда и образа жизни сельские мигранты плохо адаптируются к новым условиям и крайне медленно интегрируются в городскую среду, создавая потенциально опасные очаги социальной напряженности. Таким образом, как в сельской местности, так и в городских кварталах жизнь в бедности и нищете заставляет массу людей искать работу вне традиционных мест проживания и привычных сфер деятельности.

Изучение причин бедности, проведенное ЭКЛАК в переходный период, выявило главные из них: низкие доходы, низкий образовательный уровень и высокий уровень безработицы. Исследование показало также, что сам по себе факт занятости не избавляет от бедности большую часть экономически активного населения, работающего как в формальном (государственном и частном), так и в неформальном секторах экономики³⁵.

Несмотря на проведенное в 90-е годы во многих странах повышение заработной платы рабочих и служащих государственного сектора, уровень их бедности продолжает быть достаточно высоким. Например, в Боливии, Коста-Рике, Панаме и Уругвае наемные рабочие государственного сектора составляли 10% городской бедноты (имеющей работу), а в Венесуэле – 20%³⁶.

В бедственном положении оказались и государственные служащие, особенно в таких странах, как Боливия, Гондурас, Венесуэла, где от 30% до 40% этой категории находились за чертой бедности (в Колумбии, Парагвае – около 15%). Низкооплачиваемые государственные служащие, как правило, более образованы и имеют более высокий социальный статус, поэтому они особенно болезненно воспринимают факт ухудшения своего материального благополучия.

К низкооплачиваемым категориям относится значительная часть наемных рабочих частного сектора, в том числе работающих на средних и крупных предприятиях. Более того, материальное положение не имеющих квалификации работников этого сектора существенно не отличается от работающих на собственный счет в неформальном секторе (в Чили, Мексике, Парагвае процент бедных среди первой категории выше, чем среди второй)³⁷. Больше чем в половине стран региона от 30 до 50% наемных рабочих частного сектора живут в бедных семьях. В целом же существуют заметные колебания соответствующих показателей: от 10% в Аргентине и Уругвае до более чем 60% в Гондурасе (10–20% в Чили, Коста-Рике, Панаме; 30–40% в Боливии, Бразилии, Колумбии, Мексике, Парагвае и Венесуэле)³⁸.

Наименее обеспечены с точки зрения материального положения и перспектив его улучшения работники, занятые на производствах с низкой производительностью и низкой оплатой труда. Несмотря на начавшийся в регионе процесс модернизации, удельный вес предприятий такого типа в экономике все еще очень высок. В рамках модели развития, ориентированной прежде всего на макроэкономику, малый и микробизнес оказался без достаточной государственной защиты и субсидий. Между тем эти предприятия к концу 90-х годов давали работу около 50% всех наемных рабочих в городской зоне (см. прил., табл. I).

Хотя в ряде стран в 90-е годы наблюдалась тенденция к снижению занятости на предприятиях с низкой производительностью (Аргентина, Бразилия, Чили, Уругвай), в большинстве других стран число работающих на таких предприятиях неуклонно росло (в Боливии, например, с 58,5% от всех занятых в городской зоне в 1990 г. до 64,3% в 1999 г.; в Венесуэле – от 39,2% до 53,7%; в Эквадоре – от 54,5% до 58,9% и т.д.)³⁹. Это означает, что, с одной стороны, значительная часть трудоспособного населения обеспечена рабочими местами, с другой – при низкой оплате труда и его нестабильном характере, недостаточном доступе к социальному обеспечению, общей неуверенности в завтрашнем дне и фактической невозможностью преодолеть бедность эта катего-

рия трудящихся представляет собой постоянный резерв для трудовой миграции.

Возрастающую роль в порождении и сохранении бедности в последние годы играет уровень образования, прежде всего главы семьи. По оценкам ЭКЛАК, ликвидация неграмотности и развитие среднего образования позволяют избежать бедности более чем на 80%. Как показывает конкретный опыт Бразилии и Чили, успех сопутствует тем странам, в социальной политике которых борьба с бедностью рассматривается в тесной связи с развитием образования. Подняв уровень образования, в первую очередь начального и среднего, и проведя реформу образования в целом, правительство Кардозу почти на треть сократило число бедных в Бразилии. Образование стало важнейшим направлением деятельности и Национального Совета по преодолению бедности в Чили⁴⁰.

Низкий образовательный уровень в семье отрицательно влияет на молодежь, способствуя продлению состояния бедности, препятствуя разрыву порочного круга бедность – неграмотность – бедность. Это особенно важно в свете того, что более 83 млн детей моложе 15 лет живут в бедных семьях, где взрослые обучались не более 6 лет⁴¹.

Реформы в области образования, затрагивающие прежде всего сельскую и городскую молодежь, способствовали в последние годы заметному росту уровня образования, причем число молодых людей с не более чем 5-летним образованием резко снизилось, а с 13-летним и более – выросло. Этот процесс отчетливо прослеживается на наиболее подвижной и склонной к перемене мест части молодежи – от 15 до 24 лет (см. прил., табл. II).

Исследования ЭКЛАК свидетельствуют о прямой связи между реализацией государственных программ обучения в сельской местности и повышением производительности труда, а также снижением уровня бедности⁴². Получив образование, сельская молодежь, особенно женщины, либо мигрирует в города, надеясь изменить к лучшему свой статус, либо, оставаясь работать на земле, стремится вести хозяйства на более высоком технологическом уровне. Небезынтересно, что молодые женщины, осознавшие свое дискриминационное положение, как правило, более активны, нежели мужчины, в поиске лучших условий жизни и труда.

Образование будет иметь все большее значение по мере продвижения стран Латинской Америки к постиндустриальному обществу и увеличения спроса на образованную, квалифицированную рабочую силу. В условиях экономической реструктуризации, которую переживают страны континента, уровень образования

повышает социальную мобильность и способствует выравниванию возможностей.

Не менее важен такой аспект, как возросшая востребованность обществом профессионально подготовленных национальных кадров и заинтересованность в повышении общей культуры населения. Это позволяет решать проблемы бедности, нищеты, маргинализации населения, достижения большей однородности общества в целом. Именно этим объясняется неизменное внимание правительств, национальных, региональных, международных организаций к проблемам образования, его финансирования и реформирования.

Развитие и совершенствование образования стало в Латинской Америке стратегически важным направлением социальной политики конца столетия.

При анализе абсолютных показателей бедности необходимо учитывать, что критерии меняются в зависимости от экономического развития, приобщения к достижениям научно-технического прогресса, повышения качества жизни, улучшения инфраструктуры и т.д. Соответственно меняются представления людей о мере материального неблагополучия. Наибольший процент бедных, согласно оценкам ЭКЛАК, наблюдается в Гондурасе и Никарагуа, наименьший – в Уругвае. Субъективное же восприятие своей бедности одинаково болезненно как для гондурасца, так и уругвайца.

Между экономическим ростом и снижением уровня бедности существует прямая, хотя и неоднолинейная связь. Любое колебание конъюнктуры сказывается прежде всего на положении малообеспеченных слоев. Как правило, рост ВВП на душу населения влечет за собой определенное снижение уровня бедности. Однако разброс в показателях столь велик в разных странах, что трудно выявить общие закономерности, не углубляясь в национальный контекст. К примеру, в Чили в 90-е годы среднегодовой рост ВВП на душу населения составлял 4,5% при ежегодном снижении бедности на 6,1%. В тот же период аналогичные показатели в Уругвае были 2,7% и 6,7%, в Бразилии – 1,0% и 2,7%, в Аргентине – 3,3% и 0,8%, в Колумбии – 0,6% и 0,3% соответственно⁴³.

Эффективность и динамика борьбы с бедностью зависят от действия разнообразных факторов. В их число, кроме экономического роста, входят демографические тенденции, особенности развития отраслей экономики и рынка труда, эффективность социальной политики и т.д. В итоге за последнее десятилетие латиноамериканские страны добились разных результатов в решении проблемы бедности. Больше чем на 10% уменьшилось число бед-

Таблица 7

**Эволюция ВВП на душу населения и доли бедного и нищего населения
в странах Латинской Америки, 1989–2000 гг.**

Страна	Год	ВВП на душу населения (долл. США по курсу 1995 г.)	Бедные и нищие	Нищие
Аргентина (Б. Буэнос-Айрес)	1990	5545	21,2	5,2
	1999	7435	19,7	4,8
Бразилия	1990	3859	48,0	23,4
	1999	4204	37,5	12,9
Венесуэла	1990	3030	40,0	14,6
	1999	3037	49,4	21,7
Гватемала	1989	1347	69,1	41,8
	1998	1534	60,5	34,1
Гондурас	1990	686	80,5	60,6
	1999	694	79,7	56,8
Колумбия	1991	2158	56,1	26,1
	1999	2271	54,9	26,8
Коста-Рика	1990	2994	26,2	9,8
	1999	3693	20,4	7,8
Мексика	1989	3925	47,8	18,8
	1998	4489	46,9	18,5
Никарагуа	1993	416	73,6	48,4
	1998	453	69,9	44,6
Панама	1991	2700	42,8	19,2
	1999	3264	30,2	10,7
Сальвадор	1995	1675	54,2	21,7
	1999	1750	49,8	21,9
Уругвай (города)	1990	4707	17,8	3,4
	1999	5982	9,4	1,8
Чили	1990	3425	38,6	12,9
	2000	5309	20,6	5,7
Эквадор (города)	1990	1472	62,1	26,2
	1999	1404	63,5	31,3
Латинская Америка	1990	3349	48,3	22,5
	1999	3804	43,8	18,5

Источник. CEPAL. Panorama social de América Latina, 2000–2001. Santiago de Chile, 2000. P. 57.

ных домохозяйств в Бразилии Чили, Панаме; на 5–10% – в Коста-Рике, Уругвае, Гватемале. В группе стран, где наблюдался застой или даже регресс, выделяется Венесуэла, в которой число бедных домохозяйств в 1981 г. составляло 22%, в 1990 г. – 34%, в 2000 г. – 44%.

При взгляде на табл. 7 обнаруживается, что за последнее десятилетие XX в. во всех странах доля бедного и нищего населе-

ния сократилась, хотя и по-разному: в Бразилии, Гватемале, Уругвае, Панаме и Чили – примерно на 10 пунктов, а в Венесуэле, напротив, возросла (бедных – на 9,4 пункта, нищих – на 6,7 пункта). Во многих странах изменения носили несущественный характер. В целом по региону сокращение доли бедных и нищих не превысило пяти пунктов. В итоге ситуация практически не изменилась.

Специфическая ситуация сложилась в Центральной Америке и Мексике. Здесь, кроме фактора экономического роста, влияющего на снижение бедности, действует эффект эмиграции в США. Массовый отъезд трудоспособных людей сокращает численность экономически активного населения при одновременном поступлении денежных переводов семьям эмигрантов. В результате к концу 90-х годов на 3% сократилась бедность в Мексике, Сальвадоре, Панаме⁴⁴.

2.2. Социальное неравенство

Помимо общей бедности, другим сильным стимулом к перемене участи путем эмиграции в развитые страны является высокий уровень социальных контрастов. Неравенство в распределении дохода – одна из отличительных черт социальной действительности Латинской Америки, выделяющей ее даже в мировом масштабе. Если сравнить совокупный доход 10% наиболее богатых и 40% наиболее бедных домохозяйств, то окажется, что доход первых в 19 раз превышает доход последних⁴⁵.

Экономический рост, наметившийся в латиноамериканских странах в 90-е годы, не привел к существенному перераспределению дохода, поскольку между экономическим ростом и снижением концентрации дохода нет прямой связи. Исследования ЭКЛАК показали, что за период 1990–1997 гг. почти во всех странах (кроме Никарагуа и Венесуэлы) рост национального дохода на душу населения несколько снизил уровень бедности и нищеты, но не отразился на распределении дохода⁴⁶.

Каждая страна имеет свою национальную специфику в решении проблем социального неравенства. Аргентина и Чили, где в 60-е годы распределение дохода было относительно благополучным в масштабе Латинской Америки, к концу 90-х годов находились на среднерегиональном и даже выше уровне концентрации дохода. Уругвай и Коста-Рика продолжают использовать социальные механизмы, позволяющие распределять доход вне зависимости от внутренних и внешних перемен⁴⁷.

Некоторый прогресс в сфере распределения дохода – при сохранении высокого уровня его концентрации в руках меньшинст-

ва – наблюдается в Центральной Америке. Наряду с действием таких факторов, как относительная экономическая стабильность и незначительные финансовые колебания, положительным образом сказывается эффект трудовой эмиграции в США. Как и в случае с преодолением бедности, денежные поступления от эмигрантов и снижение демографического давления позволяют смягчать социальные контрасты.

Проблема социального неравенства и бедности имеет не только экономический, социальный, но и социально-психологический аспект. Имуущественное и денежное неравенство и бедность усиливают у наименее обеспеченных слоев чувство отверженности, непричастности к результатам общественного прогресса, обостряют напряженность в обществе. Не менее важны политические последствия. Как справедливо отмечал американский социолог Р. Кауфман, «там, где образованность, квалификация, деньги и социальные связи сконцентрированы в пределах одной элитарной группы, неизбежна и концентрация политической власти, а это подрывает основы подлинной демократии»⁴⁸.

В зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе в городах формируются стиль и нормы жизни, закрепленные проживанием в строго определенных, изолированных и самоизолирующихся районах. Судьба каждого следующего поколения оказывается во многом predetermined. Социальная дезинтеграция усугубляется несовершенством правовой системы и неравенством перед законом, породившим так называемый синдром гражданской незащищенности.

Социологический опрос, проведенный в ряде стран по заданию ЭКЛАК в 1995 г., показал, что 78% опрошенных в Бразилии, 76% в Парагвае, 68% в Мексике, по 66% в Венесуэле, Аргентине и Уругвае убеждены, что богатство распределено «несправедливо» или «очень несправедливо».

Психологически наиболее уязвимой частью латиноамериканского общества, как и везде в мире, оказывается молодежь, особенно из малообеспеченных и нищих семей. Более образованные и информированные по сравнению со своими родителями, молодые люди связывали с неолиберальными преобразованиями надежды на улучшение материального положения, быстрое продвижение по социальной лестнице и принципиальное изменение статуса. Нарастающее недовольство и разочарование результатами реформ протекало в условиях мощного воздействия средств массовой информации, рекламирующих миф потребления, недостижимый для подавляющего большинства. Получившие доступ к информации о «красивой жизни», но не имеющие возможности приблизиться к ней, молодые люди из бедных и нищих семей

ищут разные способы и средства самостоятельно «сделать себя», чтобы реализовать свои потребности.

Чувство социальной ущербности и униженности толкает часть молодежи на путь криминального бизнеса, другая часть проявляет склонность к апатии, бездействию, суициду. Наиболее мобильные, предприимчивые и образованные молодые люди все чаще устремляются в относительно благополучные во всех отношениях страны в надежде радикально изменить к лучшему свою судьбу.

На примере Уругвая ярко прослеживается влияние на трудовую эмиграцию в развитые страны не столько социально-экономических, сколько психологических факторов, так как речь идет об одной из наиболее благополучных в социальном плане латиноамериканских стран. Объективная картина такова: ВВП на душу населения в Уругвае в 1990 г. составлял 4707 долл., в 1999 г. – 5982 долл. (больше только в Аргентине, а самые низкие показатели в Гондурасе и Никарагуа не превышали 700 долл.). При относительно небольшом экономическом росте, в сравнении, например, с Чили, в Уругвае были достигнуты достаточно высокие результаты в борьбе с бедностью. Уровень бедности в 90-е годы был самый низкий в регионе, а именно: в 1990 г. – 17,8%, в 1999 г. – 9,4% (для сравнения, в Аргентине в 1990 г. – 21,2%, в 1999 г. – 19,7%; в Чили соответственно 38,6% и 20,6%; в Гондурасе 80,5% и 79,7% и т.д.).

Бюджетные расходы на социальное обеспечение в Уругвае на протяжении всего последнего десятилетия были самыми высокими на континенте и в 1990–1991 гг. составляли 11,2%, в 1998–1999 гг. – 16,3%. Только две страны, Аргентина и Бразилия, приближались к этому уровню (8,3% и 8,7%; 8,1% и 11,5% соответственно)⁴⁹.

Несмотря на относительно высокие социально-экономические показатели (сравнительно с другими странами региона), уругвайское общество переживает в последние годы период кризиса, одним из ярких симптомов которого является новая волна эмигрантских настроений и интенций. Нечто подобное было в годы военной диктатуры. Согласно социологическому опросу конца 2000 г., из каждых пяти уругвайцев два были готовы эмигрировать при гарантиях трудоустройства в другой стране. Особо отметим, что среди опрошенных молодых людей моложе 27 лет 67% склонны к эмиграции, но их сдерживают лишь опасения не найти работу⁵⁰.

Проблема эмиграции широко обсуждается в Уругвае населением, политиками и прессой, поскольку перспектива массового оттока трудоспособных граждан для страны с малочисленным

населением чревата серьезными негативными последствиями. Вопрос привлек внимание и международных организаций. Группа исследователей МОТ в 1999 г. специально изучала причины социального кризиса и упадка духа в Уругвае.

Главный вывод, к которому пришли ученые, состоял в том, что в 90-е годы, особенно к концу десятилетия, в стране резко обострилось социальное неравенство, проявлявшееся в различных областях жизни. Например, безработица, которая охватила практически все слои населения, среди 20% с наиболее низкими доходами была в пять раз выше, чем среди 20% наиболее обеспеченных. Занятость в неформальном секторе для первой группы населения выросла, в то время, как для второй – сократилась. Так называемая занятость с ограничениями, касающимися медицинского обслуживания и социального обеспечения, в первой группе выросла на 6%, во второй – на 1%. Разрыв между указанными группами в области получения образования увеличился за счет вынужденного включения молодежи первой группы в трудовую деятельность. Тенденция к снижению бедности, наметившаяся в Уругвае к середине 90-х годов, к концу десятилетия приостановилась.

Небезынтересно, что оценки исследователей МОТ, опирающихся на национальную статистику, и оценки ЭКЛАК по вопросам бедности, распределения дохода и другим показателям социально-экономической действительности Уругвая, существенно расходятся. Причем оценки ЭКЛАК значительно оптимистичнее национальных данных. Показатели бедности Уругвайского института статистики в четыре раза выше тех, которые дает ЭКЛАК⁵¹.

Точку зрения исследователей МОТ разделяет и уругвайский социолог Х. де Сьерра. Он отмечает появление совершенно нового для страны феномена – «социального отторжения» значительной части молодежи, особенно детей, 45% которых оказались в положении бедности⁵². В полном противоречии с национальной традицией расходы на образование росли такими медленными темпами, что не достигли в конце десятилетия даже среднерегionalного уровня⁵³.

Травматичный характер приобрела в Уругвае безработица. По данным опроса общественного мнения в 1999 г., 66% уругвайцев считали безработицу своей главной проблемой. И действительно, на протяжении десятилетия в стране отмечался ее высокий уровень – около 10%, особенно в государственном секторе экономики. С психологической точки зрения еще более важна тенденция к дальнейшему ухудшению положения: в 1999 г. уровень безработицы составил 11,8%, в 2000 г. – 13,5%, что сопоставимо с показателями в последние годы военной диктатуры. Та-

кой же отрицательный социально-психологический эффект имеет широкое распространение нестабильной, неустойчивой занятости, которой охвачены от 48% до 52% экономически активного населения⁵⁴.

Модель Уругвая интересна и показательна как в плане национальной специфики, так и с точки зрения проявления общих закономерностей экономического и социального развития региона.

2.3. Проблемы трудовой занятости и безработица

Рынок труда Латинской Америки в 90-е годы претерпел значительные изменения, некоторые из которых повлияли на процессы трудовой миграции. Модернизация с ее экономическими, социальными и политическими последствиями разрушила традиционную трехстороннюю систему регулирования трудовых отношений, основанную на взаимодействии государства, капитала и труда. Роль государства в решении трудовых проблем существенно снизилась. Реформы трудового законодательства 90-х годов там, где они имели место (например, в Аргентине, Чили, Колумбии, Гватемале, Панаме, Перу), были направлены прежде всего на придание большей динамики рынку труда. При этом, как правило, в первую очередь учитывались интересы капитала, особенно в вопросах найма и увольнений.

При сохранении, в разной степени, патерналистских традиций на первый план в решении трудовых проблем выдвинулся именно капитал, понуждаемый к перестройке производства, управления и трудовых отношений требованиями рынка и технического прогресса. Острая конкурентная борьба на мировом рынке заставляет капитал использовать все средства для достижения высокой производительности за счет максимального сокращения числа и стоимости рабочей силы.

В среднем за десятилетие предложение рабочих рук в регионе ежегодно росло на 2,6%, в то время как спрос только на 2,2%. Экономически активное население к концу десятилетия выросло на 44 млн, достигнув в 1999 г. 212 млн человек. Важной характеристикой рынка труда в этот период было сосредоточение рабочей силы преимущественно в городских зонах вследствие ускорения процессов урбанизации. К началу нового тысячелетия основную часть рабочей силы (76,3%) составляли жители городских зон (для сравнения, в 1990 г. – 72%), а среди 44 млн пополнивших экономически активное население этот показатель еще выше – 93%⁵⁵. Динамика участия мужчин и женщин в трудовой деятельности по странам отражена в табл. III приложения.

Отставание спроса на рабочие руки от предложения приводило к постоянному падению уровня занятости: с 58,2% в 1990 г. до 57% в 1999 г.⁵⁶ Проблема занятости осложнялась также изменениями, которые происходили на рынке труда вследствие процессов модернизации экономики (см. прил., табл. IV). Резко вырос спрос на образование и профессионально подготовленные рабочие кадры, что особенно видно на примере женщин. А в реальной действительности, несмотря на предпринимавшиеся в 90-е годы в области образования меры и достигнутые определенные успехи, более трети работающих в странах региона (около 73 млн человек) обучались менее 6 лет, другая треть – 6–9 лет. Иначе говоря, почти 7 человек из каждых 10, вовлеченных в трудовую деятельность, учились меньше 10 лет. Показательно, что категория лиц с более высоким уровнем образования (10–12 лет), выросшая с 13,8% (1990 г.) до 19,5% (1999 г.) от числа занятых, оказалась наиболее востребованной на рынке труда: 63% новых рабочих мест, созданных в этот период, было занято именно лицами, относящимися к этой категории⁵⁷.

Другой новой и важной по своим последствиям тенденцией в сфере занятости стало активное участие в трудовой деятельности женщин. В то время как число работающих мужчин несколько сократилось за 1990–1999 гг. (на 1,3%), доля работающих женщин увеличилась на 4,1% (см. прил., табл. III).

Большие перемены в структуре занятости произошли в результате небывалого роста неформального сектора: число занятых в неформальном секторе выросло с 43% в 1990 г. до 48,4% в 1999 г. Для сравнения, занятость в формальном секторе в те же годы составляла соответственно 57% и 51,6%, а новые рабочие места, созданные в 1990–1999 гг., распределялись между формальным и неформальным секторами следующим образом: 31,5% и 68,5%⁵⁸. Другими словами, из каждых 10 человек, включенных в рынок труда в 90-е годы, 7 человек работали в неформальном секторе.

Предоставляя возможность работать, поддерживать семью и выжить в сложных условиях переходного периода, занятость в неформальном секторе характеризуется в то же время нестабильностью, неуверенностью в будущем и социальной незащищенностью, что служит постоянным стимулом к перемене места работы и жительства.

Эволюция занятости и перемены в ее структуре усугубили одну из острейших социальных проблем Латинской Америки – безработицу во всех ее видах (см. прил., табл. V и VI).

Отсутствие всякой работы и перспектив трудоустройства стали главным побуждающим мотивом трудовой миграции. В пер-

вую очередь это касается молодежи, наиболее мобильной части населения. Статистика свидетельствует о высоком охвате безработицей молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет (в 1994 г. – 14%, а в 1999 г. – 20%). В странах, где безработица росла особенно быстро, этот показатель в 1999 г. равнялся 24,8% (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Парагвай, Уругвай, Чили, Эквадор)⁵⁹.

В Латинской Америке в 90-е годы возобладала тенденция к увеличению безработицы (5,8% в 1990 г.; 8,5% в 2000 г.). Отметим, что дискриминационное положение женщин на рынке труда сохраняется, и число безработных женщин в 1999 г. на 4% превысило число безработных мужчин⁶⁰. В целом женская безработица выросла за десятилетие с 5,1% до 11,2%.

Средний ежегодный экономический рост в течение последнего десятилетия равнялся 3,2% и был не только неустойчивым, но и недостаточным для поглощения растущего числа рабочих рук. По расчетам ЭКЛАК, необходимый рост ВВП должен был бы составить не менее 6% ежегодно⁶¹.

Безработица в отдельных странах континента имеет различные характеристики, масштаб, тенденции и разное соотношение порождающих безработицу структурных и конъюнктурных факторов. К странам с наиболее высоким и постоянно растущим уровнем безработицы относятся, например, Аргентина (1990 г. – 7,4%, 2000 г. – 15,1%), Колумбия (10,5% и 20,2%), Эквадор (6,1% и 14,1%), Уругвай (9,2% и 13,6%), Венесуэла (11% и 14%).

Положение в Мексике и в большинстве центрально-американских и карибских стран, напротив, характеризовалось тенденцией к снижению безработицы. Однако и в рамках этой тенденции уровни безработицы существенно различались.

К примеру, в Панаме уровень безработицы снизился с 20% до 15,2%, в Сальвадоре с 10% до 6,5%, а в Мексике с 2,7% до 2,2%⁶². Характерно, что, несмотря на положительную тенденцию в области занятости, отток рабочей силы из этого субрегиона не ослабевал вследствие, по-видимому, сложившихся устойчивых миграционных традиций, каналов, механизмов и налаженной системы передачи информации.

Таким образом, национальный контекст свидетельствует о значительном многообразии, обусловленном особенностями социально-экономического развития каждой страны в отдельности. Проблема безработицы в 90-е годы усугублялась появлением качественно новых и общих для стран региона характеристик. К их числу относятся включение в армию безработных новых социальных слоев, особенно средних; увеличение срока поиска новой работы; снижение оплаты труда при вторичном найме на ра-

боту. (В Уругвае, например, эти потери для лиц от 23 до 59 лет составляли 23–34% от предыдущего заработка.)⁶³

Нерешенность и острота социальных проблем (бедность, безработица, неравномерное распределение доходов, неудовлетворительный уровень здравоохранения и образования и т.д.) продолжают сохраняться во всех латиноамериканских странах, несмотря на устойчивую тенденцию к росту социальных расходов и на качественные изменения в социальной политике, происходившие в Латинской Америке в конце столетия.

2.4. Государственные расходы и политика

Доля социальных расходов стран континента в ВВП выросла в 90-е годы в среднем с 10,4% до 13,1%. Однако рост был неравномерным и во второй половине десятилетия снизился почти вдвое, что объяснялось прежде всего ухудшением экономической конъюнктуры, снижением динамики экономического роста⁶⁴.

Увеличились также бюджетные социальные расходы на душу населения. В среднем в регионе этот рост составил 50%, а в абсолютных цифрах он вырос с 360 до 540 долл. в год. Средние показатели не дают подлинной картины положения в отдельных странах, контраст между которыми чрезвычайно велик. В Аргентине в 1990–1991 гг. социальные расходы на душу населения составляли 1211 долл., а в 1998–1999 гг. – 1687 долл.; в Бразилии – 768 и 1011 долл., в Уругвае – 888 и 1539 долл. соответственно. А в Никарагуа эти показатели равнялись 48 и 57 долл., в Гондурасе – 60 и 57 долл.⁶⁵ Остальные страны континента располагались между этими двумя полюсами (подробнее см. табл. 8).

В разных странах, как показывает статистика, приоритеты при распределении социальных ресурсов отличались (см. табл. 9). Как видно из табл. 8 и 9, в странах с наиболее высоким доходом на душу населения предпочтение отдавалось расходам на социальное обеспечение (Аргентина, Бразилия, Чили, Уругвай), в то время как в странах с самыми низкими доходами на душу – на образование и здравоохранение (Гондурас, Никарагуа, Гватемала). Эксперты ЭКЛАК считают, что именно в странах второй группы распределительный эффект был относительно более высокий, чем в странах первой⁶⁶

Социальная политика в 90-е годы характеризуется не только увеличением ассигнований на соответствующие нужды, но и принципиально иными подходами к решению социальных проблем.

Таблица 8

**Государственные социальные расходы
в странах Латинской Америки, 1990-е годы**

Страна	Год	На душу населения (долл. США по курсу 1997 г.)	% от ВВП	% от всех государствен- ных расходов
Аргентина	1990–1991	1211	17,7	62,2
	1998–1999	1687	20,5	63,6
Боливия	1994–1995	121	12,4	49,4
	1998–1999	168	16,1	56,5
Бразилия	1990–1991	786	18,1	48,9
	1998–1999	1011	21,0	60,4
Венесуэла	1990–1991	337	9,0	34,0
	1998–1999	313	8,6	37,3
Гватемала	1990–1991	52	3,4	29,9
	1998–1999	107	6,2	46,2
Гондурас	1990–1991	60	7,9	36,5
	1998–1999	57	7,4	34,3
Доминиканская республика	1990–1991	64	4,3	38,4
	1998–1999	135	6,6	39,7
Колумбия	1990–1991	158	8,0	28,8
	1998–1999	381	15,0	35,5
Коста-Рика	1990–1991	476	15,7	38,9
	1998–1999	622	16,8	43,1
Мексика	1990–1991	259	6,5	40,8
	1998–1999	402	9,1	58,5
Никарагуа	1990–1991	48	10,8	35,4
	1998–1999	57	12,7	37,0
Панама	1990–1991	497	18,6	40,0
	1998–1999	642	19,4	38,6
Парагвай	1990–1991	56	3,1	39,9
	1998–1999	132	7,4	46,2
Перу	1990–1991	69	3,3	31,1
	1998–1999	192	6,8	38,3
Сальвадор	1994–1995	60	3,3	21,3
	1998–1999	82	4,3	27,0
Уругвай	1990–1991	888	16,8	62,4
	1998–1999	1539	22,8	27,5
Чили	1990–1991	440	13,0	60,8
	1998–1999	827	16,0	66,8

Источник: CEPAL: Panorama social de América Latina, 2000–2001 Santiago de Chile, 2000. P. 268–269.

Таблица 9

**Распределение социальных расходов в странах Латинской Америки
(% от ВВП)**

Страна	Образование		Здравоохранение		Социальное обеспечение		Жилище, водоснабжение, санитария	
	1990–1991 гг.	1998–1999 гг.	1990–1991 гг.	1998–1999 гг.	1990–1991 гг.	1998–1999 гг.	1990–1991 гг.	1998–1999 гг.
Латинская Америка	2,9	3,9	2,6	2,9	3,6	4,8	1,2	1,4
Аргентина	3,3	4,7	4,0	4,6	8,3	8,7	2,1	2,5
Бразилия	3,7	3,9	3,6	3,4	8,1	11,5	2,7	2,2
Венесуэла	3,5	3,8	1,6	1,4	2,4	2,6	1,6	0,8
Гватемала	1,6	2,3	0,9	1,3	0,8	0,9	0,1	1,7
Гондурас	4,3	4,1	2,6	2,2	0,1	0,0	0,9	1,3
Доминиканская республика	1,2	2,8	1,0	1,5	0,4	0,8	1,8	1,5
Колумбия	3,2	4,7	1,2	4,1	3,0	5,2	0,6	1,0
Коста-Рика	3,8	4,4	5,0	4,9	4,9	5,9	2,1	1,8
Мексика	2,6	3,8	3,0	2,1	0,3	2,3	0,7	0,9
Никарагуа	5,0	5,7	4,6	4,5	0,0	0,0	1,3	2,5
Панама	4,7	6,0	6,1	6,8	5,9	5,4	2,0	1,3
Парагвай	1,2	3,7	0,3	1,1	1,2	2,6	0,4	0,1
Перу	1,3	2,2	0,7	1,3	1,1	2,8	0,1	0,5
Уругвай	2,5	3,3	2,9	2,8	11,2	16,3	0,3	0,5
Чили	2,6	3,9	2,1	2,8	7,0	7,5	1,4	1,8

Источник: CEPAL: Panorama social de América Latina, 2000–2001 Santiago de Chile, 2000. P. 26.

Концептуальные изменения социальной политики в Латинской Америке начались с Чили в 70-е годы, стали заметной тенденцией в середине 80-х и повсеместным явлением в 90-е годы. К началу процесса реструктуризации и модернизации экономики общим положением в сфере социальных отношений и социальной политики латиноамериканских стран при всем их многообразии и специфике оставались нерешенность и острота социальных проблем (бедность, безработица, социальные контрасты, неудовлетворительный уровень здравоохранения, образования и т.д.). Структурные недостатки социальной системы и политики со всей очевидностью проявились в период жесточайшего финансово-экономического кризиса начала 80-х годов. Сильная централизация системы социального обслуживания, монополизированного государством, чрезмерные административные расходы, институциональная раздробленность и несогласованность, распыление ресурсов и т.д. привели к неэффективности и неспособности государства оказать сколько-нибудь существенную помощь населению.

нию в период резкого ухудшения уровня жизни. Объективная потребность в реформировании социальной сферы имела основанием, таким образом, ее структурные недостатки и слабости.

Не менее важной объективной побудительной причиной концептуальной переориентации социальной политики послужила сначала зарождавшаяся, затем набиравшая силу и в 90-е годы воплощенная в неолиберальных реформах новая стратегия развития. Внедрение в производство технологических инноваций, создание условий для максимального повышения уровня конкурентоспособности на мировом рынке и другие перемены в экономике латиноамериканских стран потребовали соответствующих модификаций в социальной сфере. Смысловое наполнение социальных нововведений должно было соответствовать идеологическим и экономическим параметрам новой модели развития. Социальная система была призвана стать конструкцией, поддерживающей и стимулирующей структурную перестройку экономики. При различиях в частности переориентация социальной политики в разных странах проходила в едином концептуальном направлении, с использованием схожих по содержанию комплексов мер, институциональных форм и механизмов.

Подлинный переворот в социальной политике и системе связан с процессом децентрализации социального обслуживания, т.е. передачи части полномочий, функций, ресурсов – впервые за послевоенную историю Латинской Америки – от государства частному сектору, предпринимательским и коммерческим структурам, неправительственным организациям, церкви, соседским общинам, неформальным объединениям, группам самопомощи, семье. Такая разветвленная инфраструктура вполне соответствовала антиэтатистской направленности неолиберальных реформ.

Кардинально менялся принцип распределения ресурсов. Основным адресатом прежней, традиционной социальной политики были средние слои и городской рабочий класс. Теперь главным объектом социальной поддержки становились наименее обеспеченные группы, как правило, живущие в территориально отдаленных районах и остро нуждающиеся в институциональном посредничестве из-за отсутствия образования и культуры, необходимых для самостоятельного формулирования своих запросов и интересов.

Новые подходы со второй половины 80-х годов получили отражение в социальных реформах. Наиболее полно инновации материализовались в Чили, Аргентине, Боливии, Мексике и Перу, более ограниченно – в Коста-Рике, Колумбии, Бразилии, Венесуэле, Уругвае, фрагментарно – в Доминиканской республике, Эквадоре, Сальвадоре, Гондурасе, Гватемале, Никарагуа, Панаме,

Парагвае. Анализ содержания реформ указывает на их тесную связь с глубиной и последовательностью модернизационных процессов в той или иной стране⁶⁷.

Главной задачей социальной политики на первом этапе было принятие компенсаторных мер по смягчению последствий структурной перестройки – массовой безработицы, социальной дезинтеграции и поляризации, общей маргинализации населения.

Для правительств, проводящих реструктуризацию и модернизацию экономики, неизбежно наступал момент, когда приоритет социальных проблем над экономическими, социальные инвестиции и создание соответствующих механизмов становились необходимым условием и предпосылкой продолжения реформ, сохранения достижений свободной рыночной экономики и демократии. От социальной политики, ключевого фактора определения уровня и качества жизни, зависела ситуация и в экономике, и в политике. Поэтому с середины 80-х годов идеи и меры социальной компенсации были включены в программы структурной перестройки практически всех стран, проводивших реформы⁶⁸.

Широкое распространение получила такая институциональная форма, как чрезвычайные фонды (первый – в Боливии в 1986 г.) и фонды социальных инвестиций. Именно они осуществляли посредническую функцию между финансирующими институтами (в основном международными, в меньшей степени государственными и частными) и принимающей помощью стороной. Постепенно выкристаллизовывались два основных направления в соответствующей конкретной деятельности. Одно – индивидуальные программы по обеспечению базовым медицинским обслуживанием, распределению продуктов питания, созданию специальных рабочих мест для «жертв» структурной перестройки и т.п. Другим направлением, постепенно сфокусировавшим на себе усилия общества, стала ликвидация бедности, официально признанная главами латиноамериканских государств приоритетной политической задачей.

Разработка программ борьбы с бедностью осуществлялась во всех странах континента вне зависимости от стадии и степени модернизации. Как уже отмечалось, стратегически важным направлением социальной политики конца столетия стала реализация идеи вложений в «человеческий капитал», в человека и в первую очередь в развитие и совершенствование систем образования и здравоохранения.

Гипотетически социальная политика периода неолиберализации с ее новыми подходами, увеличением бюджетных ассигнований на социальные нужды и сверхзадачей ликвидации бедности открывала перед обществом достаточно большие возможности

для решения острых социальных проблем. Однако между теорией и практикой всегда существует немалый разрыв.

Несмотря на все усилия (национального и регионального уровня) и достигнутые в процессе социального реформирования определенные успехи, внедрение в жизнь социальных программ протекает крайне неравномерно по странам региона, замедленно и недостаточно эффективно⁶⁹. Даже наиболее разработанная программа борьбы с бедностью до сих пор сталкивается с массой проблем, включая трудности осуществления на практике принципа «адресности», т.е. поддержки действительно наиболее бедных слоев населения.

Несмотря на увеличение бюджетных ассигнований на образование и здравоохранение, соответствующие системы все еще не гарантируют роста социальной мобильности и существенного изменения качества жизни.

Расширение частных форм образования и здравоохранения с более высоким уровнем обслуживания идет на фоне ущербного развития соответствующих государственных институтов, что затрагивает прежде всего социальные слои со средними и низкими доходами. А это, в свою очередь, лишает их перспектив выхода за рамки социальной уязвимости.

До настоящего времени сохраняется проблема неравенства в распределении средств, выделяемых из бюджета на образование. В середине 90-х годов половина ассигнований на высшее образование приходилась на 1/5 наиболее обеспеченных молодых людей, в то время как пятая часть самых необеспеченных получала только 5% выделяемых средств. Для создания равных условий получения образования, по мнению специалистов ЭКЛАК, необходимы компенсационные программы для детей и подростков из малообеспеченных семей. Кроме того, проведенные ЭКЛАК исследования показывают, что «не все получившие одинаковое образование имеют равные возможности устроиться на хорошо оплачиваемую работу, поскольку в немалой степени это зависит от социального происхождения»⁷⁰. Все это не может не влиять на настроения молодежи из низших слоев, что в совокупности с заботами о трудоустройстве создает базу для роста общей социальной неудовлетворенности и эмигрантских настроений.

Не только в начальной фазе переориентации социальной политики, но и поныне элементы предшествующей и модернизированной систем сосуществуют и тесно взаимодействуют, и положительный результат, видимо, устойчивее там, где найдено их оптимальное сочетание. Эксперты ЭКЛАК признают, что «во многих странах социальная сфера продолжает управляться тра-

диционными методами при низкой эффективности, слабой отдаче от использования ресурсов, а иногда и возврате к очень сомнительной в моральном плане примитивно распределительной системе»⁷¹.

Вытеснение государства из социальной сферы не означало автоматического заполнения образовавшейся ниши другими социальными акторами, в том числе частным сектором. Большая часть латиноамериканских предпринимателей, вместо активного внедрения научно-технических достижений в производство, предпочитает и сегодня широко использовать избыточную дешевую рабочую силу и не торопится делать значительные вложения в «человеческий фактор».

Недостаточная эффективность социальной деятельности в рамках неолиберальной модели укрепила в конце 90-х годов позиции сторонников усиления (при сохранении тесного взаимодействия с частными и общественными структурами) руководящей, координирующей, контролирующей роли государства в области рационализации программ, разработки социальных гарантий и средств социальной защиты.

2.5. Кризис традиционных институтов защиты человека труда

Неолиберальный этап модернизации не оправдал связанных с реформами социальных ожиданий и надежд широких слоев населения. Не случайно к концу 90-х годов, отмеченных кризисными явлениями в экономике, из лексикона чиновников и специалистов всех уровней почти исчезает термин «неолиберальный», «неолиберализм». В то же время в прессе и специальной литературе появляются такие дефиниции, как «социальное отторжение», «усталость от перестройки» (*fatiga ante ajuste*) и т.п.

Нерешенность, а порой и нерешаемость в ходе модернизационного процесса социальных проблем создают предпосылки к постоянному расширению контингента населения в пограничном с бедностью состоянии. К концу 90-х годов в него вошла существенная часть средних слоев, которые прежде были достаточно стабильно обеспеченными и принадлежность к которым традиционно считалась престижной. По этой причине средние слои воспринимают особенно болезненно как ухудшение материального положения, так и в не меньшей степени потерю социального статуса (феномен так называемой статусной несовместимости). Наличие огромной армии социально неблагополучных людей позволяет говорить о явлении, которое терминологически

можно определить как «социальная уязвимость» и которое безусловно стимулирует процессы трудовой эмиграции из Латинской Америки.

Специальное исследование позволило ЭКЛАК сделать вывод о том, что в третье тысячелетие латиноамериканские страны вошли с проблемой социальной уязвимости, которая означает не только материальные трудности и потери для населения, но и угрозу социальной безопасности для всего общества. Решение проблемы социальной уязвимости в конкретном социально-экономическом плане видится экспертам ЭКЛАК на путях совершенствования социальной политики, поддержания малого и микробизнеса, совершенствования системы образования, социального обеспечения и услуг. Следует добавить, что в стратегическом плане решение этих проблем невозможно без участия государства, гражданского общества и каждого человека.

Кризис и ослабление влияния традиционных организаций и институтов, защищавших человека, таких как государство, церковь, партии, профсоюз, семья, усугубляют ситуацию и стимулируют процесс социальной дезинтеграции. Набирающая силу и в Латинской Америке общемировая тенденция к атомизации общества и индивидуализации всех форм деятельности и жизни человека стимулирует индивидуалистические настроения в ущерб ценностям коллективных действий. Все это облегчает отрыв индивида от родной почвы и корней и создает предпосылки для его перемещения в пространстве.

Негативные последствия экономической перестройки протекают на фоне резкого ослабления средств и механизмов защиты наемного труда. В этой связи заслуживает особого внимания роль профсоюзных организаций и их способность к ведению коллективных переговоров в период экономики переходного периода. Профсоюзы оказались наименее готовыми к новым условиям труда. В последние 15–20 лет деятельность профсоюзов носила сугубо оборонительный характер, и это положение сохраняется до настоящего момента. Оказались подорванными основы, на которых традиционно строилась профсоюзная деятельность: стабильный труд и регулирующая роль государства, облегчавшего переговорный процесс и юридически закреплявшего статус и права профсоюзов. В новых условиях профсоюзы вынуждены считаться также с сегментацией рынка труда и высоким уровнем безработицы.

Внутреннее состояние профсоюзного движения, как правило, раздробленного, с сильно бюрократизированным и политизированным руководством, к моменту реструктуризации экономических систем не позволило профсоюзам найти свое функциональ-

ное место в складывающейся системе социальных отношений. Раскол по политическим и идеологическим мотивам, характерный для профсоюзного движения почти всех стран Латинской Америки, ослабил его способность адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию.

Экономическая модернизация выдвинула на первый план интересы развития общества в целом, что резко контрастировало с привычными установками узкоклассового характера, которые многие годы пропагандировались левыми партиями и движениями, традиционно связанными с профсоюзами. Можно предположить, что если бы узкоклассовый эгоизм, внедряемый левыми политическими силами, не превалировал в сознании трудовых масс, то выбор путей и форм модернизации мог бы быть иным, с меньшими социальными издержками.

К социальной и правовой незащищенности на производстве к концу столетия добавился кризис такого важного для любого человека института, как семья. Семья занимает особое место в жизни и судьбе каждого человека. Семейное воспитание и семейные традиции оказывают самое непосредственное воздействие на социализацию личности. Чем гармоничнее и нравственнее климат, в котором развивается характер, тем больше вероятность, что сформируется сильная творческая личность, способная к эффективной реализации своих потребностей. Неблагоприятный семейный фактор, напротив, способствует постоянному накоплению в молодых поколениях агрессивной энергии и общему падению нравов. Проблема тем более актуальна, что население Латинской Америки достаточно молодо: по данным на начало 90-х годов, доля подростков до 14 лет составляла 35,8%, что примерно в 2,5 раза больше, чем в США и почти в 2 раза больше, чем в Европе⁷².

Структура и функции семьи в Латинской Америке, как и во всем мире, заметно меняются под воздействием не только экономических и социальных процессов, но и так называемого демографического перехода.

Глобальный процесс перехода от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости вовлекает в себя и латиноамериканские страны. Однако, в отличие от развитых стран, где ситуация низкой смертности и низкой рождаемости была достигнута к середине XX в., Латинская Америка, как и другие развивающиеся страны, находится на стадии заметного снижения смертности в основном за счет внедрения достижений развитых стран в области медицины и гигиены, т.е. по внешним причинам. Рождаемость же в регионе продолжает оставаться высокой, хотя и с тенденцией к понижению.

Демографическое положение в регионе складывается по-разному: от наиболее «продвинутых» Аргентины, Чили, Уругвая и ряда карибских стран до находящихся на начальном этапе Боливии и Гаити. Немаловажно, что снижение рождаемости в бедных семьях происходит медленнее, чем в обеспеченных. Замедленные темпы демографического перехода в Латинской Америке неизбежно тормозят процессы ликвидации бедности и нищеты. А это, в свою очередь, содействует поддержанию на стабильном уровне миграционных интенций.

К аналогичным последствиям приводит характерная для нынешней демографической ситуации тенденция к росту (с 5% до 17% от всего населения) числа пожилых людей⁷³. Необходимость расширения социальных программ, прежде всего в сфере здравоохранения и социального обеспечения, регулирования рынка труда с учетом участия в нем этой категории населения, решения проблем взаимоотношений между поколениями ставит целый ряд новых задач перед обществом, государством и рыночной экономикой. Если учесть, что более 2/3 лиц старше 60 лет живут в многопоколенческих семьях, а от 40 до 60% пожилых не имеют никакого дохода, то становится очевидным, что большая часть проблем, связанных с этой категорией населения, падает на семью, прежде всего на ее мобильную, трудоспособную часть⁷⁴.

Институт семьи в последнее время претерпевает значительные изменения. Процессы и проблемы, связанные с семьей, носят чрезвычайно противоречивый характер и не поддаются однозначной оценке. Патриархальный, традиционный тип семьи с мужским главенством и ответственностью и, как правило, подчиненным, а зачастую и бесправным положением женщины и детей, внутрисемейным насилием и невмешательством общества в семейные дела по-прежнему доминирует в большинстве стран региона. Однако под воздействием модернизационных процессов этот тип семьи постепенно разрушается, уступая место гетерогенным семейным формам и структурам. Намечилась тенденция к сокращению многопоколенческих домохозяйств и росту домохозяйств униперсональных, что объективно способствует миграционным интенциям. Распад традиционной семьи сопровождается ростом числа разводов, незарегистрированных браков, «браков по согласию», случаев раннего материнства, увеличением числа матерей-одиночек и семей, во главе которых стоит женщина.

Многие изменения связаны с более активным включением женщины в трудовую деятельность и изменением ее положения в семье и обществе. Государство и демократические общественные организации все активнее защищают права женщин и детей

в семье. Именно семья в первую очередь фокусирует на себе усилия государства по социальной защите населения. На фоне повышения общеобразовательного уровня в странах континента позитивные перемены создают предпосылки к формированию и развитию личности с большим правом выбора.

Новые тенденции в развитии семьи двояко влияют на судьбы ее членов и эволюцию общества. Ослабление традиционной семьи и ее ценностей, высвобождение из-под опеки семейного авторитаризма усиливают социальную незащищенность человека, особенно молодого, лишают его привычного тыла, прибежища от внешнего социума, определенных гарантий выживания. Одновременно повышается личная ответственность каждого за свой выбор и поиск путей самостоятельного, индивидуального социального поведения.

В переходный период развития, в условиях общей ситуационной нестабильности, высокой безработицы, массового обнищания, социальной поляризации и других отрицательных последствий неолиберальных преобразований особое значение для широких социальных слоев приобрела проблема социально-психологической адаптации к новой действительности. Требовались глубокие изменения в массовом сознании и поведении, отказ от патриархальности, традиционализма и стереотипов, тормозящих модернизационные процессы, преодоление духовного кризиса.

Неспособность к восприятию новой системы ценностей и поведенческих установок приводила зачастую к деградации личности, к апатии. Принципиально важными для будущего любой страны были и остаются адаптационные возможности и способности молодого поколения.

Огромное значение имел материальный потенциал человека и его семьи к началу и в ходе структурной перестройки, т.е. наличие или отсутствие движимого и недвижимого имущества, качество полученного образования и профессиональной подготовки, семейные связи и т.д. Все это изначально предопределяло разные возможности для сохранения, роста или падения уровня и качества жизни в переходный период.

Адаптация к новым условиям зависела во многом от того, какое из присущих человеку неантагонистичных психологических состояний брало верх: потребность в стабильности и надежности, традиционно ассоциировавшихся с государством, или стремление к многообразию индивидуализма, свободе выбора, опоре на собственные силы. Обществом оказался востребованным новый тип работника, не только более образованного и профессионально подготовленного, но и с иными социально-психологическими качествами: гибкостью, мобильностью, предприимчивостью, спо-

способностью сочетать дисциплину с инициативой, склонностью к самообеспечению.

Доминанта таких качеств в психологическом облике человека, особенно молодого, более адекватна нынешнему этапу развития производственных и общественных отношений в мире. Весьма показательно, что передовая и развитая система социального вспомоществования в США к концу XX в. переносит центр тяжести с преимущественного предоставления социальных пособий на создание условий для более полного использования трудового, интеллектуального, предпринимательского потенциала трудоспособных граждан, на усиление их личной ответственности за самообеспечение⁷⁵. Именно люди подобного психологического типа составляют основной костяк трудовой миграции в мире и в Латинской Америке. Психологическая установка на самореализацию и решение своих личных, социальных проблем собственными усилиями позволяет значительной части покинувших родину найти работу за рубежом и легче преодолеть сопутствующий эмиграции травматический разрыв с привычной средой, семьей и друзьями, национальной культурой, языком, традициями и т.д. (в случае нелегального положения возникают дополнительные трудности и опасности, иногда сопряженные с риском для жизни).

Большая часть экономически активного населения в той или иной мере адаптировалась к новым условиям свободной рыночной экономики, найдя занятость на модернизированных предприятиях, в малом и микробизнесе, в неформальном секторе. Но даже в наиболее современных секторах экономики стран континента для большинства занятых продолжали сохраняться факторы социальной незащищенности и неуверенности в завтрашнем дне⁷⁶. А значит – не устранялись объективные условия для накопления в обществе отрицательной энергии, что при фактически резком ослаблении традиционных путей ее выхода посредством коллективных организованных форм борьбы чревато взрывными стихийными протестными действиями, возрождением феномена неоанархизма и популизма. Немалая часть трудоспособного населения, особенно молодежь, предпочла и предпочитает в сложившихся условиях решать свои проблемы в развитых странах, заведомо стабильных и с высоким качеством и уровнем жизни.

Трудовая миграция конца прошлого и начала нового столетия тесно связана с бурно развивающимися процессами глобализации. С одной стороны, глобализация открывает широкие возможности для передвижения людей из страны в страну, с другой – сами миграционные потоки содействуют глобализационным про-

цессам. Новые формы международных экономических и политических отношений: интеграционные процессы, широкое сотрудничество государств и наднациональных структур (ООН, ЮНЕСКО, МОТ и др.) в области кодификации трудовых отношений, здоровья, пенсионного обслуживания и т.п. – все это стимулирует быстрое увеличение объема миграционных перемещений людских ресурсов, особенно работоспособного населения, в масштабах всего мира. Растет число студентов, выезжающих на учебу в развитые страны. Высококвалифицированные специалисты годами трудятся вне пределов своей родины, а их дети часто остаются жить в США, Германии, Японии и других странах. Одним словом, уходят в прошлое или меняются бывшие стимулы и формы эмиграции – иммиграции и возникают новые модели международного обмена человеческой энергией. Кто-то от этого выигрывает, кто-то проигрывает, но этот процесс необратим. Люди и страны должны приспосабливаться к новой стадии мирового развития, не забывая о максимальном сохранении своей культурно-национальной идентичности. Латинская Америка в этом смысле находится в особо трудном положении, ввиду своего значительного отставания от развитых государств. Вот почему масштабы эмиграции, причем в первую очередь в США, остаются очень высокими.

Теоретически регулирование потоков трудовой миграции возможно лишь по мере выравнивания уровня и качества жизни в разных странах. Напомним, что бюджетные социальные расходы на душу населения в середине 90-х годов в развитых странах составляли от 3600 долл. (США, Япония, Канада, Испания, Германия, Великобритания) до 7200 долл. (Швеция, Франция, Австрия, Голландия), а в Латинской Америке от 54 долл. (Гондурас, Парагвай, Боливия, Сальвадор, Гватемала, Доминиканская республика, Перу) до 425 долл. (Уругвай, Коста-Рика, Панама, Аргентина, Чили, Мексика, Бразилия)⁷⁷. Отметим также, что общемировая тенденция на сегодняшний день такова, что в условиях развития средств массовых коммуникаций, информатизации, роста общей культуры и образованности потребительские ожидания и ценности будут неуклонно подниматься.

Массовый характер миграции, особенно нелегальной, выдвигает перед странами-реципиентами множество новых сложных проблем, связанных не только с социально-экономическим устройством, но и социально-психологической и культурной адаптацией. От разумного и своевременного решения миграционных проблем во многом зависит как судьба отдельных людей и наций, так и социальная безопасность в мировом сообществе.

- ¹ См.: Чумакова М.Л. Колумбийская драма: разлом общества, эскалация террора, поиски мира. М., 2002.
- ² Reportes del emisor. Bogotá. 2002, № 38. P. 3.
- ³ США. Канада: Экономика, политика, культура. 2002. № 9. С. 31–33.
- ⁴ Statistical abstract of Latin America. Los Angeles, 2001. Vol. 37. P. 424; Comercio exterior. México, 2001. Vol. 51. № 11. P. 1016.
- ⁵ ALAI. Quito, 2002. № 352. P.30.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Comercio exterior. Vol. 51. № 11. P. 1016.
- ⁸ Ibid. P. 1015; Развивающиеся страны и Россия: Ист. судьбы и перспективы взаимодействия. М., 2001. С. 100.
- ⁹ Comercio exterior. 2001. Vol. 51. № 11. P. 1018.
- ¹⁰ Ibid. P. 1017.
- ¹¹ См.: Латинская Америка. 2002. № 1. С. 8.
- ¹² Comercio exterior. 2001. Vol. 51. № 11. P. 1018.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ См.: Социально-экономическая география зарубежного мира. М., 1998. С. 363.
- ¹⁵ Comercio exterior. 2001. Vol. 51. № 11. P. 1018; Латинская Америка. 2002. № 1. С. 8.
- ¹⁶ ALAI. Quito, 2001. № 329. P. 18.
- ¹⁷ См.: Cuadernos de nuestra América. La Habana. 2002. № 29. P. 182–183.
- ¹⁸ Estado do São Paulo. 2000. Jul. 29.
- ¹⁹ Comercio exterior. 2001. Vol. 51. № 11. P. 1020.
- ²⁰ Cuadernos de nuestra América. 2002. № 29. P. 182–183.
- ²¹ Ibid. P. 190.
- ²² Ibid. P. 188.
- ²³ Comercio exterior. 2001. Vol. 51. № 11. P. 1019–1020.
- ²⁴ Cuadernos de nuestra América. 2002. № 29. P. 185.
- ²⁵ Reportes del emisor. 2002. № 38. P. 2.
- ²⁶ Ibid. P. 5.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid.. P. 5–6.
- ²⁹ Ibid. P. 4.
- ³⁰ CEPAL.: Panorama social de América Latina, 2000–2001. Santiago de Chile, 2001. P. 41–42.
- ³¹ Comercio exterior. 2000. Vol. 50. № 5. P. 374.
- ³² CEPAL: Panorama social de America Latina, 2000–2001. P. 35–36.
- ³³ Ibid. P. 52–54.
- ³⁴ Ibid. P. 43.
- ³⁵ Латинская Америка. 2001. № 3. С. 16–17.
- ³⁶ CEPAL: La brecha de la equidad: América Latina, el Caribe y la Cumbre social. Santiago de Chile, 1997. P. 37.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid. P. 35.
- ³⁹ CEPAL: Panorama social de América Latina, 2000–2001. P. 205–206.
- ⁴⁰ Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9. С. 35.
- ⁴¹ CEPAL: Panorama social de América Latina, 2000–2001. P. 55.

- 42 CEPAL: La brecha de la equidad. P. 43–44.
- 43 CEPAL: Panorama social de América Latina, 2000–2001. P. 56–57.
- 44 Ibid. P. 40.
- 45 Ibid. P. 67.
- 46 ALAI. Quito, 1999. № 293. P. 18.
- 47 CEPAL: Panorama social de América Latina, 2000–2001. P. 79.
- 48 Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4. С. 77.
- 49 CEPAL: Panorama social de América Latina, 2000–2001. P. 26.
- 50 Revista de ciencias sociales. Montevideo, 2001. № 19. P. 109.
- 51 Ibid. P. 119.
- 52 Ibid.
- 53 Ibid.
- 54 Ibid. P. 109.
- 55 CEPAL: Panorama social de América Latina, 2000–2001. P. 88, 91–92.
- 56 Ibid. P. 92.
- 57 Ibid. P. 94–95.
- 58 Ibid. P. 96.
- 59 Ibid. P. 106.
- 60 Ibid. P. 91.
- 61 Ibid. P. 97, 100–105.
- 62 Ibid. P. 105.
- 63 Ibid. P. 109.
- 64 Ibid. P. 24.
- 65 Ibid. P. 23, 139.
- 66 Ibid. P. 28.
- 67 European Review of Latin American and Caribbean Studies. 2000. April. № 68. P. 10–12.
- 68 Ibid. P. 5.
- 69 CEPAL: Serie políticas sociales. Santiago de Chile, 1998. № 23. P. 51–53.
- 70 CEPAL: La brecha de la equidad. P. 110.
- 71 Латинская Америка. 1996. № 5. С. 36.
- 72 ECLAC: Family und Future: a regional program in Latin America and Caribbean. Santiago de Chile, 1995. P. 19.
- 73 CEPAL: Panorama social de América Latina, 1999–2000. P. 111.
- 74 Ibid. P. 119.
- 75 См.: *Лебедева Л.Ф.* Государственное регулирование социального обеспечения в США: стратегические проблемы и основные направления развития: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2000. С. 13.
- 76 *Коваль Б.И., Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В., Семенов С.И.* Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации // Аналитические тетради ИЛА РАН: М., 2000. № 10. С. 76–79.
- 77 Там же. С. 48–50.

Глава III

США: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ

3.1. Этапы развития

На протяжении всей истории отношения, связывающие США и Ибероамерику, напоминали клубок плотно переплетенных национальных интересов, финансовых проблем и человеческих драм. Американская монолитность, казавшаяся в начале XX в. непоколебимой и крепко спаянной «плавильным котлом» протестантской культуры, на рубеже XX и XXI вв. превратилась в многоголкое, разноязычное столпотворение. Наступающая с юга латиноамериканская цивилизация все увереннее вплетается в структуру североамериканского общества. Но и сам иберо-американский компонент впечатляет своей неоднородностью – значительную его часть можно назвать «коренной». Она берет свое начало с закладки первых поселений во Флориде, Калифорнии, Мексике. Другая часть – собственно иммигранты, пополняющие население США. Влияние каждой из них велико.

В XIX–XX вв. в правовом регулировании притока иммигрантов в США и определении их прав неизменно сталкивались две, на первый взгляд, взаимоисключающие тенденции. Одна заключалась в стремлении ограничить въезд и правоспособность иммигрантов и свести к минимуму их участие в политической жизни США, лишить их возможности действовать в интересах тех стран, откуда они прибыли. Неприязнь к новым пришельцам подчас принимала самые резкие формы, что было связано также с соображениями экономического характера. Многие определялись обстановкой, складывавшейся на рынке труда в определенные периоды развития США.

Другая же тенденция состояла в стремлении обеспечить бесперебойный приток иммигрантов, труд и энергия которых содействовали бы укреплению страны и развитию ее экономики. Обе тенденции сохранились до наших дней.

На протяжении всего XX в. взаимоотношения США со странами Латинской Америки претерпевали множество потрясений. И хотя всегда доминировал эгоистический интерес с обеих сторон, нередко в расчет принимался обоюдный интерес.

В последнее время неизменно растет объем и значение иммиграционных потоков. В итоге испаноязычное сообщество в США превысило 32 млн, и его значение постоянно увеличивается. В этих условиях миграционная политика стала более строгой.

По мнению американского ученого У. Бернарда (W. Bernard), в истории американской иммиграционной политики можно выделить пять отличительных периодов: колониальный (1609–1775 гг.), «открытых дверей» (1776–1881 гг.), регулирования (1882–1916 гг.), ограничения (1917–1964 гг.), либерализации (с 1965 г. по настоящее время)¹. В принципе с такой схемой следует согласиться, хотя можно оговориться, что каждая «эра» (термин У. Бернарда) содержала в себе противоречивые характеристики. Так, скажем, «эра либерализации» на деле является более жесткой, нежели предыдущий период «регулирования».

В отечественной историографии впервые правовые аспекты иммиграции в США с достаточной полнотой были проанализированы в монографии С.В. Филиппова «США: иммиграция и гражданство. Политика и законодательство»². В книге предложена более точная периодизация:

1. Свободное заселение страны, завершившееся в 1776 г. образованием нового государства – США.

2. 1776–1830 гг., когда иммиграция практически не регулировалась. В связи с необходимостью юридически оформить проблемы гражданства, в том числе натурализации, этот период характеризовался активной правотворческой деятельностью законодательной власти США.

3. 1830–1875 гг. Иммиграционный въезд регулируется правовыми актами отдельных штатов.

4. Иммиграционная обстановка становится предметом строгого и всеобъемлющего контроля со стороны федеральной власти. Этот период, начавшийся в 1875 г. и продолжающийся до нашего времени, прошел через следующие основные фазы:

а) 1875–1921 гг., введение первых «качественных» ограничений иммиграции (официальный перечень причин, препятствующих въезду иностранца в США: состояние здоровья, уровень образования, политические взгляды, национальность);

б) 1921–1965 гг., введение количественных ограничений иммиграции и установление системы так называемых национальных квот³.

В последующие годы, по нашему мнению, можно выделить два этапа:

1. 1965–1995 гг., период системы «преференций» в связи со специфическими требованиями научно-технического прогресса;
2. С 1996 г. по настоящее время. Общая либерализация иммиграционной политики и переход к минимальному регулированию легальной иммиграции, с одной стороны, и рост неконтролируемого притока нелегальных иммигрантов. С целью обуздать въезд нелегалов в страну власти с 1996 г. предпочли перейти вновь к частичному рестрикционизму.

Во второй половине XIX в. стали вводиться первые «качественные ограничения» доступа иностранцев. На первых порах речь шла о ряде, так сказать, медицинских и морально-этических ограничений. Так, первые препятствия правового характера были установлены Законом от 1875 г., следуя которому в страну не допускались преступники и проститутки. Однако критерии были крайне неопределенными, обязанность проводить инспекцию для отсеивания «нежелательных персон» была возложена на официальных лиц, ранее ответственных только за финансовые сборы с прибывших иммигрантов.

Позднее Закон 1882 г. расширил перечень причин, препятствующих въезду иммигрантов в страну: в группу запрета были включены душевнобольные, олигофрены, а также люди, которые, по мнению миграционных властей, не были в состоянии прокормить себя и могли стать обузой для общества⁴.

На протяжении ряда лет одним из важных каналов иммиграции был ввоз в США рабочих по контрактам. Вскоре такая практика стала вызывать нарекания и недовольство внутри страны в связи с притоком дешевой рабочей силой.

В 1885 и 1887 гг. были приняты Законы, запретившие ввоз иностранцев по рабочему контракту. Исключения были сделаны фактически только для специалистов высокой квалификации и только в тех отраслях экономики США, которые к моменту принятия законов не получили достаточного развития.

В периоды подъема американской экономики враждебность к иностранцам уменьшалась, работодателя не интересовала национальность вновь прибывшего до тех пор, пока были нужны его руки; однако в периоды упадка не только принадлежность иммигранта к какому-либо национальному меньшинству, но и сам факт рождения за границей автоматически могли сделать его объектом преследований.

В 1888 г. законодательство было дополнено положением о том, что любой иностранец, въехавший в страну по трудовому

контракту, может быть выслан из страны в течение года с момента въезда. Новый Закон поставил в безвыходное положение десятки тысяч рабочих, заключивших контракты еще до его принятия и с единственной целью получить деньги для оплаты проезда в Америку. Верховный суд США признал конституционность этого Закона⁵. Впоследствии именно эти постановления будут нарушены во время Второй мировой войны для покрытия недостатка рабочих рук в сельском хозяйстве и в промышленности.

Вначале ограничения не касались этнической принадлежности, отсеиваясь производился на личностном уровне, на уровне индивидуальной трудоспособности и морали. Но динамика рынка труда и развитие индустрии, а также исторические особенности проживания и миграции отдельных этнических сообществ, например, из Китая и других стран Юго-Восточной Азии, свойственные им клановость и компактное проживание стали приводить к конфликтным ситуациям на рынке труда.

Предпринимаемые в конце XIX в. качественные ограничения могли в какой-то мере контролировать и фильтровать поток европейских иммигрантов, но оказались неэффективными в отношении азиатских переселенцев. На протяжении многих лет президенты США от Разерфорда Хейса до Вудро Вильсона накладывали вето на билли Конгресса, которые вели к ужесточению стандартов на въезд в США или исключали допуск в страну по национальному признаку. Однако президент Честер А. Артур в 1882 г. согласился с позицией профсоюзов, что иностранцы сбивают уровень заработной платы, и подписал Закон о недопущении китайцев. Конгресс подтвердил этот запрет в Законе Джерри от 1893 г., а затем сделал его постоянным в 1902 г. Так впервые Соединенные Штаты официально подтвердили, что этническая принадлежность сама по себе уже является основанием для недопущения в страну⁶.

Начало XX в. ознаменовалось для Соединенных Штатов иммиграционным бумом. Динамично развивающаяся страна, стоящая вдали от политических потрясений, охвативших Россию и Европу, казалась оплотом стабильности для тысяч жителей Восточного полушария.

В Законе 1903 г. список лиц, которые не допускались в США, был пополнен эпилептиками, слабоумными и профессиональными нищими, а также анархистами или теми, кто выступал за насильственные действия. Человек, въехавший в США здоровым, но затем потерявший здоровье и возможность зарабатывать себе на жизнь, в течение трех лет после въезда мог быть выслан из страны.

Первая мировая война отозвалась вначале резким падением иммиграции, а затем огромной волной переселенцев, желающих

Таблица 10
Иммиграция в США, 1901–1921 гг.

Год	Численность	Год	Численность
1901	487 918	1912	838 172
1902	648 743	1913	1 197 892
1903	857 046	1914	1 218 480
1904	812 870	1915	326 700
1905	1 026 499	1916	298 826
1906	1 100 753	1917	295 403
1907	1 285 349	1918	110 618
1908	782 870	1919	141 132
1909	751 786	1920	430 001
1910	1 041 570	1921	805 228
1911	878 587		

Источник: Immigration and Naturalization Service: Statistical Yearbook, 1998.

найти убежище, политическую стабильность, возможность заработка для обеспечения своих семей (см. табл. 10).

Начало рестрикционистской политики по отношению к иммигрантам было положено в 1917 г. принятием нового Закона, в котором было кодифицировано все предыдущее законодательство в области иммиграции.

Селективные меры качественного ограничения тем не менее не могли принципиально решить проблему контроля за уровнем иммиграции. К 20-м годам XX в. в США сложилась ситуация, когда прибывающие иммигранты создавали большую проблему для внутреннего рынка труда. Вследствие этого вопрос о принципиально иной системе регулирования иммиграционных потоков стал особенно актуальным.

Новым принципиальным изменениям иммиграционная система подверглась в 1921 г., когда в дополнение к качественным ограничениям Конгресс США установил ежегодный количественный лимит. Формально преследовались две цели: ограничить численность иммигрантов и отобрать в пределах квоты тех, допуск которых в страну сохранял бы наилучшим образом необходимый баланс между различными элементами белого населения. Первый Закон о квотах (1921 г.)⁷ разрешал въезд в страну представителей различных национальностей в пределах 3% от числа лиц той же национальности, которые уже проживали на территории США в 1910 г. После необходимых выкладок было получено максимальное число (357 803) иммигрантов, допускаемых в страну в течение года. Однако Закон предусматривал возможность допуска отдельных категорий иностранцев сверх квоты.

Второй Закон о квотах⁸ (1924 г.) внес существенные изменения: процент был понижен с трех до двух, в качестве исходных

данных для расчетов были взяты результаты переписи 1890 г., в результате чего число иммигрантов, которые могли быть допущены в страну, сократилось до 164 867 человек. Теперь каждый иммигрант должен был получить визу от американского консула в стране происхождения.

В 1929 г. система подсчета иммиграционных виз, выдаваемых отдельной стране, снова изменилась: было решено, что ежегодная квота для всех стран Восточного полушария будет составлять 150 тыс., а число иммигрантов, допущенных в течение года из одной страны, должно быть пропорционально числу их соотечественников, уже находящихся по данным переписи 1920 г. на территории США. Закон устанавливал минимальную квоту для любой страны в 100 человек.

Итак, на протяжении 20-х годов была введена в действие та система национальных квот, которая с небольшими дополнениями и изменениями определяла иммиграционную политику США вплоть до 1952 г.

3.2. Политика в отношении латиноамериканской иммиграции

Всесторонний план иммиграционного контроля, воплощенный в системе рестрикционных законодательных актов, поначалу не выделял специально проблему латиноамериканской миграции.

В Законах Джонсона (1921 г.) и Джонсона–Рида (1924 г.) все иммиграционные потоки из стран Западного полушария объединялись в единую категорию, для них формально оставалась возможность неограниченного въезда. Отчасти это объяснялось тем, что в первой четверти XX в. некоторые из стран Центральной и Южной Америки не имели национального представительства в США, и поэтому невозможно было для них подсчитать размер квот.

Кроме того, канадская и мексиканская границы столь велики, что невозможно было эффективно пресечь нелегальный въезд в страну. Конгресс продолжал позволять свободную иммиграцию своих соседей, уступая давлению со стороны юго-западного сельскохозяйственного лобби, заинтересованного в поддержании притока дешевой рабочей силы из Мексики.

С учетом этих обстоятельств было заявлено, что Западное полушарие представляет собой регион, в отношении которого североамериканские идеалы и политика могут быть согласованы без создания каких-либо специальных ограничений⁹.

После акта 1921 г. иммиграция из стран Западного полушария сформировала так называемый неквотный поток. Неограничиваемая иммиграция представляла около половины всех иммигрантов, принимаемых в США. К числу неквотных иммигрантов причислялись также жены, маленькие дети и мужья (для браков, заключенных ранее 1932 г.) американских граждан. Переселенцы из стран Западного полушария составляли подавляющее число неограниченной иммиграции. Так, квотная иммиграция в период с 1924 по 1948 гг. составила 1 484 661 человек, а неквотная – 1 403 915¹⁰.

Когда ресурсы неквалифицированных сельскохозяйственных и промышленных рабочих из Южной и Восточной Европы при помощи новых квот были сведены до минимума, мексиканские сельскохозяйственные и франко-канадские промышленные рабочие стали привлекаться в страну для удовлетворения спроса по занятости.

Сельское хозяйство США оказалось достаточно емким сектором экономики, поглощающим большое число рабочих рук. Свободные вакансии стимулировали миграцию из Мексики и с Антильских островов, и темпы роста неограничиваемой иммиграции из стран Западного полушария стали стремительно расти, превышая по своему объему общую численность квотного потока.

Легальная иммиграция из Мексики достигла своего пика в 20-е годы, но затем была ограничена, главным образом, по причине ее «общественной нежелательности» (public charge clause).

В 1924–1929 гг. общий поток иммигрантов составил приблизительно 300 тыс. человек ежегодно по сравнению с более чем 1 млн человек в период до Первой мировой войны.

В общем объеме доля европейской иммиграции, составлявшая в период до 1910 г. более 90%, снизилась до 62%; а иммиграция из стран Западного полушария, особенно из Мексики, стала более весомой.

Относительно локализованные и стабильные в своем общественном и профессиональном ранге сообщества native-мексиканцев, кубинцев и пуэрториканцев начали менять свой облик под влиянием наплыва малообразованных масс сельскохозяйственных рабочих. Собственно, именно с этой поры и началось второе пришествие «испанцев» в Северную Америку.

Депрессия 30-х годов снизила миграцию до отметки, где ограничительные функции квот были уже не столь очевидны. В дополнение к естественным экономическим причинам, в соответствии с инструкциями президента, изданными в сентябре 1930 г., консульства США начали жестко применять пункт Закона, ис-

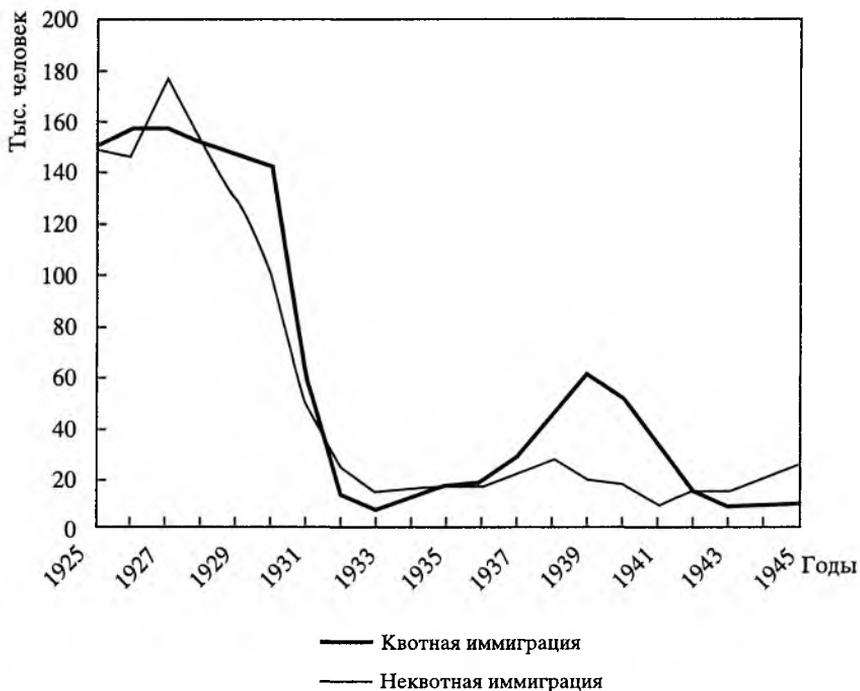

Рис. 1. Иммиграционные потоки США, 1925–1945 гг.¹¹

ключающий общественно нежелательных лиц. Динамика иммиграции приобрела тенденцию к снижению.

Мексиканские иммигранты, не ограниченные квотами, значительно компенсировали нехватку рабочей силы и расширили число переселенных рабочих из Латинской Америки. 30-е годы (Великая депрессия и ее последствия) как бы законсервировали объем и пропорции иммиграционных потоков в США.

Принципиальные изменения наступили во время Второй мировой войны. Недостаток рабочей силы создал необходимость ввоза большого числа рабочих из Латинской Америки, а также из Канады и Ньюфаундленда для работы по контракту на ограниченный период.

Несмотря на то что запрещение 1888 г. допускать в страну иностранцев для работы по контракту официально оставалось в силе, Конгресс США своей объединенной резолюцией от 29 апреля 1943 г. санкционировал ввоз сельскохозяйственных рабочих и дал начало Программе ввоза мексиканских контрактных сельскохозяйственных рабочих¹². Для устранения недостатка дешевой рабочей силы для выполнения работ в перечисленных выше отраслях было умело использовано предоставляемое министру юстиции им-

миграционным законом 1917 г. право допускать на территорию страны на определенный срок иностранцев, которые в обычном порядке не могли быть допущены. Так, в южные районы страны хлынули жители Мексики и Вест-Индских островов. Когда острая необходимость в них миновала, в 1949 г. был принят новый Закон, вводящий более строгие рамки допуска в страну такого рода временных рабочих и упрощающий их высылку¹³.

Как мы видим, к середине 40-х годов начинает складываться принципиально новая ситуация в сфере приема иммигрантов. Во время действия ограничительных законов легальная иммиграция из неэкваториальной зоны Западного полушария возросла до позиций первостепенной важности. В период с 1924 по 1947 гг. Мексика заняла четвертое место среди всех стран, поставляющих иммигрантов в США, пропустив вперед только Канаду, Германию и Великобританию.

Качественные изменения в составе переселенцев были следствием не только проводимой рестрикционной политики. После Второй мировой войны весь мир вошел в новую фазу противостояния двух политических систем. С одной стороны, новая внешнеполитическая ситуация и изменение идеологических приоритетов в допуске иностранцев в страну, а с другой – первостепенная роль практически нерегулируемой иммиграции из стран Латинской Америки и Канады создавали платформу для пересмотра иммиграционной политики и законодательства.

Ответом на меняющуюся международную политическую ситуацию стали идеологические ограничения, зафиксированные в Законе Уолтера – Маккарена (1952 г.). Въезд и выезд из страны был закрыт для представителей коммунистических партий и лиц, придерживавшихся левых убеждений. Этот Закон отразил «охоту на ведьм», которая развернулась внутри страны. Жертвами ее становились не только простые американцы, но и всемирно известные личности. Так, Ч. Чаплину некоторое время не давали разрешение на въезд в страну после его поездки в Европу.

Кроме того, Закон 1952 г. установил строгую систему количественных ограничений.

В 1963 г. президент Дж.Ф. Кеннеди подверг систему национальных иммиграционных квот резкой критике за то, что она не была основана «ни на логике, ни на благоразумии. Она не удовлетворяет какой-либо национальной потребности и не отвечает какой-либо международной цели»¹⁴. После гибели Дж. Кеннеди президент Линдон Б. Джонсон потребовал от Конгресса реформировать систему квот.

Кульминацией движения за реформирование иммиграционной политики на либеральных началах стало принятие в 1965 г.

Закона Харта–Селлера (Hart–Celler Act), который вступил в действие в полном объеме три года спустя.

С 1968 г. данным законом развивалась система преференций, упразднялись нормы иммиграционных квот по странам происхождения и дискриминационные меры по отношению к выходцам из государств азиатско-тихоокеанского региона. Потолок всеобщей ежегодной иммиграции был обозначен в 290 тыс. Все страны Западного полушария имели в распоряжении 120 тыс. ежегодных виз без ограничения по какой-либо стране, Восточное же полушарие имело 170 тыс., причем одна страна не могла использовать более чем 20 тыс. виз¹⁵.

В целом Конгресс США не отказался от количественного ограничения иммиграции. Более того, впервые в истории межамериканских отношений для стран Западного полушария (т.е. Канады и Латинской Америки, откуда до этого момента иммигранты прибывали беспрепятственно и в неограниченном количестве) было установлено ограничение в 120 тыс. человек, соответствующее среднегодовому числу иммигрантов из этих стран.

Среди прочих новшеств, введенных Законом 1965 г., стало разделение статусов прибывающих в США на «иммигрантов» и «неиммигрантов»: первые приезжают в страну с целью натурализоваться (принять гражданство), неиммигранты же находятся в стране в течение строго установленного визой срока для выполнения определенных задач. Именно это разделение статусов породило новые способы и варианты нелегального пребывания на территории США.

В широком смысле «нелегальными» считаются иностранцы, находящиеся в США в нарушение иммиграционного законодательства. К этой категории относятся лица:

- нелегально пересекшие границу контрабандным или мошенническим путем (без прохождения процедуры контроля со стороны INS¹⁶);
- въехавшие легально, но оставшиеся дольше разрешенного срока;
- проникшие на территорию страны по подложным документам, под чужим именем или иным мошенническим путем;
- не имеющие права на въезд в США и въехавшие в результате сокрытия информации (например, в прошлом депортированные и вернувшиеся ранее разрешенного времени)¹⁷.

Первые две категории нелегальных иммигрантов считаются находящимися на территории США незаконно (unlawfully present), или «вне статуса» (out of status). Оставшиеся категории переходят в этот разряд, как только обнаруживается факт нарушения закона.

В настоящее время за подобные нарушения иммиграционного законодательства предусмотрены депортация, наказания в виде штрафов и лишения свободы (от шести месяцев до двух лет в случае повторных нарушений), а также запрет на въезд в будущем. В большинстве случаев «нелегальным иностранцам» предоставляют возможность самим покинуть страну, вместо того чтобы проводить сложную судебную процедуру.

3.3. Нелегальная мексиканская иммиграция

В течение 20-х годов, так же как и во время Первой мировой войны, американская индустрия, особенно сельское хозяйство, гражданское и дорожное строительство были чрезвычайно заинтересованы в привлечении мексиканских рабочих, причем легальность или нелегальность их статуса (с учетом действовавшего в те годы законодательства) не имели значения.

Период с Первой мировой войны до начала 40-х годов можно считать полным, законченным циклом использования в американской экономике нелегальных мексиканцев: они воспринимались как мобильный товар, привлекаемый во время нехватки рабочей силы и выдворяемый обратно в Мексику, когда потребность в них отпадает. При бездействии правительства американское сельское хозяйство и промышленность были активными агентами на этом рынке услуг.

Можно утверждать, что широкий рынок нелегальной рабочей силы как социально-экономическое явление возник в США в годы Второй мировой войны с началом действия Программы брасеро в 1943 г. Тогда мексиканские *брасерос* работали по меньшей мере в 38 штатах и были призваны заменить американских фермеров, ушедших в армию или в оборонную промышленность.

В 1941 г., т.е. за два года до начала осуществления Программы брасеро, власти задержали в общей сложности всего 11 тыс. нелегальных иммигрантов-мексиканцев. Число задержанных выросло с 8 тыс. в 1943 г. до 91 тыс. в 1946 г., оно приблизилось к уровню в полмиллиона в 1950 г. и достигло пика, превысив миллион человек, в 1954 г., когда были предприняты массовые депортации (см. табл. 11). В 1954 г., когда 310 тыс. брасерос работали в США на законных основаниях, иммиграционные власти задержали уже более миллиона нелегалов. За 20 с лишним лет США приняли на законной основе примерно 5 млн брасерос, а параллельно с ними проникло практически столько же нелегальных иммигрантов.

Статистика задержанных показывает, что мексиканцы составляли очень значительную часть от всех нелегальных иммигран-

Таблица 11

**Задержанные пограничным контролем
нелегальные мексиканские иммигранты и численность контрактных
сельскохозяйственных рабочих, 1925–1976 гг.¹⁸**

Годы	Задержанные нелегальные мексиканцы	Доля мексиканцев от всех задержанных, %	Сельскохозяйственные рабочие по контракту	Год	Задержанные нелегальные мексиканцы	Доля мексиканцев от всех задержанных, %	Сельскохозяйственные рабочие по контракту
1925–1929	25 600			1957	44 500	74	436 000
				1958	37 200	70	432 900
				1959	30 200	67	437 600
1930–1934	58 600			1960	9 7002	42	315 800
				1961	29 800	34	291 400
1935–1939	46 300	76		1962	30 300	33	195 000
				1963	39 100	44	186 900
1940–1944	49 000	76	118 471	1964	43 800	51	177 700
				1965	55 300	51	20 300
1945	63 600	92	120 000	1966	89 800	65	
1946	91 500	92	82 000	1967	108 300	67	
1947	183 000	95	55 000	1968	151 700	72	
1948	179 400	94	35 300	1969	201 600	71	
1949	278 500	96	107 000	1970	265 500	77	
1950	458 200	98	67 500	1971	348 200	83	
1951	500 000	98	192 000	1972	430 200	85	
1952	543 500	100	197 100	1973	576 800	88	
1953	865 300	98	201 400	1974	710 000	90	
1954	1 075 200	99	309 000	1975	680 000	89	
1955	242 600	96	398 700	1976	781 000	90	
1956	72 400	83	445 200				

тов в США. В 1973 г. из 660 тыс. депортируемых иностранцев 84% составляли те, кто проник на территорию США, минуя пограничный контроль, и практически все – через мексиканскую границу. Большинство из оставшейся части задержанных были те, которые въехали в страну легально по туристической или студенческой визе, а затем остались в стране сверх отведенного срока.

По статистике INS (Службы иммиграции и натурализации) в послевоенный период преобладали нелегальные иммигранты «мексиканского» происхождения. В 40-е годы их численность в составе всех задержанных составляла около 75%, во время «эры контрактов» она достигла 90%, а затем уменьшилась до 50% в начале 60-х. Состав задерживаемых в период, начавшийся с 1965 г., практически всецело состоял из мексиканцев.

Следует отметить, что категория «нелегальный мексиканец» во многом является обобщенной: собственно мексиканцы составляли около половины нелегалов, а в оставшееся число входили

выходцы с островов Вест-Индии, Гаити, Доминиканской республики, Центральной и Южной Америки. Это обстоятельство во многом связано с тем, что нелегальная активность концентрировалась именно на американо-мексиканской границе, а также в исторических местах проживания мексиканских общин в США.

В конце 40-х – начале 50-х годов программы по ввозу контрактных сельскохозяйственных рабочих косвенно стимулировали рост нелегальной иммиграции посредством распространяемой информации относительно заработков, которые можно получить на американских фермах. Правительственные агентства устанавливали ограничения на численность допускаемых контрактных рабочих, но из-за сдельного характера заработной платы, преобладающей на уборке урожая в большинстве юго-западных хозяйств, желание работодателей использовать дополнительных рабочих было непреодолимо. Многие же мексиканцы предпочитали использовать возможность нелегального пересечения границ, а не по Программе брасеро.

Расширение программы контрактных рабочих частично компенсировало уменьшение нелегальной иммиграции, численность брасерос увеличилась с 201 тыс. в 1953 г. до 438 тыс. в 1959 г. Но публичное недовольство всей этой программой привело сначала к ее сужению, а затем и к полному закрытию в 1964 г.

После 1965 г., по официальной статистике, численность мексиканских нелегалов перевалила за полмиллиона человек в год. Американское правительство предпринимало попытки к высылке части нелегалов, но в то время это стало практически невозможно: нелегальный мексиканский рабочий, уже дважды приглашенный и высланный из Соединенных Штатов, призываемый в США и в третий раз, возможно, уже так глубоко пустил корни в американское общество, что не мог быть выдворен надолго.

Проживание нелегальных мексиканцев в Соединенных Штатах во многом совпадает с местами проживания мексикано-американских сообществ. Большинство из них находится в Калифорнии и Техасе, особенно в Лос-Анджелесе (1 350 000 человек), Хьюстоне (600 000), Сан-Антонио (500 000) и Сан-Франциско (500 000). Конечно же, многие нелегальные мексиканцы обитали за территорией больших городов, в сельскохозяйственных областях¹⁹.

Растущее влияние латиноамериканского фактора со временем все более усиливалось. Так, в 1974 г. 1,75 млн из 6,9 млн неиммигрантов, прибывших в США, были мексиканцы, и только 1 млн человек – из других стран Западного полушария, включая 35 тыс. из Канады.

Окончание в 1964 г. совместной с Мексикой программы сельхозработ по контракту (Программы брасеро) инициировало скачок в численности нелегального въезда в США.

Этот подъем можно было легко прогнозировать, ведь в период с 1960 по 1964 гг. около 200 тыс. брасерос ежегодно использовались для работы на сельхозугодьях юго-западных штатов. Для работодателей, привыкших к сезонному труду мексиканцев, и в течение долгого времени делавших ставку на их низкооплачиваемый труд, переход от брасеро к нелегалу или обладателю «green card» (в нашем случае – легальному мигранту, проживавшему в Мексике и совершавшему сезонные поездки в США для уборки урожая) не был существенным препятствием. Поэтому этот переход произошел очень быстро, и окончание Программы брасеро дало начало быстрому росту нелегальной иммиграции в США.

Второй причиной, подстегнувшей рост нелегальной мексиканской иммиграции в США, стала программа индустриализации приграничных мексиканских районов, учрежденная в 1965 г. правительством Мексики. Основной целью было побуждение американских производителей организовывать производства в зоне, прилегающей к северной мексиканской границе. Благодаря программе планировалось распределить вдоль границы большое количество мексиканцев, оставшихся без работы. Производителей должны были привлечь низкий уровень заработной платы, выплачиваемой мексиканцам, а также облегчение налогового бремени в части импорта и обратного вывоза готовой продукции. В результате к 1970 г. на 550 фабриках было занято около 80 тыс. вернувшихся рабочих²⁰.

Обратный эффект индустриализации пограничных территорий заключался в том, что мексиканские пограничные города стали привлекать множество потенциальных работников из «внутренней» Мексики. Хотя пограничные города начали свой быстрый рост еще во время существования Программы брасеро, привлекая возможностью легальной и нелегальной иммиграции в США, под влиянием программы индустриализации их рост стал еще стремительнее (см. табл. 12).

В результате к началу 70-х годов мексиканские пограничные города оказались неспособны обеспечить достаточными средствами к существованию многих из своих обитателей. Официальный минимум заработной платы составлял 90 центов в час, что не позволяло большинству покрывать даже самые основные жизненные расходы. Многие не имели работы вообще. В этой ситуации образовывался большой излишек рабочих рук.

Важной причиной, приведшей к резкому увеличению нелегальной иммиграции, стали изменения на рынке труда в самих

Таблица 12

Население четырех приграничных мексиканских городов, 1940 и 1970 гг.²¹

Мексиканские города	Пограничная область в США	Население в 1940 г	Население в 1970 г
Тихуана (Tijuana)	Сан Диего, Лос-Анджелес (San Diego, Los Angeles), 130 миль на север	22 000	341 000
Мехикали (Mexicali)	Великая равнина, Калифорния (Imperial Valley, California)	44 400	396 000
Сиудад Хуарес (Ciudad Juarez)	Эль Пасо (El Paso)	55 000	407 000
Нуэво Ларедо (Nuevo Laredo)	Ларедо (Laredo)	31 500	149 000

Соединенных Штатах: нехватка рабочих рук, проявившаяся в некоторых профессиях и, что более важно, сокращение наличной низкоквалифицированной рабочей силы. В последующие годы эта причина стала играть первостепенную роль в регулировании нелегального потока, поскольку низкооплачиваемые вакансии в неаграрной сфере покрывались за счет нелегальных мексиканских рабочих.

С принятием Закона 1965 г., отдавшем приоритет родственным связям при получении разрешения на въезд, установление профессиональных предпочтений, а также изменение процедуры получения разрешения на жительство и работу в США заметно усложнили легальный иммиграционный процесс из стран Западного полушария, и в частности из Мексики.

Латиноамериканские иммигранты, желавшие воссоединиться со своими родственниками в США, должны были ждать год или два, прежде чем подойдет их номер в процедуре, дающей право на их приезд. Эта ситуация была исправлена Законом 1976 г., который распределил предпочтения поровну между странами Восточного и Западного полушарий. С этого же времени на переселенцев были распространены и 20-тысячные лимиты въездных виз на одну страну, и принцип приоритета по отношению к иммигрантам с семейными связями в США, а также к переселенцам с особой подготовкой и умениями²².

Латиноамериканцы не могли конкурировать с европейцами в высокотехнических отраслях. Несомненно, это повлияло на решение многих попытаться проникнуть в США нелегально или же легально по неиммиграционной визе, чтобы затем остаться в стране сверх положенного срока.

Скачок численности латиноамериканской иммиграции, произошедший в конце 70-х – начале 80-х годов, выдвинул пробле-

му испаноговорящего сообщества в число приоритетных во внутренней политике США. Стремительный рост испаноязычного населения происходил не только в результате высокой рождаемости, а в большей степени именно за счет иммиграционного притока, и к началу 90-х годов именно иммиграция первого поколения стала формировать облик *латинос* в американском обществе.

3.4. Современные реформы законодательства США

Отсутствие единой программы контроля и борьбы с нелегальной иммиграцией сводили на нет все попытки сократить потоки латиноамериканцев, стремящихся во что бы то ни стало проникнуть и закрепиться в США. Уже к началу 80-х годов ситуация стала выходить из-под контроля. Воссоединение семей стало причиной тройного роста ежегодной ожидаемой иммиграции: в 70-х годах беженцы от Вьетнамской войны быстро опережали квоты, установленные Законом 1965 г. В 1980 г. за Вьетнамом последовала печально известная Мариельская переправа кубинских беженцев (*Mariel boatlift*), когда правительство Ф. Кастро открыло тюрьмы и больницы и выпустило тех, кто хотел эмигрировать в Америку. В итоге Конгресс США в 1981 г. одобрил законопроект, по которому значительно сокращались ассигнования на оказание помощи беженцам и мигрантам, включая прибывших с Кубы и Гаити. Но на смену одним приходили другие потоки иммигрантов, особенно из Сальвадора и Никарагуа.

Попытка разрешить критическую ситуацию с латиноамериканской иммиграцией была предпринята в середине 80-х годов: в 1986 г. Конгресс одобрил Закон об иммиграционной реформе и контроле (*Immigration Reform and Control Act – IRCA*), содержащий в себе следующие основные положения²³:

1. Санкционировалась легализация (т.е. получение статуса временного, а затем и постоянного жителя США) иностранцев, которые незаконно проживали в США после 1 января 1982 г., въехав в страну нелегально или в качестве временных визитеров.

2. Устанавливались санкции, запрещающие предпринимателям вербовать, нанимать для работы лиц, не имеющих законного разрешения на трудоустройство в США.

3. Усиливался принудительный контроль на границах США.

4. Вводилась новая классификация сезонных сельскохозяйственных рабочих и положения о легализации некоторых категорий таких рабочих.

5. Санционировалось получение статуса постоянного жителя кубинцами и гаитянами, которые въехали в США без освидетельствования или непрерывно проживали в стране после 1 января 1982 г.

Реализация Закона 1986 г. предусматривала увеличение на 50% бюджета Службы иммиграции и натурализации (INS). Общественное мнение страны широко поддержало эти ассигнования, особенно с учетом необходимости срочного укрепления американо-мексиканской границы: в дополнение к усилению пограничного патруля было начато строительство забора вдоль мексиканской границы, достигающего в длину 14 миль²⁴.

Но при этом американское законодательство не могло не учесть интересы крупного агропромышленного бизнеса. Закон 1986 г. разрешил привлекать на сезонные сельскохозяйственные работы до 350 тыс. иностранцев, при этом сезонным рабочим предоставлялось право временного, а затем и постоянного жительства в США.

Очередная попытка корректировки иммиграционного права была предпринята в 1990 г. Под давлением промышленного лобби общий объем иммиграции повышался до предельно гибкого уровня в 675 тыс. человек (начиная с 1995 г.). Заново определялась категория временных рабочих, ежегодный прием которых ограничивался квотой в 65 тыс. человек²⁵.

Предпринимаемые попытки увеличения разрешенной численности переселенцев только провоцировали нестабильность ситуации, опаздывая за стремительно меняющейся реальностью. Увеличение норм приема практически не влияло на численность нелегальной миграции, а только косвенно давало возможность контролировать ставшие легальными в таком случае финансовые потоки.

В настоящий момент двойственность законодательной позиции привела к тому, что уровень иммиграции в Соединенные Штаты является самым высоким в истории: ежегодно в страну въезжает 1,1 млн человек, что на 400 тыс. больше, чем в период «Великого перемещения» (Grate Migration) 1900–1920 гг. (хотя доля иммигрантов от всего населения США (0,4%) ниже, чем на переломе столетий – 0,7%)²⁶. Сегодняшняя иммиграционная политика определяется скорее не давлением общественного мнения, а интересами бизнеса, который нуждается как в квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих, в законных и нелегальных иммигрантах.

Принимаемые меры по усилению пограничного контроля не уменьшили нелегальную иммиграцию. Вместо этого изменились только места проникновения на территорию США: из окрестно-

стей Сан-Диего они переместились в Эль-Сентро (Калифорния) и Юма (Аризона). В 1994–1998 гг. число задержаний пограничным патрулем в районе Сан-Диего снизилось на 45% и в то же самое время выросло на 88% вокруг Эль-Сентро²⁷.

При этом усиление контроля и строительство заграждений привели лишь к увеличению риска, заставив иммигрантов искать возможность пересечения границы в пустыне и горах. Сообщения о гибели иммигрантов повысились с 23 в 1994 г. до 145 в 1999 г. В результате Луис Эррера-Лассо (L. Herrera-Lasso), генеральный консул Мексики в Сан-Диего, отмечал, что одним из основных занятий его консульства стало «поднятие тел»²⁸.

Меры по усилению патрулирования границ также не принесли желаемого результата. Так, в 1995 г. INS остановила на границе более 1 млн нелегальных иммигрантов, однако, по оценкам все той же службы, в США находится примерно 5–6 млн нелегалов и еще 300 тыс. проникает в страну каждый год²⁹.

Решение проблемы нелегальной иммиграции наталкивается на противостояние диаметрально противоположных позиций: с одной стороны, Америка всегда была нацией иммигрантов, и какая принципиальная разница между полумиллионом и миллионом вновь прибывших людей в год? Разве страна не нуждается в большем количестве рабочих, чтобы платить налоги для поддержки стареющего населения? И почему должно иметь значение, являются ли они законными или нелегальными, если нелегальные иммигранты в конечном счете будут легализованы?

Но, с другой стороны, неконтролируемый рост притока иммигрантов приводит к катастрофическим социальным последствиям. Так, в Калифорнии, где оседает одна треть всех иммигрантов, не исключен этнический и культурный взрыв. Калифорнийское население иностранного происхождения, главным образом мексиканского, достигло 25%. В итоге нарастает обеспокоенность, что приток латиносов изменит этнокультурный баланс всего штата и приведет к кризису национальной идентичности³⁰.

Кроме того, три десятилетия постоянной иммиграции в Калифорнию, особенно из Мексики, привели к росту числа необразованных рабочих низкой квалификации и увеличению разрыва в заработной плате между «коренным» населением и иммигрантами.

Исторически Мексика никогда не предпринимала реальных мер по ограничению нелегальной иммиграции в США, основываясь на том, что это плюс для обоих государств: дешевые рабочие руки для США, с одной стороны, а с другой – мексиканские граждане ежегодно переводят в Мексику миллиарды долларов.

Споры об эффективности иммиграционной политики с новой силой разгорелись во время правления президента Б. Клинтона,

и особенно во время его переизбрания на второй срок. На фоне общих антииммиграционных настроений, сознание всей важности сложившегося положения и его влияния на будущее страны привело к принятию в 1996 г. нового иммиграционного закона³¹. Основная нагрузка по контролю и выявлению нелегальных иммигрантов возлагалась, как и прежде, на Службу иммиграции и натурализации (INS). К тому же процесс борьбы с нелегальной иммиграцией ложился на плечи исключительно принимающей стороны.

В настоящее время иммиграция из Латинской Америки в США начинает играть важную роль связующего звена между регионами. Иммигрантские инвестиции и денежные переводы поддерживают не только их семьи, но в результате и экономику таких стран, как Сальвадор, где объем денежных переводов в 1996 г. составил более 1 млрд долл., а также Доминиканская республика и Мексика. Для небольших и бедных стран Центральной Америки деньги, переправляемые иммигрантами, живущими и работающими в США, на поддержание своих семей по объему сопоставимы с реальными инвестициями в экономику своих стран³².

Во внутренней ситуации в США они играют двойственную роль: иммигранты вынуждены соглашаться на заработную плату ниже среднего уровня, тем самым понижая заработную плату индустриального и фермерского рабочего. В результате владельцы ферм и промышленных предприятий извлекают выгоду из противостоительно низкой цены рабочей силы.

Итогом такой политики проведения программ «приглашенных рабочих» (guest-worker) стало то, что в Калифорнии образовался постоянный эксплуатируемый люмпенизированный слой людей иностранного происхождения, который понижает заработную плату и искажает экономику, удерживая фермеров от капиталовложений в более производительные технологии. Для бизнеса выгоднее вкладывать деньги в лоббирование для поддержания программ «приглашенных рабочих», а не в развитие и модернизацию производства³³.

Продолжавшийся в XX в. приток латноамериканских иммигрантов в США поставил перед американским обществом не только экономические, политические, но и проблемы межкультурного характера. Либерализация иммиграционной политики уже привела к заметным изменениям в этническом составе американского общества. Согласно данным за 2000 г., на долю «белых» американцев приходилось менее 75% населения страны.

К этнической картине в США, ранее делившейся на «черных» и «белых», добавилась стремительно растущая испаногово-

рящая группа. За последние два десятилетия их численность увеличилась более чем в два раза, достигнув 12%. Столь стремительный рост привел к тому, что в настоящее время именно они становятся второй этнической группой США, постепенно вытесняя «черных» американцев³⁴.

Огромная численность латиноамериканских иммигрантов изменила не только этнические и языковые пропорции американского общества, но и сами эти общины. Так, если в начале XX в. мексиканское сообщество в США состояло в основном из коренных жителей, то в начале XXI в. около 40% составили иммигранты.

В настоящее время латиноамериканцы являются самой крупной и в высшей степени разнородной диаспорой в США. Ее образуют три различные социальные группы и потоки:

1. Непрерывный поток массовой легальной и нелегальной иммиграции из Мексики (стремительно растущий после 1980 г.), вызванный преимущественно экономическими причинами.

2. Большое количество ограниченных во времени «волн» многочисленной иммиграции из Центральной Америки. В начале 80-х годов Куба представлялась основным источником «искателей лучшей жизни» в испаноговорящем мире США, а затем добавились представители Сальвадора, Никарагуа, Гондураса.

3. Карибская модель интенсивной циркулирующей миграции, типичной для доминиканской общины в Нью-Йорке, которая сейчас является самой крупной иммигрантской группой в этом городе.

Изменения, происходящие в мире на глобальном уровне, находят свое отражение и в миграционных процессах. Две взаимоисключающие и усиливающиеся тенденции иммиграции: а) смешение этносов внутри США, их огромное влияние на экономику страны пребывания и включение в социальную структуру принимающего общества; б) процессы этнической и расовой изоляции, происходящие на фоне нелегальности статуса и низкого социального положения. Это создает все новые проблемы в иммиграционной политике США.

* * *

Для полного анализа судеб латиноамериканских диаспор в США не достаточно оценить объективные социоэкономические факторы «выталкивания» трудового населения из Латинской Америки и характер иммиграционной политики США. Не меньшее и даже большее значение имеет анализ глубинных историко-цивилизационных предпосылок взаимосвязи Латинской Америки и США на протяжении длительного периода. Для раскрытия этого сюжета необходимо исследовать этапы и формы миграционных

потоков их разных стран Латинской Америки и их европейских метрополий (Испании и Португалии) в Северную Америку. В первую очередь речь идет о переселенцах и иммигрантах из Пуэрто-Рико, Мексики и Кубы. По сути дела, речь идет о трех принципиально различных моделях формирования и развития этно-диаспоральных сообществ, которые ныне существуют в США.

- ¹ *Bernard W.S.* Immigration: the history of U.S. policy // The Harvard encyclopedia of American ethnic groups. Cambridge (Mass.), 1994. P. 486.
- ² *Филиппов С.В.* США: иммиграция и гражданство: Политика и законодательство. М., 1973.
- ³ Там же. С. 10.
- ⁴ Там же. С. 32.
- ⁵ Там же. С. 33.
- ⁶ *Тен В.А.* Иммиграционная политика США в XVII–XX вв.: Крат. ист. очерк. М., 1998. С. 63–64.
- ⁷ Закон Джонсона (Johnson Act) был принят 19 мая 1921 г. и действовал по 30 июня 1924 г.
- ⁸ Закон Джонсона–Рида (Johnson–Rid Act) был принят 26 мая 1924 г. и действовал с 1 июля 1924 г. по 30 июня 1929 г.
- ⁹ *American immigration policy: A reappraisal / Ed. W.S. Bernard.* N.Y., 1969. P. 53; *Bernard W.S.* Op. cit. P. 492.
- ¹⁰ U.S. Immigration and Naturalization Service: Monthly Review. 1945. August; 1947. January.
- ¹¹ U.S. Immigration and Naturalization Service: Annual Report, 1945. P. 13.
- ¹² Более распространенное название этой программы: Программа бра-серо (Bracero Program). *Bracero* (исп.) – чернорабочий, батрак.
- ¹³ *Филиппов С.В.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁴ *Kennedy J.F.* A Nation of Immigrants. N.Y.: Harper and Row, 1964. P. 77.
- ¹⁵ *Bernard W.S.* Op. cit. P. 495.
- ¹⁶ INS (Immigration and Naturalization Service) – Служба иммиграции и натурализации.
- ¹⁷ См. подробнее: *Николайчик В.М.* Иммиграция и гражданство в США: справочное пособие по иммиграционным законам США. М., 1992; *Иванов М.М.* Визовая система США // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 6.
- ¹⁸ *Fogel W.* Mexican illegal alien workers in the United States. Los Angeles, 1978. P. 14.
- ¹⁹ Ibid. P. 28.
- ²⁰ Ibid. P. 30.
- ²¹ Ibid. P. 32.
- ²² *Bernard W.S.* Op. cit. P. 495.
- ²³ Immigrant Law Update. Wash., 1996. Nov. 7. P. 89; *Тен В.А.* Указ. соч. С. 84.
- ²⁴ *Goldsborough J.* Out-of-Control Immigration // Foreign Affairs. N.Y., 2000. Sept./Oct. Vol. 79. № 5. P. 95.

- ²⁵ *Тен В.А.* Указ. соч. С. 90.
- ²⁶ *Goldsborough J.* Op. cit. P. 89.
- ²⁷ Ibid. P. 95.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ *Pivec M.* Update On INS Sanctions Enforcement And Recent Congressional Action // Immigration Law Update. Wash., 1996. Nov. 7. P. 79.
- ³⁰ *Goldsborough J.* Op. cit. P. 98.
- ³¹ *Фролофф О.* Новые законы США для иммигрантов // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 49.
- ³² *Suarez-Orozco M.* Latin American immigration to the U.S. // The U.S. and Latin America: The New Agenda. L., 1999. P. 236.
- ³³ *Goldsborough J.* Op. cit. P. 99.
- ³⁴ U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/

Глава IV

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ САМОСОЗНАНИЯ МЕКСИКАНО-АМЕРИКАНСКОГО МЕНЬШИНСТВА США

4.1. Самая крупная диаспора

Наиболее значительную и активную группу в испаноязычной общине США составляют мексикано-американцы – 66,2%¹, подавляющее большинство которых живет в пяти штатах: Калифорнии, Аризоне, Нью-Мехико, Техасе и Колорадо.

Вся эта территория и ее население, жившее здесь со времен испанского завоевания, до середины XIX в. принадлежала Мексике. В результате аннексии Техаса в 1845 г. и войны между Мексикой и США (1846–1847 гг.), закончившейся победой американцев, северные мексиканские земли отошли к США, а их жители (в соответствии с мирным договором 1848 г.) были объявлены американскими гражданами. Так началась история старейшего испаноязычного меньшинства в составе США – «Mexican Americans», мексикано-американцев, ставших гражданами другой страны в результате военного поражения Мексики. С тех пор мексикано-американское сообщество, основной костяк которого составили потомки «коренных» мексикано-американцев, пополнялось в основном за счет иммигрантов. Их поток, несмотря на различные исторические обстоятельства, практически никогда не прекращался, что наложило своеобразный отпечаток на социально-культурную специфику и историческую судьбу всей мексикано-американской общины.

Мексиканская иммиграция в США отличалась рядом особенностей. Прежде всего, близость «исторической родины», протяженная и плохо охраняемая граница уже в конце XIX в. предоставили широкие возможности для нелегальной иммиграции, что делало мексиканцев, даже тех, кто приехал на законных основаниях, более уязвимыми в социально-политическом и экономическом отношении по сравнению с другими отрядами иммиграции.

По свидетельству исследователя этого вопроса Джоан Мур, никакое другое меньшинство не прибывало в страну в атмосфере такой нелегальности (может быть, за исключением китайской диаспоры) и никакое другое не подвергалось такой массовой и суровой депортации в моменты серьезных экономических и политических кризисов².

Кроме того, мексиканская иммиграция всегда была более молодой, более бедной и менее образованной по сравнению с другими группами (в том числе и латиноамериканского происхождения). Традиционно из самой Мексики уезжала в поисках работы и лучшей жизни наименее благополучная в социально-экономическом плане, маргинальная прослойка населения. Эти люди представляли не только дешевую рабочую силу, они привозили с собой социальные проблемы и ту «культуру бедности», которая, как известно, с трудом поддается трансформации и способна воспроизводиться из поколения в поколение. Неудивительно, что в американском массовом сознании образ «нищего иммигранта», «грязного бездельника», ожидающего благотворительной помощи, ассоциировался в первую очередь с мексиканцем. Именно они становились основным объектом общественного недовольства и жестких рестрикционистских мер. Однако, несмотря на негативное в целом отношение общества и властей, мексиканская диаспора была необходимым для экономики США источником дешевого (в первую очередь сельскохозяйственного) труда.

Первая значительная миграция мексиканцев в пограничные американские штаты связана с периодом конца XIX – начала XX в., когда экономическая политика диктатуры П. Диаса сопровождалась массовым вытеснением крестьянского населения из сельского хозяйства, нарушением привычного уклада жизни и, естественно, безработицей. США в эти годы переживали экономический подъем, и дешевая рабочая сила пользовалась спросом в железнодорожном строительстве, в золотодобывающей отрасли и в сельском хозяйстве юго-западных штатов. По данным, которые приводит в своем исследовании Родольфо Акунья, за период с 1900 по 1910 гг. мексиканское население США, только официально зарегистрированное, увеличилось более чем вдвое (со 103 тыс. до 222 тыс. человек), а согласно неофициальным источникам – в пять раз (до 500 тыс.)³.

С 1910 по 1930 гг. в США ежегодно переселялось от 17 тыс. до 60 тыс. человек, пик иммиграции пришелся на 1920–1923 гг.⁴ По некоторым данным, всего за период с 1900 по 1929 гг. из Мексики в США уехало около 1 млн человек, т.е. примерно 10% всего населения страны⁵.

Одних влекло на Север стремление найти работу и жилье, другие бежали от потрясений Мексиканской революции, от социально-политической и экономической нестабильности. Однако поток иммигрантов в 30-е годы падает: Великая экономическая депрессия, охватившая США, привела к массовым увольнениям мексиканских рабочих, росту социальной напряженности, расово-этническим конфликтам и в конечном счете – к насильственной депортации мексиканцев, многие из которых имели американское гражданство. С 1931 по 1934 гг., по официальным данным, было выслано около 300 тыс. человек. Реально их число оказалось значительно больше – до 500 тыс.⁶ Количество же новых иммигрантов с 1935 по 1939 гг. составило немногим более 8 тыс.⁷ Несмотря на то что американские власти подчеркивали добровольный характер репатриации начала 30-х годов, в истории мексиканской диаспоры этот период стал одним из самых мрачных и впоследствии наложил существенный отпечаток на формирование протестного компонента в культуре и идеологии чиканос (так называли бедных иммигрантов из Мексики).

Другой «черной» страницей явилась кампания начала 50-х годов под названием «Мокрые спины». В этот период американские власти выслали примерно 3,8 млн мексиканских рабочих-нелегалов, занятых на самых тяжелых и низкооплачиваемых видах работ⁸. Эти события стали реакцией на нелегальную массовую иммиграцию мексиканцев конца 1940-х – начала 50-х годов, спровоцированную попустительским отношением местных властей Техаса и Калифорнии, экономика которых нуждалась в притоке дешевой рабочей силы.

Особое место в истории формирования мексиканской диаспоры занимает программа найма сельскохозяйственных рабочих-контрактников – брасерос, начало которой было положено в результате договора, заключенного между США и Мексикой в 1942 г. По этому договору брасерос были гарантированы рабочие права, их не могли забрать в армию или подвергнуть расовой дискриминации. В реальности положение брасерос было абсолютно несправедливым: они приглашались для временной работы и не являлись гражданами США, что делало их одной из самых уязвимых групп мексиканского населения. Тем не менее долгое время договор устраивал и Мексику, и США: только с 1942 по 1947 гг. было ввезено 220 тыс. человек⁹. После 1964 г. в связи с уменьшением роли ручного труда в сельском хозяйстве эта программа была прекращена, но многие брасерос осели в США, пополнив беднейшую прослойку мексиканской диаспоры.

На протяжении XX в. менялись идеология и политика США в отношении мексиканских иммигрантов, менялась ситуация в са-

мой Мексике. Однако поток мексиканцев, превративших мексикано-американское меньшинство США в самое многочисленное среди испаноязычного населения (в настоящее время – более 20 млн человек), неуклонно возрастал и продолжает возрастать, оказывая мощное воздействие на профиль североамериканской цивилизации. За 1986–1996 гг. только легальная иммиграция из Мексики составила около 3 млн человек, а количество нелегальных иммигрантов практически не поддается учету¹⁰.

Очевидно, что процесс формирования мексикано-американского меньшинства предопределил его основные особенности, прежде всего – исключительную гетерогенность, социальную и культурную неоднородность. В составе Mexican Americans есть разные по своему социально-экономическому статусу, политическому поведению, традициям и культурным ориентациям группы. На одном полюсе находятся те, кто принял американское гражданство, добился успеха и устойчивого экономического положения, стал частью американского общества. На другом полюсе – вчерашние иммигранты, малообразованные, маргинальные, носители «культуры бедности» со свойственными ей стереотипами сознания и поведения. Многочислен и разнообразен «промежуточный» слой: иммигранты во втором и третьем поколении, говорящие по-английски и по-испански (в своем кругу), имеющие образование и работу, адаптированные, но нередко страдающие от «кризиса идентификации» и связанного с ним комплекса неполноценности.

Таким образом, различные группы мексикано-американской общины в неодинаковой степени владеют испанским языком, неоднозначно относятся к факту своего этнического происхождения, культурным традициям, исторической родине. Тем не менее и в литературе, и в разговорной речи все они, как правило, фигурируют под общим термином «чиканос». Так во второй половине XIX в. богатые мексиканцы называли представителей низшего сословия среди своей этнической группы, подчеркивая их необразованность и неправильную речь (*chicano* – производное от *mexicano*). В 60–70-е годы, в период общественно-политического подъема, это наименование получает новое толкование и широко используется в повседневной и общественно-политической лексике. Термин становится популярным среди политических активистов самой диаспоры, особенно в кругу студенческой молодежи. Более того, он приобретает специфический оттенок этнической гордости и одновременно социально-политической независимости. Строго говоря, чиканос стали представлять протестную политическую культуру мексиканцев в США, сформированную в период движения за граж-

данские права и ориентированную на мексиканские культурные и социальные ценности в противовес доминирующим англо-американским стандартам. Впоследствии политическая окраска несколько смягчилась, само слово «чиканос» стало более употребительным и широким по смыслу.

Однако в настоящее время этот термин принимают в качестве самоназвания далеко не все представители мексикано-американского меньшинства¹¹. Одни из них – *hispanos* – считают себя потомками испанских конкистадоров, коренными американцами, которые получили гражданство США в середине XIX в. Они давно и успешно освоили американский образ жизни, разделяют основные его ценности, считают своими национальные символы США, говорят по-английски и отвергают любую идентификацию с Мексикой.

Другая группа признает свое мексиканское происхождение, но не хочет быть чиканос. Это иммигранты не в первом поколении, ориентированные на инкорпорацию в американское общество, в основном это представители среднего класса, и в названии «чиканос» они видят унижительную для себя ассоциацию с наиболее бедными, пролетаризированными слоями недавних иммигрантов.

«Чиканос» предпочитает называть себя группа мексиканской диаспоры, неоднородная в социальном плане, но разделяющая мексиканские культурные ценности. Это наследники идеалов бурного политического движения мексикано-американцев 60-х годов за равенство гражданских прав, носители своеобразного мировоззрения, ориентированные на сохранение мексикано-американской самобытности, на развитие активной политической деятельности, направленной на поддержку интересов меньшинства в рамках американской политической системы.

Существенные различия и противоречия внутри мексикано-американского меньшинства, касающиеся происхождения и современного положения отдельных отрядов, затрудняют его анализ как целостной социальной группы. Тем не менее значительные исторические события, пережитые мексикано-американцами во второй половине XX в., культурно-политический подъем 60–70-х годов и борьба за равенство гражданских прав для всех испаноязычных американцев позволяют говорить об эволюции самосознания этого меньшинства, обладающего, несмотря на гетерогенность, цивилизационным единством и общей судьбой на земле Соединенных Штатов Америки.

4.2. Англо-американские стереотипы

Самосознание мексикано-американцев развивалось в непрекращающемся взаимодействии и споре с утвердившимися стереотипами: с одной стороны – англо-американскими, с другой – мексиканскими. И те и другие несли свою информацию и оказались достаточно прочными. И те и другие были тесно связаны с политической конъюнктурой, социально-экономической спецификой, дипломатическими отношениями между обеими странами, внутривластными проблемами. Мексикано-американцы долгое время находились в положении вечных иностранцев. До 70-х годов XX в. отношение к ним и в США, и в Мексике было достаточно противоречивым.

Традиция англо-американского восприятия мексиканцев, живущих в США, сформировалась еще во второй половине XIX в., и связана она прежде всего с историей завоевания мексиканских земель в 1846–1848 гг. и последующего сопротивления мексиканцев¹². Далеко не все население территорий, отошедших по договору Гвадалупе-Идальго к США, было настроено лояльно по отношению к новым властям. Партизанские вооруженные отряды много лет наводили ужас на жителей пограничных территорий. Их предводители (Хоакин Мурьета, Чено Кортина и др.), романтизированные мексиканской народной традицией, в сознании англо-американцев, поселившихся в Техасе и Калифорнии, превратились в символы жестокости, дикости, необузданных страстей, военной ловкости и коварства. Образ мексикано-американца, сформированный на основе этих представлений, стал олицетворением опасности, всего чужого, неизвестного, несущего постоянную угрозу со стороны непредсказуемой границы (фронттира), и в этом качестве даже вытеснил традиционный образ индейца, «выходящего на тропу войны». Популярное в США представление о мексиканцах, проживающих на территории североамериканской «родины», в значительной степени распространялось и на отношение ко всем «латинос» вообще. Вот почему чрезвычайно важно раскрыть характер англосаксонского взгляда на коренных латиноамериканцев и вновь прибывающие группы иммигрантов.

Яркий образ мексиканца, увиденный глазами новых поселенцев Техаса, описан в американской литературе, в частности в знаменитом (и хорошо знакомом российскому читателю) романе Майн Рида «Всадник без головы». Мексиканского бандита Мигеля Диаса «можно было бы назвать красивым, если бы не холодный, тяжелый взгляд и не угрюмое выражение лица,

выдававшее грубость и жестокость его натуры. Даже улыбка... не могла сгладить этого впечатления – в ней было что-то сатанинское. Не за наружность назвали его товарищи именем животного, хорошо известного на равнине Техаса. Он получил незавидное прозвище – Эль-Койота – Волка Прерий – за свой характер и поведение»¹³.

В книге «The Chicanos: Mexican-American voices» приводится характерная цитата из рассказа, напечатанного в популярном американском журнале 1913 г. Героиня спрашивает о незнакомце:

« – Как он выглядит?

– Это довольно трудно описать... Дело в том, что он... Он – Мексиканец.

– Мексиканец! – воскликнули все одновременно.

Через несколько минут показался сам Мексиканец... огромное сомбреро закрывало лицо, так что узнать его было совершенно невозможно»¹⁴.

Однако образ «мексиканского бандита» был не единственным стереотипом, укоренившимся в массовом сознании. Другой крайностью стало представление о ленивом, тупом, грубом, невежественном и совершенно не способном к обучению типе человека, который как бы самой природой создан для тяжелого и неблагодарного сельскохозяйственного труда, для грязной и низкооплачиваемой работы. В основу этого клише легла реальная ситуация, сложившаяся в среде мексиканских рабочих-иммигрантов конца XIX – начала XX в.

Задавленные непосильным трудом и беспорядком мексиканцы, работавшие в сельском хозяйстве и на железнодорожном строительстве юго-западных штатов, действительно были далеки от культурных норм и уровня цивилизованного американского общества. Кроме того, само общество в те годы не спешило приоткрыть свои границы для выходцев из мексиканской иммигрантской среды, которые жили в мексиканских кварталах, говорили по-испански, были заняты «низкой» работой. Их дети рано бросали учебу и начинали работать, воспроизводя ту самую «культуру бедности», которая с трудом поддается трансформации.

Так сложился миф о низких адаптационных возможностях, ригидности, консерватизме всех мексиканцев, живущих в США, их неспособности не только получить образование и повысить свой социальный статус, но даже научиться правильно говорить по-английски. Кроме того, в 1920-е годы влиятельные круги в США начинают сомневаться в дальнейших успехах ассимиляционистской политики и возможности интегрировать в американ-

скую нацию такие чуждые в культурном плане группы, как китайская и мексиканская, что немедленно сказывалось на отношении к мексиканским иммигрантам.

Примером крайнего проявления дискриминационной точки зрения может служить характерная цитата из отчета о положении в пограничных штатах, подготовленного для Конгресса США в начале 1920-х годов. Автор отчета писал: «Их (мексиканцев) мозги не могут подняться выше уровня животных функций – есть, спать и дебоширить... Эти люди спят целый день, а ночью бродят, словно койоты, воруя все, что попадает им в руки... И тем не менее находятся американцы, призывающие к большему приходу из Мексики этих свиней в человеческом обличье»¹⁵.

Постепенно в американском общественном сознании образ «чужого», составленный из двух крайностей – жестокого бандита и грязного бедняка, – прочно закрепляется за мексикано-американцами, без учета различий в их происхождении и уровне достигнутых успехов. Границы этого образа были достаточно размыты, менялись в зависимости от исторической ситуации и общественных настроений. Однако неизменным оставалось стремление наделить всех мексиканцев, равно как и другие группы латиноамериканской диаспоры, живших в США, теми качествами, которые третировались американской идеологией как не соответствующие образу жизни и стандартам современности.

К числу этих качеств относились: традиционализм, опора на свою семью, католическую религию, культуру, привычка к тяжелому неблагодарному труду, недоверие к техническим новшествам, психологическое прятие бедности, безденежья, отсталости, более размеренный темп жизни и многое др. Все это было частью общего стереотипа, во многом сохранившегося и по сей день.

Поскольку разнообразие мексикано-американской общины давало массу примеров, иллюстрирующих самые крайние типы поведения, поколебать утвердившиеся взгляды было очень сложно: всегда находились группы, чей образ жизни, психология, внешний вид традиционно вызывали негативную реакцию или насмешки, доказывая «правильность» сложившихся убеждений. Не случайно в периоды серьезных экономических кризисов именно мексиканцы и пуэрториканцы оказывались основной мишенью общественного недовольства и соответственно основными жертвами дискриминационной политики. В меньшей степени это относилось к кубинской диаспоре.

Кроме того, особую роль в формировании негативного образа мексиканца сыграли противоречивые, полные драматизма, неровные отношения двух соседей – Мексики и США. Их диапа-

зон – от враждебности до экономического и политического партнерства. В данном случае важно подчеркнуть, что мексикано-американская война 1846–1847 гг., массовая мексиканская иммиграция конца XIX – начала XX в., Мексиканская революция и период послереволюционного оформления – все это были события, которые самым серьезным образом отражались на политике США, формировали общественное мнение в отношении мексиканцев. В силу объективных и субъективных причин это мнение не могло быть позитивным. Мексикано-американцам пришлось пережить две депортации, участие во Второй мировой войне, социально-политический и культурный подъем 60–70-х годов для того, чтобы заслужить свое право быть полноценной частью мультикультурной североамериканской цивилизации.

4.3. Политика Мексики в отношении диаспоры

Говоря о непростой судьбе мексикано-американцев в США, логично было бы предположить, что на исторической родине, в Мексике, их проблемы и трудности встречают понимание, особенно если учесть, что начало формированию мексикано-американского меньшинства было положено войной, проигранной Мексикой. Да и мексиканская иммиграция была в значительной степени вынужденной, обусловленной постоянным фактором экономической и политической нестабильности в своей стране.

Однако политика Мексики в отношении мексикано-американцев до 1970-х годов XX в. может быть охарактеризована как противоречивая и непостоянная, отвечающая краткосрочным экономическим интересам и сиюминутным политическим пристрастиям. Образ мексикано-американца в мексиканском общественном сознании оказался очень тесно связан и с этой политикой, и с уровнем антиамериканских настроений, и с общим состоянием дел в стране. Это было характерно и для Кубы.

На протяжении второй половины XIX в. и до 1920-х годов отношение к мексиканцам, живущим в США, еще не определилось. Практически открытая граница позволяла мексиканцам работать в Техасе и Калифорнии и периодически возвращаться домой. Те, кто оставался в США, сохраняли прочные культурные и родственные связи со своими соотечественниками по другую сторону Рио-Гранде. В этот период Мексика еще не делает строгих различий между коренными мексикано-американцами, иммигрантами, получившими гражданство, и временными рабочими по контракту. В 1920-е годы, когда экономическая и политическая ситуация в Мексике начинает стабилизироваться, даже приветствуется возвращение мексиканцев, до этого живших в США:

их принимают как «носителей модернизации», приобщившихся к современной культуре и способных помочь в реформировании страны, составить ядро мексиканского среднего класса. Создается Департамент по репатриации, организуются специальные фонды для предоставления транспорта и средств репатриантам. Однако в этот период поток мексиканцев, стремящихся вернуться домой, был невелик¹⁶.

Ситуация коренным образом изменилась с началом Великой депрессии. В 1930 г. президент США Г. Гувер объявляет мексиканцев виновниками безработицы, отнимающими рабочие места у «настоящих» американцев, что становится сигналом к началу массовой депортации мексиканского населения юго-западных штатов (в том числе и американских граждан). Репатриация 1931–1934 гг. в Мексике приняла характер национального бедствия. Несмотря на то что мексиканское правительство организовало комитеты помощи репатриантам и предоставляло земли для колонизации, экономика страны была не в состоянии интегрировать 500 тыс. (по данным Р. Акуны) новых граждан, нуждающихся в работе и жилье. Дипломатические усилия мексиканской стороны ограничивались беседами с американским послом и в конечном счете не привели к улучшению ситуации. Возвращение соотечественников, пополнявших армию безработных, было невыгодно правительству, однако оно предпочло не обострять отношения с США.

Противоречивая позиция Мексики в годы депортации стала одной из причин долгого и прочного недоверия мексикано-американцев к мексиканскому государству, которое в их сознании стало отделяться от понятия «исторической родины»¹⁷. Тем не менее в период этих драматических событий почти все мексиканцы, находившиеся в США, независимо от происхождения и социального статуса, еще воспринимались мексиканским общественным мнением как «свои».

Однако в конце 1930-х и в 40-е годы ситуация меняется. В годы президентства Ласаро Карденаса (1934–1940) Мексика переживает период серьезных социально-политических реформ, оформляется новое национальное самосознание, основанное на патриотизме, чувстве принадлежности к Мексике, идеях социального прогресса и культурного единства¹⁸. Возникает естественное различие между мексиканцем, добровольно ставшим гражданином США, и рабочим-контрактником, сохранившим мексиканское гражданство и возможность в любой момент вернуться назад. Политика убеждения в преимуществах репатриации для тех, кто недавно покинул Мексику и готов участвовать в возрождении страны – «Мексика для всех мексиканцев»¹⁹ – сочетается с

новым, жестким отношением к собственно мексикано-американцам, не прошедшим испытаний Мексиканской революции и поэтому как бы лишенным собственной истории и культуры. Драматическая история Техаса и Калифорнии, со своими героями и предателями, губернаторами и праздниками, перестает быть частью современной истории Мексики, а ее мексиканское население начинает рассматриваться многими как неполноценное, потерявшее свою национальную идентичность.

Одним из тех, кто немного позднее наиболее убедительно выразил этот новый феномен в мексиканском мировоззрении, был выдающийся поэт и философ Октавио Пас.

В середине 40-х годов О. Пас провел два года в Лос-Анжелесе, одном из самых «мексиканизированных» городов США. Размышления о жизни и судьбе мексиканцев в США воплотились в отдельную главу знаменитой книги «Лабиринт одиночества». Мексикано-американцы в философском эссе Паса вызывают у автора сложные чувства: сочувствия и в то же время презрения. «Они живут здесь уже много лет, носят местную одежду, говорят на здешнем языке, но никто и никогда не спутает их со стопроцентными американцами. Не думаю, что дело, как принято считать, просто в физических особенностях. Скорей их отличает какой-то взбудораженный и опасливый вид людей, переодетых в чужое и боящихся постороннего взгляда, который может их вдруг раздеть, пустить нагишом»²⁰.

Самым выразительным проявлением глубокого культурного конфликта О. Пас считает существование так называемых *rachucos* (дохляков). Такое прозвище давали шайкам молодежи мексиканского происхождения, которые своим видом и поведением, «гротескным щегольством и наплевательскими манерами»²¹ эпатировали американскую публику в надежде самоутвердиться, отстоять свою непохожесть. Для Паса все мексикано-американцы – в какой-то степени *rachucos*. «Неспособные усвоить окружающую цивилизацию, которая, со своей стороны, их попросту выталкивает, дохляки не придумали иного способа противостоять всеобщей враждебности, чем обостренное самоутверждение»²².

Основная черта этого типа – маргинальность, исключенность из жизни, отверженность. «Дохляк потерял все: язык, религию, обычаи, верования. Вот он стоит под открытым небом – тело и беззащитная под чужим взглядом душа... Потайными, опасными тропами пробирается дохляк в американское общество. И сам преграждает себе дорогу. Порвав с традиционной культурой, он утверждает теперь как сама отверженность и угроза. Отрицает и свое прежнее общество, и чужое – американское»²³. Для Паса такие мексикано-американцы лишены культурного са-

мосознания и цивилизационной идентичности, они потеряли свои мексиканские корни, но не приобрели ничего взамен, оставшись чужими в англо-американской среде.

Философское эссе Паса заложило глубокую культурную основу восприятия мексикано-американцев с точки зрения «настоящих» мексиканцев. Убедительность авторского взгляда на проблему подкреплялась яркостью слога, поэтической образностью, талантом. Для мексиканского национального самосознания это был тот необходимый акцент, без которого невозможно понять свое собственное «я». Территориальная граница, разделившая мексиканцев по обе стороны реки Рио-Гранде, стала культурной реальностью.

В 40-е годы в мексиканском обществе становится популярным пренебрежительное название «*rocho*», относившееся к мексиканцам, родившимся или воспитанным «там» – в США. Впоследствии *rochos* стали называть всех американцев мексиканского происхождения и иммигрантов, получивших гражданство, «которые продали свой язык и культуру за иллюзорные обольщения американской жизни»²⁴. В течение многих лет название *rocho* в Мексике было синонимом предательства и одновременно культурной и психологической неполноценности, ущербности. «*Rocho* живет на культурной и расовой границе, совершенно незащищенный и презираемый каждой стороной: слишком мексиканец для англо-американцев, и слишком «гринго» для мексиканцев...»²⁵. Впоследствии этот стереотип распространился и на население северных пограничных районов Мексики, которое, с точки зрения жителей центра и столицы, было слишком «американизировано».

Негативное отношение практически ко всем мексиканцам, живущим в США, без различия конкретных особенностей их происхождения, занятий и реальной жизни в этой стране (как правило, далеко не идиллической), проявлялось и в отношении к отдельным людям. Так, Родольфо О. де ла Гарса, мексикано-американец, историк, исследователь социально-политических проблем диаспоры, вспоминал о том, как в 1971 г. один из высокопоставленных мексиканских чиновников отказался дать ему интервью, сославшись на то, что «я был предателем Мексики и вообще... не являюсь настоящим мексиканцем»²⁶. Стоит упомянуть, что к тому моменту Р. О. де ла Гарса был очень известен в научных кругах и США, и Мексики. Этот пример не единичный: многие чиканос писали о случаях унижительных выговоров на мексиканской границе, при въезде в страну, о пренебрежительных эпитетах и отзывах мексиканских журналистов, публицистов и чиновников²⁷.

Массовые общественные настроения соответствовали государственной политике: до 70-х годов Мексика проявляла по отношению к своей диаспоре в США либо равнодушие, либо враждебность, практически не используя те политические возможности, которые могли представиться при умелом манипулировании мексикано-американской элитой в США.

В ходе «мексикано-американского возрождения» позиция мексиканских политических кругов и общества меняется. Однако связан этот процесс не с неожиданным прозрением, а с эволюцией самой мексикано-американской общины, превратившейся в значимый компонент американского общества и серьезную политическую силу, способную эффективно отстаивать интересы всех мексиканцев, живущих в США.

4.4. Социально-политический протест чиканос

Положение мексиканцев в США никогда не было стабильным. Экономические трудности, социальная дезадаптация, психологический дискомфорт создали особую, «проблемную» специфику этого меньшинства. Оказавшись, в сущности, заложниками противоречивых отношений Мексики и США, мексикано-американцы – и те, кто остался после 1848 г. на завоеванных территориях, и те, кто приехал позднее и добровольно принял американское гражданство, – в полной мере ощутили превратности «пограничной идентичности» и низкого социального статуса. Отвергнутые англо-американским обществом, сформировавшим стереотипы «грязного мексиканца» и «неуправляемого бандита», мексикано-американцы были вынуждены искать опору в своей собственной цивилизационной специфике. Главным условием выживания в ситуации враждебности становился традиционализм, опора на свою семью, религию, культуру, верность «корням», закрытость по отношению к новым влияниям. Как напишет впоследствии известный американский писатель мексиканского происхождения Ричард Родригес в своей книге «Голод памяти», «подобно всем, кто познал боль общественного отчуждения, мы превратили наше знание об этой отдаленности в утешение – в напоминание о взаимной близости»²⁸.

Таким образом, те качества и особенности поведения, которые воспринимались англо-американцами как «отсталые», имели глубокие социальные основания, были средством защиты в чужом обществе. Однако эти же качества долгое время препятствовали формированию и развитию собственной идеологии и

самосознания мексикано-американцев, превращали их, по выражению исследователя М. Сервина, в «спящее меньшинство»²⁹.

Односторонняя ориентация на Мексику и ее культурные ценности в условиях жизни в США также оказывалась бесперспективной. Чувствуя себя уязвленными негативным отношением мексиканского общества, многие мексикано-американцы в то же время стыдились своей исторической родины с ее растущим неблагополучием и зависимостью от США, экономическими и политическими проблемами. Осознав все трудности интеграции в американское общество, многие иммигранты предпочитали принимать американское гражданство, скрывая в дальнейшем свое происхождение и порывая прежние родственные и дружеские связи.

Этот шаг требовал определенных качеств характера: новоиспеченные граждане США оказывались на положении изгоев уже в мексиканской иммигрантской среде, которая раньше служила поддержкой и опорой. Ричард Родригес так вспоминает о своем отце, решившем принять американское гражданство: «Он никому ничего не сказал, ни одному из своих друзей, из тех, с кем он приехал в эту страну в поисках работы. Американское гражданство могло показаться предательством Мексики, грехом против своей памяти. В один из дней, как человек, которому есть, что скрывать, мой отец выскользнул из дома...»³⁰.

Самосознание людей, ставших иностранцами для бывших соотечественников, но не вошедших в новое общество в качестве полноправных граждан, не могло развиваться гармонично, естественно. Глубокий внутренний конфликт, имевший социально-психологические и культурные основания, стал уделом наиболее талантливых, образованных и, казалось бы, удачливых представителей мексиканской диаспоры.

Р.О. де ла Гарса приводит слова одного чикано, которые могут служить иллюстрацией той драмы, которую в определенной степени переживал каждый «средний» мексикано-американец. «Так случилось, что я – американец, имеющий испанскую фамилию и мексиканское происхождение... Подобный тип находится в состоянии конфликта... Кто он? Мексиканец? Американец? И то, и другое? Как может он выбирать? Должен ли он гордиться своим наследием, или просто терпеть его как свой позор и печаль?»³¹.

Глубокая неудовлетворенность сложившимся положением, ощущение своей двойственности, «пограничности», «разорванности», чувство потерянности, отсутствие жизненных перспектив в условиях неравенства и дискриминации существенно повлияли на формирование самосознания всех латиноамериканцев, которое стало во многом развиваться как протестное. Характерно, что

огромную роль в эволюции этого самосознания, в борьбе с дискриминационной политикой, общественным пренебрежением, негативными стереотипами и, что особенно важно, в борьбе с собственным «комплексом неполноценности» сыграл именно социально-политический протест. Причем во многом стихийный и спорадический.

Тем не менее до начала 60-х годов мексикано-американцы представляли собой одно из самых разобщенных этнических меньшинств США. Даже депортации (в 1931 и в 1954 гг.) не вызвали организованного движения недовольства; более того, часть мексикано-американской общины (в том числе и профсоюзные активисты) поддержала депортацию, так как видела в иммигрантах и нелегальных рабочих в первую очередь конкурентов.

В мексикано-американской среде существовали общественно-политические организации, созданные в 20-е годы XX в., однако они отражали интересы преимущественно высшей прослойки среднего класса, тех, кто уже достиг определенного успеха и ставил своей целью добиться максимальной инкорпорации в американское общество, полностью принимая его условия.

Самой влиятельной из этих организаций была основанная в 1929 г. в Техасе Лига Объединенных Латиноамериканских граждан (LULAC), в которую принимались только американские граждане мексиканского и испанского происхождения. Отвергая «агрессивную этническую политику», Лига видела свою задачу в дальнейшем «развитии среди членов объединения лучшего, чистейшего и наиболее совершенного типа истинного и лояльного гражданина США»³². Основными принципами ее деятельности были конформизм, признание национальных символов США и стремление отмежеваться от беднейших слоев латиноамериканского населения, недавних иммигрантов, сельскохозяйственных рабочих и т.д.

На общем фоне пассивности и конформизма выделялся период 40-х годов, отмеченный массовым участием мексикано-американцев во Второй мировой войне в качестве добровольцев американской армии. Сам факт участия в войне никак не повлиял на политику США в отношении испаноязычного населения, которое по-прежнему оставалось бесправным, однако оказал серьезное влияние на самосознание самих чиканос. Впервые за много лет существования в границах США они почувствовали свою включенность в историю и общественную жизнь страны. «Чиканос вернулись после Второй мировой войны... Они надели свою форму и награды и сказали: “Мы служили; вы не можете теперь назвать нас “мокрые спины”, вы не можете указывать нам, куда идти”»³³.

Это был первый шаг к формированию положительного образа мексикано-американцев в их собственных глазах. Политика «приспособления», основанная на лояльности сложившейся системе, с этого момента начинает стремительно устаревать. Кроме того, в среде мексикано-американского меньшинства происходят серьезные социальные изменения, связанные с ростом достаточно благополучных и образованных городских слоев. Эти процессы сопровождаются постепенным осознанием социально-политического и культурного неравенства всех испаноязычных в американском обществе. Появляется новый тип организаций, которые стремятся мобилизовать политическую активность широких слоев мексикано-американского населения против откровенных и наиболее жестких форм дискриминации (в школах, при приеме на работу, в суде, в полиции и т.д.), избегая при этом неконвенциональных форм политического поведения.

Самой влиятельной была созданная в Калифорнии в конце 40-х годов Организация общественной службы (Community Service Organization – CSO). Эта организация выступала за решение конкретных социально-экономических и политических проблем, в частности за равноправие в общественно-политической жизни, за реальную возможность участвовать в выборах и т.д.

Создается и ряд организаций более радикального, протестного характера (в Техасе и Калифорнии), однако их влияние носит ограниченный характер.

Кроме того, с 1958 г. в Техасе и Калифорнии действуют группы давления PASSO (Политическая ассоциация испаноязычных организаций) и MAPA (Мексикано-американская политическая ассоциация), чья цель – добиться доступа в политику для поднимающегося высшего класса мексикано-американской общины, без каких-либо попыток завоевать равенство гражданских прав для всех испаноязычных³⁴.

Эти организации ставили ограниченные, специфические цели, не выступая от лица всего сообщества, и в основном выражали интересы верхушки мексикано-американского среднего класса. Крайности конформизма и традиционализма, ориентация на существующую политическую систему, а также социальная неоднородность этого меньшинства мешали становлению собственной идеологии, формированию независимой и адекватной реальным условиям политической позиции.

«Этническое возрождение» 60-х годов оказало глубокое, многостороннее влияние на мексикано-американское сообщество. Активно поддержав политическое движение афро-американцев за равенство гражданских прав, мексикано-американцы выступили от лица всех испаноязычных жителей США против лю-

рых форм дискриминации, этнической, культурной и социальной неполноценности, превратившись из «спящего» в «просыпающееся» меньшинство³⁵.

Социально-политическая активность мексикано-американцев, наивысший подъем которой пришелся на 60–70-е годы, имела серьезные идеологические и социально-психологические основания. В этот период в Калифорнии и Техасе формируется протестное движение чиканос, костяк которого первоначально составила молодежь, студенчество, образованные слои городского населения. Впоследствии к нему присоединились и более широкие группы сельскохозяйственных и городских рабочих, недавние иммигранты, средние слои сообщества, недовольные культурной дискриминацией. Стержнем движения, объединившим представителей самых различных слоев, стала идеология чиканизма – своеобразный сплав радикалистских идей и ценностей традиционной мексиканской культуры.

Отвергая господствующие принципы североамериканского общества («разрушающую власть доллара»), лидеры движения, среди которых было немало ярких и талантливых личностей (Родольфо Гонсалес, Сесар Чавес, Рейес Лопес Тихерина), подчеркивали необходимость культурного и социально-политического самоопределения чиканос, основанного на собственных исторических традициях и высоких моральных ценностях «жизни, семьи и дома»³⁶.

Характерно, что этот путь понимался идеологами чиканизма как неотъемлемая часть более широкого процесса самопознания, поиска себя и своего места в мире, осознания своей культурно-исторической неповторимости, уникальности. По их мнению, мексикано-американцы в США много десятилетий были обречены на деградацию: они жили, как завоеванный народ, лишенный своей истории и культуры, стыдились своего прошлого, предпочитали называться «Latino» или «Spanish», скрывая мексиканское происхождение, практически не могли учиться и свободно говорить на испанском языке.

Идеология чиканизма, сформированная под влиянием целого комплекса идей (в том числе Мексиканской революции, реформ Л. Карденаса 30-х годов и «афро-американского ренессанса»), стремилась построить концепцию своей истории и культуры, опираясь не на классовые, территориальные или гендерные перегородки, а исходя из общего для всех опыта трудной, подчас трагической жизни в США. Лейтмотивом этой идеологии стала тема освобождения и этнического единства. Вместо многолетней политики конформизма обосновывалась необходимость политического протеста; вместо культурной адаптации и приспособле-

ния – культурная независимость; вместо пренебрежительного «почо» – «народ», у которого есть прошлое, настоящее и будущее. Именно в этот период постепенно распространилось ощущение принадлежности к особой «расе», объединенной культурными традициями, религией, языком, «бронзовым» цветом кожи, а также общей исторической судьбой на земле Северной Америки. Луис Вальдес, основатель и директор мексикано-американского Крестьянского театра (El Teatro Campesino), популяризовавшего борьбу чиканос, писал:

«Раса... это сам мексиканский народ. Сентиментальные и циничные, яростные и покорные, преданные и вероломные, независимые или согнанные в стадо, влюбленные в жизнь или преследуемые смертью, – в этом понятии отразилась вся сложность нашей истории»³⁷.

Помимо названий «раса», «народ», стало популярным (особенно среди молодежи) и приобрело новый смысл ранее пренебрежительное наименование «чиканос», которое обычно относилось к представителям беднейшей прослойки в мексикано-американской этнической группе. В 60–70-е годы быть чикано – значило проявлять политическую активность, стремиться к освобождению от навязанных стереотипов, от норм и ценностей чужой культуры, от собственного комплекса неполноценности, а также участвовать в протестном движении и разделять его принципы, важнейшим из которых стало стремление к свободе, «одержимость самоопределением».

В политике главным шагом на этом пути самоопределения было создание собственных общественно-политических и профсоюзных организаций, отстаивающих интересы мексикано-американцев как особой этнической диаспоры.

Собственно протестное движение чиканос началось со студенческих волнений в Калифорнии и Техасе и бурной деятельности молодежных студенческих организаций, которые выступили против дискриминации в системе образования, за улучшение качества обучения, создание новых программ по истории пограничных штатов, а также за право использовать испанский язык в школах, колледжах и университетах и возможность учиться у преподавателей-чиканос. Студенческий протест наложил серьезный отпечаток на весь характер чиканистского движения, добавив к его идеологии черты молодежной субкультуры с ее нетерпимостью, обостренным чувством независимости и культом свободы. Однако студенческие волнения были не единственным проявлением восстания чиканос. Огромную роль играли также профсоюзные и культурно-просветительские организации, с помощью которых постепенно внедрялось в массовое обществен-

ное сознание и в политическую сферу представление о гражданских правах всего испаноязычного населения. Как заметил Рейес Лопес Тихерина, один из лидеров мексикано-американцев, «существуют тысячи путей, чтобы добиться справедливости. Так, сверчок в сказке победил льва, царя зверей, забравшись к нему в уху и щекоча его. Мы должны сделать то же самое»³⁸.

Наиболее успешной профсоюзной организацией этого периода был профсоюз сельскохозяйственных рабочих (United Farm Workers Union), сформированный в 1962 г. в Калифорнии. Его руководителем стал Сесар Чавес, один из самых ярких представителей мексикано-американского движения. Выходец из среды сельскохозяйственных рабочих, он хорошо знал их жизнь и стремился создать эффективную правовую организацию вопреки массовой безынициативности, отсталости и невежеству. Подчиняясь основной идее Чавеса – принципу мирных, ненасильственных действий, – профсоюз избрал главным методом своей борьбы стачку, марш и бойкот. На протяжении 60–70-х годов ему удалось добиться защиты прав сельскохозяйственных рабочих, занятых в ряде крупных компаний Калифорнии: к 1978 г. было подписано около 100 контрактов, охватывающих 30 тыс. человек (10% всех занятых в сельском хозяйстве штата). Значение этих результатов трудно переоценить, особенно если принять во внимание традиционное бесправие наемных иностранных рабочих в сельском хозяйстве юго-запада США³⁹.

Своеобразную организацию представлял собой Союз Свободного Народа (Alianza Federal de Pueblos Libres), сформированный в северных районах штата Нью-Мехико и возглавляемый Рейесом Лопесом Тихериной, лидером харизматического склада, завоевавшим невероятную популярность среди беднейших слоев населения. Целью Союза было стремление добиться возвращения мексикано-американцам общинных, не подлежащих отчуждению земель, отобранных правительством США после 1848 г. (вопреки договору Guadalupe Hidalgo). Многочисленные выступления, в том числе и вооруженные, и марши на столицу штата Нью-Мехико были основным методом непримиримой борьбы, за которую выступал Р.Л. Тихерина. Эффективных результатов эти действия не принесли, однако Союз и его лидер приобрели известность далеко за пределами штата⁴⁰.

В 1966 г. в Денвере (штат Колорадо) другой видный представитель чиканистского движения, Родольфо Гонсалес («Корки»), организовал «Крестовый поход за справедливость» («Crusade for Justice») – общественно-культурный, просветительский центр, предложивший реальную программу борьбы за равенство социально-политических и культурных прав мексикано-американцев.

Активно выступая против дискриминации испаноязычных детей в школах, центр разрабатывал свои культурные и образовательные программы, курсы, учебные пособия, создавал социальные службы, наладил издание собственной газеты, оказывал помощь в строительстве жилья. Р. Гонсалес, талантливый поэт и политик, развивал свою собственную патриотическую философию мексикано-американской истории и культуры, которую стремился претворить в повседневную жизнь, формируя самосознание, активность и грамотность всех чиканос⁴¹.

Характерно, что Р. Гонсалес, отстаивая культурную автономию мексикано-американцев, одновременно призывал к американизации их политического сознания и поведения, к освоению принципов и правил американской политической жизни⁴². Этот процесс должен был покончить с ущемленным положением мексикано-американского населения в политической системе США, способствовать артикуляции их собственных интересов и целей. Деятельность по созданию собственной партии чиканос стала основным содержанием следующего этапа политической борьбы на рубеже 60–70-х годов.

Многие лидеры движения чиканос подчеркивали неадекватность сложившейся двухпартийной системы США острейшим проблемам испаноязычного меньшинства, говорили о лицемерной политике республиканской и демократической партий в отношении этнических групп, называя эти партии «монстром с двумя головами, которые едят из одной кормушки»⁴³. По мнению Р. Гонсалеса, господствующие властные структуры жестко контролируют мексикано-американцев, «вытягивая» из их среды потенциальных лидеров, вовлекают пассивную, малограмотную массу в ареал действия двух ведущих партий, ни одна из которых не отражает их подлинные интересы, а также провоцируют конфликты внутри меньшинства, что только укрепляет в общественном сознании негативный образ и убеждает самих мексикано-американцев в их полной неспособности к эффективной политической деятельности.

Единственным выходом в тот момент представлялось создание третьей партии, способной под руководством своего лидера бороться за улучшение бедственного положения диаспоры. В 1970 г. в небольшом городе Кристал Сити (в Техасе) возникает «Партия объединенного народа» (La Raza Unida Party), лидером которой был избран Хосе Анхель Гутьеррес, активист молодежного движения⁴⁴. Вскоре влияние RUP распространилось и на другие юго-западные штаты, в которых мексикано-американцы составляли большинство населения. Первоначально основная задача состояла в том, чтобы добиться избрания мексикано-амери-

канцев в местные органы власти в небольших городах Техаса, Калифорнии, Нью-Мехико, Колорадо, а затем выйти и на региональный уровень.

Активистам RUP предстояло решать насущные проблемы чиканос, связанные в первую очередь с образованием и здравоохранением (обучение детей на испанском и английском языках, изучение индейско-испанского и мексиканского влияния на развитие Юго-Запада США, создание собственных учебников и программ по истории, политике и культуре, а также организация сети медицинских учреждений для наиболее бедного населения). Кроме того, деятельность RUP энергично поддерживали активистки женского движения: на конференции «Женщины за Расу» («Mujeres por la Raza») в 1971 г. (Хьюстон, Техас) основной целью участниц было привлечение внимания к неблагоприятному положению мексикано-американок, их бедности, безработице, тяжелым условиям жизни, проблемам здоровья и рождаемости⁴⁵.

В целом деятельность RUP в 70-е годы была довольно успешной: представители партии активно участвовали в местных выборах в Техасе, Колорадо, Нью-Мехико, Лос-Анжелесе, Чикаго и в других городах и штатах, занимали посты в муниципальных органах власти, нередко удачно соперничая с представителями демократической партии. Однако влиятельной политической партией RUP так и не стала. Главной содержанием ее деятельности было не столько достижение конкретных политических результатов, сколько привлечение общественного внимания к проблемам мексикано-американского меньшинства. Когда эта цель была достигнута, деятельность RUP и само протестное движение чиканос пошли на спад, теряя свою популярность и подъем.

Стало очевидно, что, несмотря на успехи и высокую политическую активность участников, это движение было достаточно-кратковременным явлением в общественной жизни страны. Оно не смогло перерасти в серьезную политическую силу, способную представлять интересы всех мексикано-американцев. Слишком велики были социальные и культурные различия внутри самого меньшинства, продолжавшего оставаться разрозненным. Отрицательную роль сыграли также противоречия и конфликты между отдельными группами движения и особенно между политическими лидерами чиканос, каждый из которых был достаточно неординарен и не хотел поступиться своим авторитетом и амбициями.

Кроме того, сыграла свою роль и исключительная способность американской политической системы быстро и эффективно адаптироваться к меняющимся политическим условиям,

к новым требованиям жизни, идти на изменения в законодательстве и идеологии, жертвовать устаревшими принципами, учитывать давление диаспор, чтобы избежать крайностей радикализма и сохранить равновесие в новой реальности. Эта система быстро приспособилась к давно назревшим переменам: демократическая партия стала энергично работать с испаноязычным электоратом, в том числе и с мексикано-американцами, неизменно усиливая свою активность и поддержку в предвыборный период. Был принят ряд важных законов: против дискриминации (1964 г.), об избирательных правах (1965 и 1975 гг.), об изучении этнической истории и культурного наследия (1972 г.), об испанском языке и двуязычном образовании (1968 и 1974 гг.), – которые определили статус латиноамериканского меньшинства, обеспечили его политические, социальные и культурные права.

Таким образом, успехи движения за равноправие свидетельствовали о ходе весьма противоречивого, но неизбежного процесса: социально-политической инкорпорации мексикано-американцев в «доминирующее» американское общество. Мощное протестное движение 60–70-х годов начиналось под лозунгами независимой культуры и самостоятельной политики (включая и создание собственных политических организаций), закончилось же включением значительной части испаноязычных американцев в сложившуюся политическую систему, приобщением к американским стандартам и нормам политической жизни.

Борьба за культурное своеобразие, традиции, язык сыграли роль защитного механизма, облегчающего вчерашним иммигрантам тяжелый и болезненный процесс адаптации. Бунт, левизна, отстаивание своей культурной идентичности стали необходимыми элементами этого процесса, поиском своего места в более богатом и инокультурном обществе. Как только обе задачи были решены, протестное движение стало падать, влиятельные политические и профсоюзные организации, внесшие большой вклад в «этническое освобождение», с конца 70-х годов вошли в полосу серьезного кризиса, постепенно скатываясь на обочину политической жизни. Закончился целый этап, обогативший политическую культуру мексикано-американцев практикой политического протеста, яркой политической риторикой, опытом серьезных успехов, своей идеологией и принципами, которые постепенно приобретали значение для всего общества.

4.5. На перекрестке культурных миров

Важнейшим следствием чиканистского движения явилось пробуждение собственной незаурядной культуры мексикано-американцев.

Политика стала неотъемлемой, но не единственной составляющей общественно-культурного подъема, который нередко называют «этническим возрождением». Более того, политическую активность невозможно отделить от деятельности в других областях. Помимо политических организаций, интенсивно развивались мексикано-американская литература, поэзия, театр. Такие же процессы проходили и в других диаспорах. Характерной чертой времени стало сочетание политики и литературы, поэзии, когда талант и популярность в одной области оказались сопряжены с успехом и активностью в другой. Можно сказать, что постепенно формировалась своеобразная культура, а весь процесс самопознания и выработки отношения к себе, к другим, к миру в целом приобрел в основном литературно-поэтическую форму. В среде вчерашних иммигрантов рождались не только яркие общественные деятели и талантливые политические лидеры, но и настоящие писатели и поэты, для многих из которых политическая деятельность была неразрывно связана с деятельностью литературной.

Важнейшей вехой в формировании идеологии чиканизма и развитии собственной литературной традиции стала публикация в 1967 г. поэмы Родольфо Гонсалеса («Корки») «Я – Хоакин», ставшей культовым произведением для целого поколения. Герой произведения – собирательный символический образ чикано, впитавший прошлое и настоящее своего народа, отражение его силы и слабости, величия и предрассудков. Он одновременно победитель и побежденный, испанец и индеец, завоеватель и жертва. Как признавался сам Родольфо Гонсалес, работа над «Хоакином» была «путешествием в глубь истории, болезненной переоценкой ценностей, блужданием в поисках моего народа, и более всего – моей собственной идентичности»⁴⁶.

Несмотря на яркие литературные достоинства поэмы (своеобразный язык и стиль, богатство образов, обращение к народным мексиканским мотивам и легендам), ее появление явилось не только литературным, но и общественно-политическим событием. Дело в том, что сам Р. Гонсалес был человеком неординарным: выходец из бедной семьи рабочих-иммигрантов, профессиональный боксер, затем хозяин небольшого кафе под названием «Corky's Corner» (отсюда и его странный псевдоним – Corky, т.е. веселый, жизнерадостный). В 1957 г. он начинает активно зани-

маться политикой, становится одним из организаторов и вдохновителей движения за гражданские права мексикано-американцев, создает общественную организацию «Крестовый поход за справедливость» (1966), ставшую впоследствии культурным и образовательным центром, разрабатывает целую программу реформ, направленных на улучшение жизни и быта мексикано-американцев. Девизом бурной практической деятельности Р. Гонсалеса становится принцип «американизации» политики и социальной жизни чиканос при сохранении и дальнейшем развитии неповторимого своеобразия их культуры. Поэма стала важным ориентиром на этом пути⁴⁷.

Однако успех «Хоакина» объяснялся не только влиянием харизматической личности самого Гонсалеса, но и тем редким сочетанием литературного таланта и политической злободневности, которое воплотилось в этом «сердце поэзии чиканос»⁴⁸.

В портрете Хоакина и молодое поколение всех латиноамериканских диаспор, и вчерашние иммигранты узнавали себя:

«Мексиканец!
Испанец!
Латино!
Хиспано!
Чикано!
И как бы не назвался я,
Я выгляжу так же,
Я чувствую то же,
Я плачу и пою об одном»⁴⁹.

Это был манифест, провозгласивший право диаспор на свою историю и культуру, свое прошлое, свою жизнь на правах культурной автономии внутри США.

Словами мексиканца Хоакина Р. Гонсалес так описывает ощущения простого человека латиноамериканской диаспоры:

«Затерянный в этом беспорядочном мире,
Пойманный в круговерть общества гринго,
Смущенный правилами,
Презираемый всеми,
Угнетенный и разрушенный современным обществом»⁵⁰.

Прошлое – героично, оно таит в себе ростки будущего и достойно поэтизации; настоящее – конфликтно, унижительно и требует борьбы, от исхода которой зависит жизнь. Таков лейтмотив идеологии чиканос, выраженный поэтическим языком Гонсалеса. История здесь неразрывно связана с сегодняшним днем, все пронизано пафосом непокорности и протеста, стремлением самостоятельно определить свою судьбу.

Сходный, по сути, взгляд присутствует в лирике другого яркого представителя «ренессанса чиканос» – поэта Алуристы.

Алуриста (Альберто Балтасар Уриста Ередиа), активный участник студенческого политического движения чиканос, один из основателей в 1967 г. студенческой организации МЕСНА (Movimiento Estudiantil Chicano de Aztlan).

Лейтмотивом его творчества стала идея обоснования исторического прошлого чиканос, воплощенного в образе существовавшей на американском юго-западе мифологической страны Aztlan, прародины ацтеков. Индейцы из родов Тигра и Орла – обитатели этой земли – были также далекими предками чиканос, оставившими в наследство потомкам индейскую кровь, «бронзовый» цвет кожи, легенды и мифы своей героической истории.

В поэзии Алуристы (особенно в цикле «Песни цветов в Ацтлане» – «Flogicanto en Aztlan») культивируются «семена нашей индейской идентичности» (по выражению автора), а миф об Ацтлане становится «мечтой красного народа», символом национальной гордости, свободы, растущего самосознания чикано⁵¹.

«Это земля моих отцов
И дедов...
С уходом испанцев
Мы получили свою свободу»⁵².

Тема свободы является ключевой в творчестве поэта: он воспевает личную свободу человека и свободу всех мексикано-американцев, их право на достойную жизнь и самоуважение, верность своей культуре:

«Мы получили нашу свободу тогда,
Чтобы потерять ее теперь?
Потерять здесь?
О нет!»⁵³

Образы прошлого оттеняют драматизм современности. Для мексикано-американца, по-прежнему чужого в «обществе гринго», есть «только пот и кровь» – тяжелая работа, мизерная оплата труда, нищета, бесправие. Картины повседневной жизни чиканос, воссозданные в стихах Алуристы, с необычайной выразительностью отражают общее настроение протеста, ожидания и надежды.

Необходимо отметить, что характерный для Алуристы (как и для многих поэтов-чиканос) и непередаваемый в переводе билингвизм – использование испанского, английского и своеобразного диалекта мексикано-американцев – только усиливает выразительность и экспрессию стихов, является зеркальным отражени-

ем специфической реальности сосуществования двух столь различных культур и образов жизни.

Поэзия Алуристы оказала значительное влияние на творчество целого поколения мексикано-американских поэтов и писателей, представлявших пласт «молодой культуры» меньшинства.

Среди наиболее известных имен представлены Хосе Монтойя, Рикардо Санчес, Луис Омар Салинас, Анхела де Хойос, Лорна Ди Сервантес, каждый из которых был характерным и талантливым представителем своего времени. Лейтмотив их произведений – освобождение, понимаемое символически: это личное освобождение человека в определенный момент его жизни и освобождение всех чиканос от власти навязанных стереотипов⁵⁴.

Особенно интересный ракурс эта тема получила в творчестве мексикано-американских поэтесс, чья лирика, без сомнения, составила одну из самых ярких страниц не только «этнического ренессанса» 60–70-х годов, но и современной американской литературы⁵⁵. Именно женщинам в силу специфики их положения оказались особенно близки идеи освобождения, независимости, самоопределения, поиска себя в обществе жестких социальных правил, этнических, культурных и гендерных стереотипов. В мире другой культуры мексикано-американка более уязвима, чем мужчина той же этнической группы или чем «белая» женщина. Именно поэтому литературные опыты чиканас представляют собой совершенно особую линию мексикано-американского ренессанса. Это иной, непривычный взгляд, связанный с предельно обостренным восприятием проблемы идентичности и мексиканского своеобразия, а также своей роли в обществе.

«Потому что я – метиска,
И непрерывно путешествую из одной культуры в другую,
Потому что я существую во всех культурах сразу...
Меня сдувает на север всеми голосами, что говорят со мной
Одновременно»⁵⁶.

(Глория Ансалдуа)

Чувство собственной необычности, неординарности – исторической, культурной, цивилизационной – проявляется еще более остро, чем в «мужской» литературе («Я отмечена цветом моей кожи» – Лорна Ди Сервантес)⁵⁷. Однако в отличие от жизнеутверждающей гордости, которой насыщены поэмы Р. Гонсалеса, Алуристы, Р. Санчеса и других, мироощущение в поэзии чиканас в целом трагическое. Оно связано с одиночеством, темой утраченного дома, покинутой земли. В их поэтическом мире дом, родная земля («tierra natal»), все то, что дается человеку по праву его рождения и имеет сакральное значение, почти утрачено и постоянно уничтожается в атмосфере подавляющей культуры, в

плавильном тигле ассимиляции. «Господствующая белая культура медленно убивает нас своим невежеством. Разрушая наше самоопределение, она делает нас пустыми и слабыми. Мы сопротивлялись – как народ, и временами даже оказывались в выгодном положении, но нам никогда не было позволено... быть полностью самими собой», – отмечает литератор и критик Глория Ансалдуа⁵⁸.

Историческое прошлое воспринимается в основном сквозь призму глубокого унижения, обиды. Не случайно ключевой мотив в литературе чиканас – насилие, «la violencia». Насилие в его различных проявлениях: угнетение одного народа другим, надругательство над чужим языком и традициями, презрение к женщине – имеет одну природу. На фоне специфически женского отношения к насилию как акту вандализма, не имеющему оправданий, судьба родной культуры видится трагически-жертвенной и в то же время достойной поэтического выражения, идеализации.

«Вы видите – я говорю по-английски:
Ведь у меня украли родной язык»⁵⁹.

(Рита Мендоса)

Эти образы – насилие, кража, утрата родного дома, земли, языка и самобытности, одиночество перед лицом жестокой реальности – подчеркивают неприязненное, отчужденное отношение мексикано-американок к «другим», собственно американцам англосаксонского происхождения.

«Я не верю в войну между расами,
Но в этой стране
Идет война»⁶⁰.

(Лорна Ди Сервантес)

Образ «другого» в лирике чиканас всегда таит угрозу «потери лица». Сила этой угрозы рождает естественное противодействие – стремление сопротивляться, жить, сохраняя и развивая свои культурные традиции, сознательно участвовать в политической и общественной деятельности. «Они хотели бы думать, что я растворилась в их котле. Но я не растворилась, мы не растворились!», – пишет Глория Ансалдуа, размышляя о прошлом и будущем всех мексикано-американцев⁶¹.

Тем не менее, несмотря на негативное (в основном) восприятие доминирующей культуры и ее носителей, все отчетливее проявляется в литературе чиканас сдержанный оптимизм, связанный, прежде всего, с надеждой быть услышанными теми «другими», без ответа которых невозможен подлинный диалог.

Можно сказать, что мексикано-американцы в полной мере пережили драматический процесс поиска себя, прошли долгий путь от пассивного конформизма до взлета политической актив-

ности и постепенного принятия своего нового положения – самобытной, но неотъемлемой части североамериканской цивилизации. Этот процесс еще далеко не закончен, в нем много противоречий и трудностей. Само мексикано-американское меньшинство отличается неоднородностью, разделено на несколько групп и продолжает пополняться за счет притока иммигрантов из Мексики, которые несут свою культуру, обычаи, трудовую этику, язык. Оно по-прежнему остается одним из самых проблемных компонентов испаноязычного населения страны. Однако в том, что президент США Джордж Буш, выступая с предвыборной речью «Век Америк» в августе 2000 г., вопреки многолетней республиканской традиции назвал свою страну «одной из крупнейших испаноязычных наций мира», «одним из основных источников латиноамериканской музыки, публицистики и культуры»⁶², есть немалая заслуга мексикано-американцев.

4.6. Самопознание мексикано-американцев

Мексиканские и мексикано-американские работы, посвященные своей диаспоре, условно можно объединить в одну группу: они принадлежат авторам, ощущающим глубокую личную сопричастность анализируемым процессам. Отношение к соотечественникам в этих работах подчас достаточно критическое, однако, принимая мексикано-американцев такими, какими они стали в условиях американской жизни, или отвергая их как «предателей» своей культуры, исследователи не могут избежать глубокой психологической вовлеченности в анализируемый материал и чувства почти личной ответственности за происходящие события. Такая постановка вопроса придает их взглядам острую эмоциональную насыщенность⁶³.

Широко представлена история иммиграции мексиканцев в США: ее причины, исторический контекст, значение для обеих стран, а также социально-экономическая и психологическая специфика различных иммигрантских групп, трудности адаптации и приобретения нового статуса. Классической работой в этом направлении является книга М. Гамио «Мексиканский иммигрант: история его жизни»⁶⁴ с основательным предисловием Г. Лойо.

Среди широкого спектра вопросов, вызывающих особый интерес исследователей, следует выделить самую яркую страницу мексикано-американской истории – «ренессанс чиканос» в 1960 – 1970-х годах. С этим периодом связано много проблем, в частности становление политического самосознания, формирование собственно мексикано-американской культуры (литературы, поэзии, театра, живописи)⁶⁵.

Особое направление представляют работы, посвященные сложной истории отношений Мексики и США, и в связи с этим – судьбе мексикано-американской общины⁶⁶.

Следует отметить, что для многих как мексиканских, так и мексикано-американских авторов характерен несколько леворадикальный и достаточно прямолинейный подход. Лейтмотивом является тема социально-культурного порабощения мексиканцев, ставших после 1848 г. дискриминируемым меньшинством на своей родной земле.

Например, яркое исследование известного мексиканского историка и социолога Х. Лопеса-и-Риваса «Чиканос: жизнь и борьба мексиканского меньшинства в США»⁶⁷ отличает крайняя тенденциозность в интерпретации темы. Позиция США по всем направлениям представлена как однозначно экспансионистская, несправедливая, враждебная интересам чиканос; положение последних оценивается как худшее из возможных, а единственный выход видится только на пути развертывания жесткой, бескомпромиссной борьбы с господствующей системой. «Мы решили написать данную работу не потому, что она “интересна”... – отмечает автор, – но потому, что она представляет еще один пример человеческих страданий, вызванных той же самой системой, которая сделала возможными эксплуатацию и несправедливость в нашей собственной стране, Мексике»⁶⁸. Г. Лопес-и-Ривас игнорирует внутреннюю дифференциацию внутри мексикано-американского меньшинства, фактически ставя знак равенства между всеми чиканос и низшими, полумаргинальными слоями американского общества, что лишь частично соответствует действительности. Формирующийся средний класс мексикано-американцев практически не интересен автору и оценивается как «отступнический» за попытку «войти в систему США через заднюю дверь», подчеркивая свою лояльность и отличие от «несчастливых» собратьев⁶⁹.

Эта же тенденция отчетливо проявилась и в исследованиях Р. Акуньи (одного из ведущих мексикано-американских авторов) «Оккупированная Америка: история чиканос», А. Праго «Иностранцы на своей земле» и др.⁷⁰

Монографии Р. Акуньи можно рассматривать как фундаментальный справочник по истории и политике мексикано-американской общины с XIX в. по 70-е годы XX в. Лейтмотив этих работ – идея долгожданного «освобождения»: политического, экономического, социального, культурного и т.д. Квинтэссенцией такой позиции может служить цитата Х. Лопеса-и-Риваса: «Мы должны помнить, что мексиканцы в Соединенных Штатах являются не только объектом идеологических манипуляций, но стали также жертвами попытки украсть их культуру, язык и традици-

онные формы человеческих взаимоотношений»⁷¹. Лопес-и-Ривас называет эту политику «культурным империализмом».

С леворадикальных позиций написана и монография известного историка Д. Масиеля «К северу от Рио-Браво»⁷². Мексикано-американцы идентифицируются здесь с пролетариатом, ведущим социально-экономическую и профсоюзную борьбу за свои права. Основная идея работы – обосновать необходимость силой вживаться в американское общество, развивая собственные политические движения и организации, профсоюзы, акции протеста.

Такой подход весьма распространен, его причины вполне понятны и объяснимы. Можно сказать, что излишняя политизированность авторов вызвана «врожденной» остротой и болезненностью мексикано-американской тематики, а склонность к односторонней оценке событий связана с нежеланием (может быть, неосознанным) видеть целый пласт малоисследованных, но реальных моментов в жизни диаспоры. Это – интенсивные процессы социально-экономической дифференциации, формирование собственного «среднего класса» – носителя своеобразной психологии «политико-экономической адаптации» и «культурного протеста», постепенное становление своей идеологии и самосознания, формирование своеобразной политической культуры.

Однозначно-негативное отношение к политике, культуре, самому образу жизни в США приводит к тому, что богатство и многообразие реальности отходят на второй план, стираются идеологическими клише, а подчас и вовсе остаются незамеченными. Опасность такой позиции не в том, что она неверна или опирается на недостоверные факты, напротив, доказательств, как правило, более чем достаточно. Однако за скобками оказывается все то, что не соответствует готовой схеме, в данном случае – исключительная гетерогенность мексикано-американской диаспоры и специфика ее конкретных групп, а также постоянное, хотя и противоречивое, взаимодействие с англо-американской культурой, межцивилизационный характер этого диалога и динамика его дальнейшего развития.

Современное поколение историков, социологов, политологов-чиканос, для которых «этническое возрождение» 60-х годов давно стало историей, озабочено проблемами сегодняшнего дня, стремлением сказать свое слово в «Chicano Studies», свободное от политической ангажированности. Взвешенный подход, сдержанность, объективность анализа – вот что особенно востребовано сегодня. Можно сказать, что прежний радикализм практически преодолен. Огромную роль теперь играют гендерные исследования, изучение роли женщин-чиканас в развитии самостоятельной политики, литературы и искусства мексикано-американцев⁷³.

В то же время, наряду с очевидными достоинствами «молодой школы», бросается в глаза некоторая «разорванность» дискурса, преобладание мелких, частных вопросов, интерес к предельно конкретной тематике, когда цельность и динамика исследования приносятся в жертву одной, не всегда значимой проблеме. Это особенно характерно для гендерных и локальных исследований, в которых история какой-то одной небольшой местности, района, семьи становятся основным объектом изучения, что явно недостаточно для обобщений. Несмотря на близость таких работ к реальной жизни, к «истокам», в них чувствуется некоторая фрагментарность, незаконченность, отсутствие глубокого анализа, характерного для «классиков» этого направления Р. Акуньи, Р.О. де ла Гарса и других авторов.

Таким образом, основная тема многочисленных научных программ и публикаций по обе стороны Рио-Гранде – эволюция мексикано-американского меньшинства из «молчаливого», «спящего» объекта в активный субъект политической, социальной и культурной жизни США.

Современная мексикано-американская диаспора – это живой и сложный организм. За многие десятилетия он пустил глубокие корни в США и фактически переплелся в единое целое с североамериканской цивилизацией.

Многомиллионный отряд мексикано-американцев представляет собой особое межцивилизационное явление, которое приобрело устойчивый характер. С одной стороны, его жизнь во многом идентична ценностям и культуре североамериканской цивилизации, с другой – сохраняет «материнскую» основу своей культуры, начиная с древних цивилизаций и до революционных времен XX в. и социальных коллизий современной Мексики. Можно говорить, по-видимому, о двойной идентичности этой диаспоры. Речь уже идет не просто о билингвизме или фактическом бигражданстве членов одной семьи, но об органическом бицивилизационном характере культуры, морали, быта и т.д.

Эта историческая тенденция является не только органической и обусловленной всем ходом истории, но и перспективной в своем дальнейшем развитии. Так, в судьбах мексикано-американцев воплощается самая важная и необратимая мировая тенденция человеческого бытия – движение к будущей единой мультикультурной цивилизации. Перед лицом такого глобального императива все межцивилизационные конфликты и противоречия, на наш взгляд, могут быть сознательно преодолены. Практика межэтнического поликонфессионального и мультикультурного симбиоза служит подтверждением реальности и неизбежности именно такой перспективы.

- 1 *Affigne T.* Latino Politics in the United States: An introduction // *PS: Political Science and Politics*. 2000. September. Vol. XXXIII, № 3. P. 525.
- 2 *Moore J.* Mexican Americans. N.Y., 1970. P. 39–41.
- 3 *Acuña R.* Occupied America: A history of chicanos. N.Y., 1981. P. 127.
- 4 *Moore J.* Op. cit. P. 41.
- 5 *García M.R., Maciel D.R.* El México de afuera: Políticas mexicanas de protección en Estados Unidos // *Al norte de la frontera: el pueblo chicano*. México, 1988. P. 383.
- 6 *Acuña R.* Op. cit. P. 127.
- 7 *Ibid.*
- 8 *Moore J.* Op. cit. P. 43.
- 9 *Acuña R.* Op. cit.
- 10 *Affigne T.* Op. cit. P. 526.
- 11 *Bustamante J.A.* Los chicanos vistos desde una perspectiva mexicana // *Al norte de la frontera...* P. 91–93.
- 12 *Moore J.* Op. cit. P. 137.
- 13 *Рид М.* Всадник без головы. М., 1975. С. 195.
- 14 *The Chicanos: Mexican-American voices*. Baltimore, 1973. P. 8.
- 15 *Acuña R.* Op. cit. P. 136.
- 16 *García M.R., Maciel D.R.* Op. cit. P. 377–383; *Shain Y.* The Mexican American Diaspora's impact on Mexico // *Political Science Quarterly*. 1999 – 2000, Winter. Vol. 114, № 4.
- 17 *Ibid.*
- 18 *Шульговский А.Ф.* Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 153–156.
- 19 *García M.R., Maciel D.R.* Op. cit. P. 393.
- 20 *Пас О.* Освящение мига. СПб.; М., 2000. С. 150.
- 21 Там же. С. 151.
- 22 Там же. С. 152.
- 23 Там же. С. 152–154.
- 24 *Shain Y.* Op. cit. P. 677.
- 25 *Ibid.* P. 678.
- 26 *Ibid.*
- 27 *Ibid.*
- 28 *Rodriguez R.* The Hunger of Memory // *Mason A.* Ports of Entry: Ethnic Impressions. San Diego, 1984. P. 35.
- 29 *Servin M.P.* Mexican Americans: an awakening minority. L., 1970.
- 30 *Shain Y.* Op. cit. P. 679.
- 31 *Garza R.O., de la.* Mexican-American voters: a responsible electorate // *Mexican Americans: Political Power, Influence or Resource*. Texas, 1977. P. 66.
- 32 *Moore J.* Op. cit. P. 143.
- 33 *Voices of a New Chicana/o History*. Michigan State Univ. Press., 2000. P. 205.
- 34 *Moore J.* Op. cit. P. 143–145.
- 35 *Servin M.P.* Op. cit.
- 36 *Hammerback J.C.* A war of words: Chicano protest. Westport, 1985. P. 58.
- 37 *The Chicanos: Mexican-American voices*. P. 95.

- 38 Ibid. P. V.
- 39 *Meier M.S., Rivera F.* Dictionary of Mexican American history. L., 1981. P. 80.
- 40 *Acuña R.* Op. cit. P. 363.
- 41 *Acuña R.* Op. cit. P. 364–365; *Hammerback J.C.* Op. cit. P. 55–56.
- 42 *Hammerback J.C.* Op. cit. P. 55–56.
- 43 Ibid. P. 60.
- 44 Ibid. P. 57.
- 45 *Acuña R.* Op. cit. P. 361–361.
- 46 Chicano Literature: a reference guide. Westport; L., 1985. P. 224.
- 47 *Hammerback J.C.* Op. cit. P. 54–56.
- 48 Chicano Literature: a reference guide. P. 165.
- 49 Ibid. P. 224.
- 50 Ibid. P. 141.
- 51 Ibid. P. 26.
- 52 Ibid. P. 23.
- 53 Ibid.
- 54 *Sánchez R.* Canto y grito mi liberacion. N.Y., 1973; Chicano Literature: a reference guide.
- 55 The Woman that I am: The Literature and Culture of Contemporary Woman of Colour. N.Y., 1994.
- 56 Ibid. P. 561.
- 57 *Sanchez M.E.* Contemporary Chicana poetry: A critical approach to an emerging literature. Berkeley, 1985. P. 90.
- 58 Ibid. P. 568.
- 59 Chicano literature: a reference guide. P. 106.
- 60 *Sanchez M.E.* Op. cit. P. 90.
- 61 The Woman that I am... P. 563, 568.
- 62 <http://www.georgebush.com/News.asp?FormMode=NR&ID=1093>.
- 63 *Balderrama F.* In defense of La Raza. Los Angeles, 1982; *Cardoso L.* Mexican emigration to the United States, 1897–1931. Tucson, 1980; *Guerin-Gonzales C.* Mexican workers and American dreams: Immigration, Repatriation and California Farm Labour, 1900–1939. N.Y., 1994.
- 64 *Gamio M.* El inmigrante mexicano: La historia de su vida. Mexico, 1969.
- 65 Chicano politics: readings / Ed. by F. Chris Garcia. N.Y., 1973; Mexican Americans: Political power, influence or resource. Texas, 1977; The Chicanos: Mexican American voices; Chicano Literature: a reference guide; *Sanchez M.E.* Contemporary Chicana poetry: A critical approach to an emerging literature; A traves de la frontera. México, 1983.
- 66 *Maciel D.R.* Chicanos y mexicanos deben conocerse y entenderse // Al norte de la frontera: el pueblo chicano; *Bustamante J.A.* Los chicanos vistos desde una perspectiva mexicana // Ibid.; *García M.R., Maciel D.* Op. cit.; *Garza R.O., de la.* Chicanos and U.S. Foreign Policy: The Future of Chicano-Mexican Relations // Mexican-U.S. Relations: Conflict and Convergence. Los Angeles, 1983.
- 67 *Lopez-y-Rivas G.* The chicanos: Life and struggles of the Mexican minority in the United States. N.Y., 1973.
- 68 Ibid. P. 15.

⁶⁹ Ibid. P. 60–64.

⁷⁰ *Acuña R.* Occupied America: The chicano's struggle toward liberation. San Francisco, 1972; *Acuña R.* Occupied America: The History of chicanos; *Rosaldo R.* Chicano: The evolution of a people. Minneapolis, 1973; *Prago A.* Strangers in their own land: A history of Mexican Americans. N.Y., 1973.

⁷¹ *Lopez-y-Rivas G.* Op. cit. P. 61.

⁷² *Maciel D.* Al norte del Rio Bravo, 1930–1981. México, 1981.

⁷³ *Voices of a New Chicana/o History* / Ed by R.I. Rochin and D.N. Valdes. Michigan State University Press, 2000; *Latino/a Politics in the United States* // Political Science and Politics. 2000. September. Vol. XXXIII, № 3.

Глава v

КУБИНСКАЯ ДИАСПОРА

Современная кубинская иммиграция выделяется не только на общем фоне испаноговорящей части США, но и во всей мозаике американской полиэтничности. Многие исследователи утверждают, что обращенность на жизнь собственного сообщества и невосприимчивость к общеамериканским мультикультурным процессам являются всего лишь начальным этапом становления каждой этнической группы в начале адаптации к новой цивилизационной обстановке. В пример приводятся ирландские, еврейские и другие группы, в первом поколении демонстрировавшие сходные тенденции. И это, конечно, верно, но кубинцы представляют собой устойчивый феномен «гражданства на расстоянии», свойственный лишь немногим народам в мире (китайцы, греки).

При относительной немногочисленности этой группы – 4,3%¹ от общей численности испаноговорящего населения США, – именно кубинцы обладают самой большой экономической силой и политическим влиянием. Такая тенденция складывалась под воздействием многих факторов, но определяющим оказалось то, что на протяжении сорока лет после революции 1959 г. кубинцы сохраняют ощущение сообщества «политических изгнанников», в отличие от мексиканцев, пуэрториканцев и других, обосновавшихся в нише экономических мигрантов.

Вся история кубинских сообществ в США в конце XIX–XX вв. демонстрирует высокую степень их вовлеченности в развитие ситуации на родине, на Кубе. В течение полутора столетий именно эта нить была цементирующим звеном жизни кубинцев вне острова.

5.1. Первые общины в США

Формально историю кубинского сообщества в Соединенных Штатах можно разделить на два основных этапа: «табачный» и политический (антикастровский). Первый – миграция и эмиграция с Кубы во второй половине XIX в., образование поселений и

табачных производств в США, протянувшиеся до середины XX в.; второй – послереволюционный период эмиграции, продолжающийся по сей день. Каждый из этих этапов связан с определенной спецификой развития самой диаспоры в качестве единого целого, ее взаимоотношений с системой североамериканской цивилизации, а также особыми связями с «материнской» кубинской культурой и реальной ситуацией на острове.

Устойчивый стереотип восприятия кубинской иммиграции в США связан с их современным «вторжением» во Флориду, но понять глубинные тенденции развития современных кубинских общин можно, только взглянув на весь ход их формирования.

Первые упоминания о кубинцах во Флориде относятся в 20-м годам XIX в. Еще до 1831 г. приблизительно 50 кубинцев проживали в Ки Уэсте (Key West), где на небольшой сигарной фабрике кубинского владения работали шестнадцать ремесленников². Вероятно, реальная численность была несколько больше.

Первоначальный импульс кубинской иммиграции в США был задан конкурентной борьбой на сигарном рынке Европы и Северной Америки. Продукция успешно развивающейся на острове табачной индустрии завоевала прочные позиции как на рынках США, так и Европы³. Будущее экспорта гаванских сигар казалось незыблемым. Но внутренние политические проблемы, приведшие к общему экономическому спаду, а также протекционистское давление во Франции и Германии привели к установлению высоких пошлин, что резко сократило экспорт гаванских сигар в европейские страны. Начиная с 50-х годов XIX в. Куба стала терять свои сигарные рынки в Европе. Чтобы компенсировать эти потери, кубинские производители увеличили экспорт на американский рынок, зависимость от которого вскоре стала значительной.

Взаимосвязь между табачной индустрией Кубы и Соединенными Штатами начала усиливаться в ходе Десятилетней войны (1868–1878) на острове. В эти годы многие табачные плантаторы начали переводить производство сигар в США. Перенос производств имел и другую подоплеку: увеличение американских тарифов на готовые сигары и относительно низкие пошлины на листья табака позволили предпринимателям США стимулировать собственную табачную промышленность⁴.

Для ухода от высоких тарифов и налогов, а также по политическим причинам в 1868 г. несколько кубинских производителей сигар (Винсенто Мартинес Ибор (Vicent Martinez Ibor), Идальго Гато (Hidalgo Gato) и др.) перевели свои фабрики в Ки Уэст, Тампу и в Нью-Йорк, перевезя при этом многих квалифицированных рабочих, которые искали свободы и лучшей зарплаты.

Кубинский фабрикант испанского происхождения В. Мартинес Ибор обосновался в Ки Уэсте во Флориде. И хотя там он основал небольшое табачное производство, без сомнения, именно его можно назвать основателем большой табачной индустрии как во Флориде, так и в Соединенных Штатах.

Ручная скрутка сигар не требовала крупного производства, поэтому стали расти небольшие *табакерии*⁵ с наемным персоналом в три-пять человек.

Перевод и развитие табачных производств в США дали импульс массовой кубинской эмиграции. Ки Уэст в этот период стал столь значимым местом, что его население, составлявшее в 1868 г. 3 тыс. человек, спустя несколько лет достигло 18 тыс. (600% роста). Из них 12 тыс. были рабочие табачной промышленности, и подавляющее большинство из них были кубинскими иммигрантами, переехавшими вместе с табачной индустрией⁶.

Хотя первые сигарные фабрики в Ки Уэсте принадлежали некубинцам, в течение 1880-х годов многие кубинцы вступили в торговлю и постепенно стали в ней доминировать. К 1885 г. почти 100 сигарных предприятий Ки Уэста различного размера нанимали приблизительно 3 тыс. рабочих, в конце 1880-х Ки Уэст производил приблизительно 100 млн сигар ежегодно⁷.

Сигарная промышленность давала работу большинству кубинских мигрантов. Так, в 1880 г. из нанятых кубинцев в возрасте от 14 лет и старше 79% работали на сигарных предприятиях, из них около 18 % – «черные» и мулаты, 9% – женщины. Многие (до 20%) являлись разнорабочими низкой квалификации, трудились в сфере обслуживания. Социальная структура кубинцев в Ки Уэсте объединяла широкий спектр профессиональных позиций, но основу сообщества составлял рабочий класс сигарной промышленности⁸.

В 1885 г. во Флориде появился второй после Ки Уэста объединяющий центр кубинского сообщества – Тампа. В. Мартинес Ибор и Игнасио Аяа (испанский производитель из Нью-Йорка) получили земли в предместьях города и в 1886 г. построили там свои фабрики. Событием, побудившим к окончательному переезду в Тампу, стал пожар на фабриках в Ки Уэсте, разрушивший в конце марта 1885 г. восемнадцать фабрик и вынудивший сотни бездомных кубинцев снова искать работу. Кто-то вернулся в Гавану, но многие переезжали в Тампу.

Изначально на территории современной Тампы проживали индейские племена тимукан (Timucan) и кахуса (Cahusa). Заселение этих мест началось в 1824 г., когда земли стали осваиваться под плантации. Чуть позже американская армия основала Форт Брук (Fort Brooke) для защиты стратегической гавани и надсмотр-

ра за индейцами племени семаинд (Seminde), которые были определены в резервацию.

Поселение, возникшее вокруг форта, стало известным как Тампа, по названию, присвоенному этому району в 1601 г. испанским картографом Антониоде Эрреа (Antoniode Herrea). В 1855 г. все поселения были объединены в единую Тампу. Развитию города способствовало начатое в 1880-х годах промышленным миллионером из Атланты Генри Б. Плантом (Henry B. Plant) строительство железных дорог, которые соединили Тампу с Севером⁹.

Процветание города началось с основания в нем табачной индустрии. В течение своего первого десятилетия в качестве центра сигарного производства Тампа выросла с менее чем 1 тыс. жителей до почти 20 тыс., превосходя население Ки Уэста¹⁰.

Табачные фабрики переводились в Тампу из Ки Уэста, Нью-Йорка и Филадельфии, и к 1900 г. Тампа однозначно вытеснила Ки Уэст с первых позиций производителя гаванских сигар в Соединенных Штатах, и на последующие полвека стала главным центром кубинского сообщества.

Перевод производств в Тампу не был стихийным мероприятием, а скорее напоминал тщательно разработанный стратегический план. Место расположения производств стало «городом, преднамеренно разработанным компанией»¹¹. Район, где располагались сигарные производства, стал называться городом Ибора (Ybor City).

В реализации этого проекта принимали участие не только табачные производители, но и финансовые структуры города. Торговая палата Тампы стремилась вкладывать средства в эту отрасль и помогла В. Мартинесу Ибору в финансировании закупки более 1 тыс. акров земли¹².

Город Ибора был заложен по специальному проекту. Участок, отобранный для города, был, главным образом, покрыт соснами и дубами и служил ограничительной линией для выпаса рогатого скота. На этой территории было несколько рощ, болота, маленькие озера и изолированные сельские дома, рассеянные по всему участку. Первыми задачами были выкорчевывание деревьев, очистка земли и разметка города: маркировка улиц, фабричных и домашних участков.

При планировании города В. Мартинес Ибор полагал, что значительный доход будут приносить сигарные производства, а также продажа домов работникам мануфактур. Наибольшую прибыль В. Мартинес Ибор получал, сооружая и продавая коробки зданий для размещения сигарных фабрик средней стоимостью в 6 тыс. долл., коробки домов для работников продавались

в рассрочку по цене в среднем около 900 долл., платежи за них колебались от 35 до 75 долл. в месяц¹³.

Город Ибора прочно вплелся в структуру большого города. Некубинцы в Тампе гордились этим поселением и называли его «наша Гавана».

Комплексное развитие района давало свои результаты. Город обеспечивал рабочими местами многих кубинцев, мигрировавших с Кубы. Помимо этого предприниматели Тампы поддерживали переезд в город представителей гражданских профессий. Доктора, учителя, духовные лица, музыканты, парикмахеры – многие хотели приехать в «Свободную Гавану». Развивались не только производства, но и вся инфраструктура. Так, театр, работавший на одной из фабрик, привозил выдающиеся пьесы и исполнителей с Кубы и из Испании, а основанные в то время рестораны, впоследствии ставшие достаточно известными, начинали с того, что обеспечивали обильную, хорошего качества, но недорогую еду в благоприятном месте, удобном для фабрик¹⁴.

Динамично развивающийся район города Ибора стал кубинским анклавом в Тампе.

* * *

Неудача кубинцев в Десятилетней войне против испанского владычества вытолкнула с острова множество патриотов, которые не хотели жить под давлением колониального режима, поскольку их убеждения не подходили к политической системе, закреплённой Санхонским пактом 1878 г. Конспиративная эмиграция патриотов в США с целью подготовки новой войны против Испании встретила среди рабочих-табачников в Соединённых Штатах горячий приём¹⁵.

Идея независимости Кубы объединяла все слои диаспоры. Довольно часто именно эта сверхидея была единственной, примирявшей различные социальные группы, так как их взгляды на будущее общественное устройство могли быть противоположными. Среди кубинских патриотов не наблюдалось единства, борьба и недоверие между старыми лидерами с каудильистским мышлением и новыми элементами, которых вовлекало движение, мешали объединению. Возможно, это объяснялось множеством существующих организаций, а «единство» было словом, обозначающим порядок.

Революционное движение кубинских иммигрантов второй половины XIX в. прочно связывается с именем Хосе Марти и американским периодом его изгнания.

С начала 90-х годов Хосе Марти принимает активное участие в подготовке новой национально-освободительной войны на Ку-

бе. Знаменательной датой в истории Кубы стал день 26 ноября 1891 г., когда на митинге в Тампе, посвященном годовщине Десятилетней войны, Марти открыто призвал к оружию. Свою речь, которая произвела огромное впечатление на слушателей, Марти закончил словами: «Вместе со всеми и для блага всех!», ставшими одним из лозунгов национально-освободительного движения на Кубе¹⁶.

Цели борьбы – превращение Кубы в независимую демократическую республику – были изложены в программной статье Х. Марти «Наши идеи», помещенной в первом номере газеты «Patria» («Родина»), которая печаталась на средства, собранные кубинскими рабочими-иммигрантами¹⁷.

В апреле 1892 г. при активном участии Х. Марти была создана Кубинская революционная партия со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Первый пункт ее устава гласил: «Кубинская революционная партия создается с тем, чтобы объединенными усилиями всех людей доброй воли достичь полной независимости острова Кубы и помочь освобождению Пуэрто-Рико»¹⁸. Устав партии был принят всеми союзами кубинских иммигрантов в США и в странах Латинской Америки, а Х. Марти избран руководителем партии.

Личность Хосе Марти, американский период его жизни и деятельности являются воплощением сути кубинского характера, объединенного емким термином «*кубанидад*» (*cubanidad*). Идея «*кубанидад*» объединяет те национальные порывы, которые исторически формировали и поддерживали осознание общности исторической судьбы, идентичности и ценностей «рассеянных» диаспор как единого кубинского сообщества.

Одним из институтов, формировавших общую идентичность кубинской диаспоры, была *лектура* (*lectura*) – практика чтения газет на сигарных фабриках. Работники фабрики жертвовали несколько центов в неделю, чтобы обеспечить службу чтеца. Он стоял на кафедре в фабричном помещении и в рабочее время по утрам должен был читать самые последние новости из гаванских газет, скрутки сигар работали в тишине, прислушиваясь к его голосу. Вторая половина дня была посвящена чтению поэзии или фрагментам из последних испанских романов. Эта служба так высоко оценивалась, что хороший чтец мог зарабатывать до 125 долл. еженедельно¹⁹. Как объяснял Абельардо Гутьеррес Диас (Abelardo Gutiérrez Díaz), популярный чтец из Тампы, они «продолжили ту систему, которая сопровождала сигарную промышленность на Кубе. Это была настоящая система образования, имеющая дело с разнообразием тем, включая политику, литературу и международные отношения»²⁰. Чтение служило одним из важных средств, через которое распространялось радикальное

мышление, сплетая его с кубинским опытом в Соединенных Штатах.

С первых моментов функционирования сигарных производств в Ки Уэсте и Тампе рабочие стали создавать фонды по сбору специальных средств для подготовки революции. Цель достигалась разными путями: контрибуция денег, отчисление процента продукции за день или неделю работы. Табачные производители делали личные пожертвования. Характерным примером может служить Идальго Гато, табачник из Сантьяго де лас Вегас (Santiago de las Vegas), из сейфа которого были выданы тысячи песо для революции. Помимо этого, в его цеху работали несколько известных борцов за свободу Кубы, например Серафин Санчес (Serafin Sanchez)²¹.

Одновременно создавались революционные организации. Первая из них была создана в 1869 г. и носила название Патриотическая Ассоциация Ки Уэста (La Asociación Patriótica de Cayo Hueso). Ею руководил знаменитый оратор Хосе Долорес Пойо (José Dolores Poyo). Спустя 30 лет только на полуострове Флорида работало уже более 80 подобных организаций. Революционные клубы распространились по всем североамериканским городам, где проживали кубинские иммигранты, от Нью Йорка до Филадельфии²².

К 1870-м годам первые объединенные кубинские общины появились в Нью-Йорке, Новом Орлеане и Ки Уэсте. Хотя кубинцы жили в Соединенных Штатах еще перед Гражданской войной, они не образовывали единых общин и были рассеяны в Новом Орлеане, Мобайле, Саванне, Филадельфии и Нью-Йорке. По своему социальному составу это были главным образом белые профессионалы, бизнесмены и студенты.

В Нью-Йорке в 1870-х годах обосновался разнородный пласт городского населения Кубы: среди проживавших были члены гаванской креольской элиты, предприниматели среднего класса, профессионалы и многонациональный (белые, мулаты, чернокожие, китайцы) рабочий класс, используемый на табачных фабриках.

Некоторые из них, начав с маленьких *табакерий*, выросли до крупных производств, использовавших труд 200 и более рабочих. Используя кубинские листья табака и труд кубинских рабочих, эти фабрики производили сигары так называемого испанского стиля. Успех отрасли был таким, что сигара, изготовленная в США, конкурировала с кубинской продукцией.

Практически во всех местах проживания организовывались патриотические объединения. Вслед за созданием в 1869 г. Патриотической ассоциации Ки Уэста от Нью-Йорка до Флориды

стали создаваться патриотические объединения: Демократическое общество (El Ateneo Democrático), Республиканское общество Кубы и Пуэрто-Рико (La Sociedad republicana de Cuba y Puerto Rico), клубы Патриотическая лига (Liga Patriótica), Кубинские ремесленники (Artesanos de Cuba), Общество независимости (La Sociedad de Independencia) и другие, функционировавшие прежде всего для продвижения идеи кубинской независимости от Испании²³.

На протяжении XIX столетия противники испанского колониализма становились лидерами в кубинских центрах иммиграции. Как отмечал один активист в 1886 г., «человек, который увлечен великой идеей освобождения своей нации, не может в то же самое время быть вовлеченным в вопросы другой страны, если они требуют специального внимания... Пока мы боремся за независимость, наша политика здесь должна касаться нашей революции»²⁴.

Наиболее важным источником влияния в сообществе была пресса изгнания. Разумеется, газеты обслуживали широкие интересы сообщества, но их первичная цель была обращена к кубинской независимости. Газетные названия были ярким отражением фундаментальной идеи иммигрантов: 1850-е годы – El Eco de Cuba, El Filibustero, El Cubano; 1860-е – La Voz de América; 1870-е – La Independencia, El Republicano, La Voz de la Patria; 1880-е – El Separatista, La República; 1880 – 1890-е годы – El Yara, El Porvenir, Cuba, Patria.

Эти газеты играли центральную роль в развитии и определении национального мышления и в идентификации общин с этими идеями²⁵.

5.2. Становление диаспоры

После завершения войны с Испанией в 1898 г., начался новый этап жизни кубинских общин. Кубинцы столкнулись с трудным вопросом: возвращаться на Кубу или нет? Многие политические изгнанники вернулись и в основном нашли себе место в новой республике. Однако большинство кубинцев, занятых в сигарной промышленности, не имели иного выхода, кроме как остаться в США ввиду отсутствия возможности найти работу на острове. Оставшиеся и их потомки постепенно начали терять свою идентичность «изгнанников».

Национальные порывы и патриотические усилия, которые формировали и поддерживали идею *кубанидад*, сменились необходимостью встраиваться в постоянное существование в иммигрантских сообществах.

Процесс формирования диаспоры хорошо виден на примере Тампы и Ки Уэста. Многие из тех, кто жил в реальностях конца XIX в., оставались преданными своим национальным чувствам, но конец испано-американской войны изменил факторы, традиционно поддерживавшие националистический пыл. Сепаратистская печать прекратила существование, расформировались клубы патриотов, и романтизм, связанный с желанием самоуправления, сменился разочарованием в ответ на политическую реальность Кубинской республики.

К 1920-м годам первое и второе поколения кубинцев в Ки Уэсте уже чувствовали необходимость читать лекции новому поколению относительно достоинств исторической родины. «Ставить родину на второе место, аннулировать, забыть ее – это... является уголовным преступлением и изменой, – написал в 1920 г. Раул Алписар Пойо (Raoul Alpirar Poyo), сын и внук лидеров патриотов Ки Уэста. – “Она может быть не столь велика, как мы хотели бы; возможно, ее сыновья имеют как дефекты, так и достоинства, но это – наша нация». Алписар напоминал своим товарищам-кубинцам, что Х. Марти говорил: «Наше вино может быть горьким, но это – наше вино»²⁶. Однако, несмотря на все усилия, последующее поколение кубинцев в США теряло силу изначального национального и патриотического порыва.

Процесс декубанизации и потери прежней идентичности стал очевиден к концу 20-х годов, когда ушли из жизни многие участники и очевидцы революционных событий, а новые поколения кубинцев жили уже в другой реальности экономических и политических отношений в США.

В то время как росло взаимодействие с американским обществом, ослабился иммигрантский смысл *кубанидад*. Его место постепенно замещалось идеей *кубано-американидад*. Постепенно складывался устойчивый тип кубинской диаспоры. Прежде, с начала 1870-х, рабочие из Гаваны не имели потребности входить в североамериканское профсоюзное движение. Сигарные рабочие во Флориде поддерживали свои собственные групповые интересы и обращались к своему кубинскому опыту. С ослаблением националистических порывов и необходимостью встраиваться в американскую жизнь многих из них охватили идеи анархизма, социализма и позже коммунизма. Это были уже не кубинские патриотические настроения, а идеи пролетарского революционаризма.

После массового возвращения патриотических лидеров на Кубу в 1900 г., их место заняли радикальные активисты в качестве лидеров иммиграции в Тампе.

Когда кубинцы обратились к радикальным концепциям для защиты своих общин от разрушающих перемен, они в конечном

счете были подавлены событиями, подорвавшими как само производство сигар ручной скрутки, так и традиционную структуру сообщества.

Проникновение Североамериканского табачного треста на Кубу в конце XIX – начале XX столетия стало решающим фактором, повлиявшим на эмиграцию с острова. Тариф Мак-Кинли (ограничивавший экспорт готовой продукции, но стимулировавший вывоз сырья) инициировал крах сигарного экспорта. В результате многие крупные кубинские сигарные производства и марки были проданы североамериканским табачным трестам. Американская табачная компания (American Tobacco Company) скупала табачные земли и множество фабрик по производству сигар и сигарет, включая наиболее видные марки (La Corona, Cabanas y Carvajal, Henry Clay, Murias, La Legitimidad). Постепенно трест переместил производство сигар для рынка США во Флориду, заставляя в 1910-х годах значительное число кубинских рабочих искать работу в Соединенных Штатах²⁷.

После Первой мировой войны механизация пришла в американскую сигарную промышленность, операторы машин заменяли квалифицированных скрутчиков сигар, и традиционно высокооплачиваемые рабочие с Кубы больше не были необходимы. Кроме того, изменился и вкус потребителя: сигареты все более и более замещали сигары. Изменение спроса на сигары отразилось на занятости. Долго существовавший североамериканский сигарный рынок рабочей силы сжался, и к 1930-м годам миграция рабочих с Кубы существенно замедлилась.

Конец национально-патриотической эры принес изменения, которые глубоко повлияли на расовую динамику сообществ. С момента своего образования кубинские общины отражали многонациональный характер кубинского общества, которое включало белых, мулатов, чернокожих и даже китайцев.

Уже после 1900 г. расовые отношения среди кубинцев в Соединенных Штатах, особенно во Флориде, стали изменяться. После завоевания независимости и роспуска традиционных патриотических организаций сформировались новые клубы, в которых с самого начала оказались заложены расовые ограничения: «Sociedad de Cuba» в Ки Уэсте и «Círculo Cubano» в Тампе открыли свои двери только для белых. Черные кубинцы в Тампе основали «Unión Martí-Maseo» и стали постепенно отделяться от более многочисленного белого эмигрантского сообщества.

Кроме того, поскольку черные кубинцы все более и более присоединялись к профсоюзам, базирующимся в США, они столкнулись с дискриминацией и маргинализацией, которые отсутствовали в старых иммигрантских союзах. Не желая терять

свою идентичность в пределах североамериканского чернокожего сообщества и утратив способность полностью разделять жизнь белого кубинского сообщества, афро-кубинцы в Тампе встретились со специфическими проблемами адаптации в Соединенных Штатах²⁸.

Кубинцы, проживавшие в США, со временем все более вливались в жизнь и ритм американского общества, но сохраняли при этом испанский язык и кубинские традиции.

5.3. Кубинская иммиграция второй половины XX в.

К началу 40-х годов на территории США существовали три основных кубинских сообщества: в Тампе, Ки Уэсте и Нью-Йорке, стало формироваться новое сообщество в Майами, где проживало более 1 100 кубинских иммигрантов первого поколения²⁹.

Кубинскую иммиграцию второй половины XX в. условно можно представить в виде трех последовательных потоков, каждый из которых имел свои побудительные причины и особенности. При том что факторы, их определявшие, имели различные политические и экономические основания.

В 50-х годах в Нью-Йорке и Майами активную деятельность вели антибатистовские военные иммигранты. В конце 1950-х годов, во время последних лет правления Ф. Батисты, кубинцы мигрировали в количестве 10–15 тыс. человек ежегодно³⁰.

После свержения в 1959 г. Ф. Батисты повстанческими войсками под руководством Ф. Кастро, часть людей, имевших тесные связи со свергнутым правительством, бежала в США. Хотя 3 января 1961 г. администрация президента Д. Эйзенхауэра разорвала дипломатические отношения с правительством Кубы, коммерческое авиасообщение между двумя странами не приостанавливалось вплоть до Карибского кризиса 1962 г. За этот период иммигрировали более 155 тыс. кубинцев³¹.

С этим потоком с Кубы уехали многие представители политической и экономической элиты. Довольно часто это были люди в зрелом возрасте. Такие переезды чаще всего происходили целыми семьями, в которые входило несколько поколений. По преимуществу они оседали в Майами, ставшим символом антикастровского кубинского сообщества. Американское правительство облегчило им въезд, гарантируя статус беженца, позволивший неограниченному числу кубинцев въезжать в США сверх установленной квоты. Эта практика длилась в течение долгого времени вплоть до закрытия в 1980 г. морской переправы.

С момента приостановки в 1962 г. прямого авиасообщения, длившейся более трех лет, иммиграция с острова значительно сократилась. Покинуть Кубу было возможно только подпольно, часто с использованием маленьких лодок или через третьи страны, обычно Испанию или Мексику. Так или иначе, но за период с 1962 по 1966 гг. в США прибыло около 30 тыс. кубинцев.

В конце осени 1965 г. кубинское правительство дало возможность воссоединиться части семей: кубинцы, уже проживающие в США, могли прибыть на Кубу и забрать родственников, которые хотели оставить страну. Приблизительно 5 тыс. кубинцев уехали из порта Камариока (Camarioca) прежде, чем Америка и Куба приостановили это морское сообщение и согласились на открытие организованной воздушной перевозки. В большинстве случаев воссоединение происходило с пожилыми родственниками – родителями уехавших ранее кубинцев.

Стремительный скачок иммиграции произошел после подписания в декабре 1965 г. администрацией президента Л. Джонсона «меморандума о взаимопонимании» с кубинским правительством, который открыл воздушный коридор между Варадеро (Varadero) и Майами. За период с декабря 1965 г. по декабрь 1972 г. его ежедневные «рейсы свободы» перевезли 260 500 кубинцев³². В 1973 г. воздушный коридор был закрыт, иммиграция стала постепенно сокращаться.

В качестве федеральной поддержки и помощи в приеме большого притока иммигрантов с Кубы и для ослабления воздействия массового кубинского бегства в Майами в феврале 1961 г. была учреждена Программа кубинских беженцев (U.S. Cuban Refugee Program), которая предусматривала безвозмездную поддержку беженцев, а также рабочие вакансии и временную помощь. С 1961 по 1972 гг. в рамках программы по территории США было расселено приблизительно 300 тыс. кубинцев. Из-за спада потока иммиграции в середине 1970-х годов программа переселения была прекращена, а до этого момента она была важным фактором в распределении кубинцев на территории США³³. В первые годы воздушных перевозок 1960-х, когда наблюдалось наибольшее перемещение, беженцы были направлены в Нью-Йорк, Нью-Джерси, Калифорнию и Иллинойс³⁴.

После завершения программы многие кубинцы вернулись в Южную Флориду, в Майами. Для многих из них решающими факторами становились родственное окружение и более привычный климат.

Для кубинцев этого периода пребывание в Америке казалось временным, и они планировали возвратиться домой после свержения правительства Ф. Кастро. По наблюдениям американских

антропологов, в те годы на улицах Майами нередко можно было встретить автомобили с наклейками на бампере, возвещающие по-испански, что водитель возвратится на Кубу³⁵.

В отличие от пуэрториканцев, которые воспринимали и придерживались американской традиции «плавильного котла», кубинцы Майами подчеркивали значимость сохранения своих национальных традиционных ценностей и поведения. Другого и не могло быть. Статус «изгнанников» и надежды на возвращение во многом предопределили особенности взаимоотношений с англоязычной американской средой.

Кубинцы в Майами селились семьями. Для начала 60-х годов типичным было семейство, состоящее из трех поколений: от бабушки и дедушки до малышей, а круг социальных связей состоял приблизительно из 30–40 родственников в расширенной семейной единице³⁶.

Сохранение привычного уклада жизни и ценностей замедляли процесс растворения в американском сообществе. Поскольку пребывание на американской земле кубинской элитой воспринималось как временное, то сохранение традиций казалось единственно правильным выбором.

Изменение социального строя на острове побудило иммигрировать представителей высшего и среднего классов – профессионалов, управляющих, предпринимателей, коммерсантов и землевладельцев. Революция также побудила иммигрировать и простых людей, которые не одобряли или не принимали новый порядок.

Для прибывших с первой волной (1960–1964 гг.) было характерно непропорционально большое число лиц преклонного и пожилого возраста. Кубинское правительство поощряло иммиграцию этой группы и охотно гарантировало разрешение на выезд. В настоящее время около 17% кубинцев в США находятся в возрасте свыше 65 лет, что в три раза выше соответствующей доли численности общего испаноговорящего населения Соединенных Штатов³⁷. В первые годы революции многие представители старшего поколения были убеждены, что новое правительство долго не просуществует и отказывались покидать страну, но уже к концу 1960-х и в начале 70-х многие из них воссоединились со своими детьми.

В последующие годы (1965–1974) среди иммигрантов преобладали менее образованные кубинцы, практически не говорящие по-английски и имеющие более низкую профессиональную квалификацию.

К 1980 г. внутреннее иммиграционное давление еще раз ставило кубинское правительство открыть неограниченный вы-

езд из страны. Порт Мариель (Mariel) дал имя новой водной переправе во Флориду, которая действовала в течение шести месяцев и, при отсутствии контроля со стороны властей США, позволила воспользоваться ею более чем 125 тыс. кубинцев.

Этот массовый поток беженцев вызвал противоречивую реакцию американской стороны, так как кубинские власти загрузили «флотилию свободы» тысячами преступников и другого рода «нежелательными» элементами. Кубинцы мариельской волны, у которых были родственники во Флориде (приблизительно половина общего числа) были быстро аккумулированы кубинским сообществом Майами. Остальных федеральные власти распределили по специальным лагерям в Висконсине, Арканзасе и Пенсильвании, но после освобождения большинство из них перебралось обратно в Майами³⁸.

Принятое в ноябре 1987 г. иммиграционное соглашение между Соединенными Штатами и Кубой предусматривало допуск с острова в Соединенные Штаты приблизительно 20 тыс. человек в год. Приоритет давался тем, кто искал политическое убежище. Большинство людей, прибывших в США после этой даты (значительно меньше ожидаемого числа), были политические заключенные и члены их семей.

Представители мариельской волны 1980–1981 гг. были молоды, чаще одиноки, и среди них было значительное число чернокожих и мулатов (примерно 40%, или 50 тыс. из 125 тыс.). Они имели самый разный образовательный уровень, из них лишь немногие могли говорить по-английски³⁹. Около 26 тыс. (более 20%) из них тем или иным образом относились к преступному миру.

Иммиграция 1980–1981 гг. разрушила идеальный образ богатых и образованных американских кубинцев.

Один высокопоставленный чиновник в Майами так описал свои ощущения: «После мариельской переправы напряженность в Майами усилилась. Даже внутри кубинского сообщества мы не смотрели глаза в глаза. Когда все начиналось, я был горд, что мы, кубинцы, работаем все вместе – была поддержка семей и соседей. Но когда мы поняли, что сделал Кастро, на что он нас обрек, все это развалилось»⁴⁰.

В пункте прибытия участники мариельской переправы были разделены приблизительно на две равные части: группа в Майами (49,8%) имела родственников в Соединенных Штатах; население лагерей (50,2%) не имело никаких родственников и содержалось на одной из четырех военных баз.

Очередной кризис разразился в 1994 г. Это была так называемая массовая волна *бальсерос*⁴¹, высадившихся на берегах Фло-

риды. В августе 1994 г. кубинское правительство прекратило патрулировать свои прибрежные воды, давая зеленый свет любому достаточно храброму человеку построить плот и пересечь Флоридский пролив. С 12 по 23 августа американская береговая охрана перехватила 9 тыс. таких беженцев.

Администрация Б. Клинтона объявила, что Соединенные Штаты не будут больше автоматически принимать *бальсерос* или других нелегальных иммигрантов с Кубы. *Бальсерос*, перехваченные во Флоридском проливе, пересылались в лагеря беженцев, организованные на военно-морской базе Гуантанамо и в Панама. Но это решение уже не могло препятствовать массовым намерениям покинуть остров. С 13 августа по 13 сентября 1994 г., когда кубинское правительство возобновило патрулирование границ, приблизительно 36 тыс. кубинцев бежали с острова. Более 28 тыс. из них были временно заключены в Гуантанамо и Панама, впоследствии большинству из них удалось остаться в США⁴².

Объединенные общим названием «*бальсерос*», они не были однородными по своему составу. Представителей такого способа достижения берегов США можно разделить на три категории. Для немногих избранных, с деньгами и связями, это был «водный способ такси», относительно быстрый и безопасный. Обычно он использовался при поддержке родственников в Соединенных Штатах, которые зачастую и нанимали контрабандиста-перевозчика. Так как водное такси требовало связей и довольно большой суммы денег (затраты, по сообщениям, составляли от 2000 до 6000 долл. в течение 1991–1994 гг.), это был наименее используемый метод и составлял, по оценкам, только 1–2% от общего числа случаев *бальсерос*⁴³.

Вторая группа («способ пари») людей с доступом к лодкам или материалам (двигатели, трубы, древесина, карты, компасы и т.д.), со знанием моря и стратегий спасения. Для этой группы предприятие казалось опасной, но привлекательной азартной игрой. Нередки случаи, когда на подготовку побега уходило от двух до трех лет. На эту группу приходилось приблизительно 50–60% от общего числа случаев.

Наконец, третий, «критический способ», был выбран теми, кто не обладал ни связями, ни стратегией переправы, ни эквивалентом нескольких тысяч долларов. «Критический способ» зачастую означал заключение, если не удавалось уклониться от кубинских прибрежных патрулей, или смерть в море для многих, кто справлялся с первой частью «путешествия»⁴⁴. На «критический способ» приходилось 30–40% случаев. Беглецами часто использовались камеры от покрышек или кустарные плоты. Тече-

ниями их уносило в непредсказуемых направлениях – на берега Техаса, Луизианы, в Северную Флориду, Каролину, Пуэрто-Рико, Мексику, Гондурас, Венесуэлу и другие места⁴⁵.

Рискованность переправы на плотках приводила к катастрофической смертности среди тех, кто отваживался на этот поступок. По разным оценкам, в период с 1959 г. по август 1994 г. при пересечении Флоридского пролива погибло от 16 тыс. до 100 тыс. *бальсерос*⁴⁶.

Желание покинуть остров, сопровождавшее кубинскую иммиграцию с начала революции, глубоко трансформировалось в своих причинах. Иммиграция, начавшаяся как политическое изгнание с целью переждать тяжелые времена, по мере укрепления революционной власти на острове постепенно превращалась в сугубо экономическую задачу. Приток все новых и новых мигрантов в ареал Майами не давал сложиться там относительно стабильной социальной структуре сообщества. Институты, учрежденные с момента основания кубинского сообщества, принципы образования бизнеса и уклада жизни оставались относительно неизбылемыми, но постоянный приток разношерстной публики требовал времени и сил для включения и адаптации в пределах сообщества.

Волна *бальсерос* внесла свои коррективы в кубинское сообщество: 43% общего числа *бальсерос* были в возрасте от 20 и 29 лет (в то время как только 17,7% населения острова приходится на эту возрастную категорию)⁴⁷.

Представители последней волны *бальсерос* были молоды, без какого-либо опыта жизни в капиталистическом обществе и не имели языковой подготовки.

Несмотря на относительно высокий уровень образования, они имели навыки, которые соответствовали устаревшим советским технологиям, системе центрального планирования и социалистической экономике. В результате они вынуждены соглашаться на работу за минимальный размер оплаты⁴⁸.

Если самые первые изгнанники были идеологическими противниками Кастро, то последующих иммигрантов притягивали, скорее, новые экономические возможности в Америке, чем политические и социальное давление на Кубе.

Со временем процесс адаптации внес свои коррективы в социальную структуру кубинской диаспоры. Большинство беженцев и изгнанников из кубинской аристократии и традиционно богатых семей, несмотря на сохранение ими относительного престижа среди иммигрантской группы, теряли как свой социальный статус, так и богатство. Некоторые жили в бедности, другие более комфортабельно. Но фактически все испытали утрату преж-

него социального положения. Их позиции были заняты теми кубинцами, чье происхождение было значительно более скромным, но которые были в состоянии использовать представляющиеся выгодные возможности в рыночной экономике. На этом фоне многие кубинские иммигранты улучшили свой экономический статус, и некоторые существенно⁴⁹.

5.4. Развитие региона Майами

К моменту кубинской революции 1959 г. Майами-Бич уже был известным курортом. Первые из беженцев, получивших при переселении существенную помощь от федерального правительства, вложили эти деньги в бизнес непосредственно в Майами.

Стремительное развитие Майами произошло во многом благодаря массовой иммиграции в этот район кубинцев. Первая волна беженцев содержала большое число профессионалов (не только доктора и адвокаты, но и инженеры, проектировщики, издатели, бухгалтеры), что создало предпосылки для предпринимательского бума и создания новых предприятий, основанных на собственных финансах и специальных профессиональных знаниях⁵⁰.

Ситуация последних лет, например, в областях Хайалиа, Суитотер, Западный Майами и других некорпорированных областях Графства Дейд стала классическим примером кубинского этнического вторжения. Хайалиа, город в пределах большого Майами, меньше двух десятилетий назад был пригородом белых «синих воротничков» с южным происхождением. Сегодня он имеет одну из самых высоких пропорций лиц иностранного происхождения (в 2000 г. население города на 90% состояло из испаноговорящих⁵¹).

С середины 1990-х люди, рожденные на Кубе или кубинского происхождения, представляют самую большую этническую группу Майами. Они составляют 56% населения иностранного происхождения Большого Майами и более 70% всех испаноговорящих в области. Как отмечал один из известных исследователей кубинского сообщества Л. Перес, «в эти дни кубинцы, вероятно, единственные люди, которые действительно чувствуют себя комфортно в Графстве Дейд... Майами теперь – их город»⁵².

Кубинцы живут в Большом Майами повсюду, включая окрестности с преобладающим белым неиспаноговорящим населением. Испано-английская сегрегация не столь высока, как можно было бы ожидать, но это не относится к испаноговорящей чернокожей сегрегации⁵³.

Кубинское сообщество Майами оценивается как первый пример в Соединенных Штатах истинного этнического анклава. Его отличают особые черты экономического формирования, характеризующегося общим населением, территориальной концентрацией иммигрантов, которые создали систему предприятий для обслуживания своего собственного этнического рынка.

Майами – столичная область в Соединенных Штатах с самым высоким на душу числом кубинских предпринимателей и служащих. Предпринимательская основа сообщества была реализована теми иммигрантами, которые прибыли в начале 1960-х годов. Сильная и разнообразная деловая активность предопределила наиболее важную особенность анклава: сформированность и самодостаточность. Кубинцы в Майами могут жить буквально всю жизнь в пределах этнического сообщества. Широкий диапазон продаж и услуг, включая профессиональные, медицинские и образовательные, доступные в пределах сообщества, делает возможным существование подобной замкнутости и самодостаточности.

На протяжении последних десятилетий эта диаспора играет важную роль в экономической жизни Майами. В отличие от мексиканцев, которые должны присоединяться к открытому трудовому рынку в периферийных секторах экономики по всей стране, многие недавние кубинские иммигранты входят в американский трудовой рынок главным образом через большое количество предприятий в Майами, которые созданы или используются членами их собственной группы.

Этнические обязательства обеспечивают неофициальные сети поддержки, которые облегчают изучение новых навыков и процесса экономического регулирования. Положительное значение анклава для экономического регулирования является фактором, который поддерживает относительно высокое социально-экономическое положение кубинской диаспоры по сравнению с многими другими этническими группами иммигрантов.

Самодостаточность и целостность анклава сделала испанский язык общеупотребительным в Майами. Это язык широкого диапазона деловых и личных сфер вне первичной этнической группы. Столь широкое распространение испанского языка сделало проблему двуязычности в Майами взрывоопасной темой межэтнических отношений⁵⁴.

Существование анклава имеет важное значение также для процесса аккультурации. Его замкнутость замедляет процесс ассимиляции, поскольку изолирует иммигранта от доминирующего общества и культуры, позволяя сохранять культуру происхождения.

Другим фактором, задерживавшим процесс ассимиляции кубинцев в Майами, являлось их восприятие самих себя как вынужденных иммигрантов, с постоянным ожиданием возвращения и, следовательно, с небольшим желанием или побуждением перенимать нормы и ценности доминирующей культуры. Влияние этого мотива было особенно велико на ранних стадиях массового бегства в постреволюционный период. Каждая новая волна беженцев с острова сводила на нет результаты процесса ассимиляции, уже пройденного кубино-американцами. Вновь прибывшие возобновляют и укрепляют материнскую культуру в пределах иммигрантского сообщества.

Характер кубинской идентичности в Майами можно определить двумя признаками: во-первых, кубинская этничность, включающая антикастровский налет опыта изгнания, выраженный в политическом консерватизме (особенно во внешней политике); и, во-вторых, испанский язык и культура, включая католицизм. Два этих фактора являются стержнем политической активности диаспоры. Ориентированность на политическую ситуацию на острове, консерватизм и антикоммунизм первого поколения изгнанников сформировали те базисные представления о ценностях и целях сообщества, которые и по сей день все еще являются ориентирами при принятии политических решений сообществом.

Политические символы, рожденные еще в 60-х годах, продолжают служить связующим звеном для формирования единого сообщества.

На протяжении 1960-х и в начале 1970-х годов большая часть кубинской политической активности в Майами концентрировалась прежде всего вокруг проблемы свержения Ф. Кастро и предоставления иммигрантам возможности возвратиться на родину. В этот период американская внешняя политика в отношении Кубы была направлена на то, чтобы укрепить ядро антикастровской политики подчеркнуто низкими ставками гражданства.

Как наиболее важные и широко разделяемые среди изгнанников, эти цели постепенно преобразовались в важные символы сообщества. Они основывались на ненависти к Кастро и к коммунизму. Помимо связующей и объединяющей роли, такие символы стали мощными рычагом мобилизации кубинской политической поддержки для людей, баллотирующихся в местные органы власти.

На местном уровне символическая политика выкристаллизовывалась вокруг таких проблем, как американская внешняя политика в Центральной Америке, антикоммунизм и билингвизм. Эти проблемы были особенно важны в те годы, когда влияние

диаспоры только начинало укрепляться. Озабоченность внешне-политическими проблемами создала любопытный феномен, когда вопросы межгосударственных отношений становятся предметом обсуждения на муниципальном уровне. Так, в течение 16-месячного периода в 1982–1983 гг. Городская комиссия Майами (Miami City Commission) выпустила двадцать восемь формальных постановлений и законов, имеющих отношение к американской внешней политике, а в 1979 г. муниципалитет города Суитуотер выпустил постановление, объявляющее Фиделя Кастро и всех должностных лиц его правительства *persona non grata*⁵⁵. Как выразился один комментатор, «Майами, вероятно, единственный город в Соединенных Штатах, где антикоммунизм – муниципальная проблема»⁵⁶.

Антикоммунистический настрой времен разгара «холодной войны» повлек за собой массивную федеральную помощь, укрепившую структуру кубинского сообщества. Это поставило его в очень выгодное положение, значительно более выгодное, чем у любой иммиграционной группы в американской истории.

С укреплением влияния второго и третьего поколений кубинских американцев интенсивность традиционного национализма уменьшилась, в то время как появилось ощущение новой кубино-американской этнической принадлежности (диаспоральной по смыслу).

Кубинцы не уникальны в фокусировании внимания на символических проблемах, они не первая группа иммигрантов, которая озабочена вопросами, связанными с условиями жизни на их родине и с американской внешней политикой, которая может затрагивать эти условия. Скорее, такие проблемы укрепляют сплоченность против какой-либо враждебной политической обстановки. В случае с кубинцами в Майами, их успех в насаждении таких проблем в местный политический диалог является важным барометром широты и глубины развития диаспоры.

Роль, которую играли символические проблемы при изменении политического статуса объединения, нельзя недооценивать. Она была особенно существенна в ранние годы вовлечения кубинцев в местную внутреннюю политику, когда символы, часто даже вне юрисдикции местных органов власти, служили катализатором для солидарности и идентичности группы в новой политической обстановке и культуре. Постепенно, добившись значительного политического успеха на местном уровне (иногда даже на уровне штата и национальном), кубинское объединение расширяло свое политическое влияние, все более находя поддержку некубинцев по многочисленным проблемам общественного развития⁵⁷.

Нельзя, однако, утверждать, что те символические проблемы, которые часто были в центре политического диалога в кубинском объединении, утратили свою актуальность. Хотя было сделано некоторое движение в сторону инкорпорации с доминирующей культурой, роль символов в начальном поддержании кубинской этнической идентичности предполагает, что диаспора не ассимилируется с той готовностью и быстротой, как могло показаться. Скорее, речь идет не об ассимиляции, а об адаптации к фактам американской экономической и политической обстановки.

5.5. Проблема билингвизма

Сегодня Майами – фактически двуязычный город, но его социальная конфигурация отличается по важным позициям от подобных двуязычных городов. Прежде всего, в Графстве Дейд билингвизм стал широко распространенным относительно недавно и поэтому, в отличие от областей с давним опытом контакта языков (например, Юго-Запада), такую ситуацию можно наблюдать почти от самого ее начала.

Билингвизм здесь – результат не постепенной иммиграции, а массового и внезапного переселения.

На формирование современной ситуации значительное влияние оказал тот факт, что кубинцы не живут в ограниченном испаноговорящем окружении, а широко распределены по всему графству. При этом явное предпочтение отдается именно смешанному языковому соседству⁵⁸.

Современные исследования использования испанского и английского языков показывают изменение роли каждого из них в повседневной жизни американских кубинцев. Выбор языка общения во многом определяется ситуацией и степенью владения английским языком. Для каждого поколения и волны иммиграции уровень владения английским языком разный.

Вне зависимости от места рождения, на Кубе или в США, для подавляющего большинства кубинцев (около 94%), проживающих в Майами, испанский является языком, приобретенным в детстве, и только 6% одновременно изучали испанский и английский языки⁵⁹.

Для многих кубинцев ценность двуязычия своих детей выдвигается на первый план. Второе поколение выросших на американской земле кубинцев воспринимает факт экономической состоятельности уже не только в пределах диаспоры, но скорее во взаимоотношениях и сотрудничестве с предприятиями англосособщества. Так, абсолютное большинство кубинцев (99,4 %) отме-

чают, что они хотели бы, чтобы их дети были двуязычными, и 91% утверждает, что их дети фактически двуязычны⁶⁰.

Если рассмотреть несколько сфер использования испанского языка в повседневной жизни, то обрисовывается четкая картина приоритетного испано- и англоязычного общения: работа и сфера занятости, образование, общение с банковскими служащими и, наконец, внутрисемейные взаимоотношения.

Выбор языка на работе главным образом связан с тем, работает человек в пределах этнического анклава или нет. По сообщениям 1980 г., только 17% из общей совокупности исследуемых лиц в Майами говорили на работе исключительно или преимущественно по-английски. Удивительно то, что для 33,6% требуется только испанский, а 22,9% разговаривают главным образом на испанском. Только 26,5% признали, что на работе они в равной степени говорят на обоих языках. Как и 20 лет назад, хороший английский – не обязательное условие для карьерного продвижения в кубино-американском сообществе, и многие предприниматели являются или моноязыковыми, или обладают ограниченными навыками английского языка⁶¹.

В общем верный тезис о том, что уровень владения английским языком у представителей этнических меньшинств в США напрямую зависит от экономических достижений, оказывается не совсем верным для случая с испаноговорящими американцами. Этнический анклав, формирующий занятость и работу, дает возможность быть экономически успешным независимо от уровня знания английского языка⁶².

В то же время нельзя недооценивать роль английского языка как основного сподвижника социально-экономического продвижения в сфере занятости «белых воротничков». В рабочей обстановке английский язык доминирует в разговоре со старшими по должности, в общении же с коллегами, а также в неофициальном общении двуязычное взаимодействие воспринимается, скорее, как норма.

Кубинцы второго поколения главным образом используют английский язык при обращении к банковским служащим и секретарям, так как они знают, что английский язык доминирующий, особенно в обсуждении финансовых вопросов. В ситуации, когда обращение поддержано по-испански, может наблюдаться существенное заимствование из английского языка, так как очень часто собеседники незнакомы с испанской банковской терминологией⁶³.

Различие в использовании языка во многом объясняется временем пребывания в США. Для 74,3% тех, кто прибыл в страну в уже зрелом возрасте, испанский язык остается предпочтитель-

Таблица 13

Использование языка в семье (%)⁶⁵

Язык	С бабушками / дедушками		С родителями		С супругами		С детьми		С братьями / сестрами	
	группа*		группа		группа		группа		группа	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Испанский	97,5	94,6	95,1	53,2	78,6	9,7	36,8	11,8	84,5	6,9
Английский	0,0	0,0	1,6	2,1	10,7	64,5	15,8	11,8	1,7	40,2
Оба языка	2,5	5,4	3,3	44,7	10,7	25,8	47,4	76,5	13,8	52,9

* 1 – представители первого поколения кубинцев в США, 2 – представители второго поколения.

ным, в то время как 96% рожденных в стране отмечали, что в равной степени могут говорить на двух языках, и английский быстро становится предпочтительным⁶⁴.

На протяжении последних лет тенденция постепенного увеличения доли английского языка во внутрисемейном общении становится все более очевидной. Хотя считается, что семейная ячейка – последний оплот этнического языка в местах двуязычного проживания, именно здесь межпоколенная трансформация выглядит наиболее отчетливо (см. табл. 13).

Испанский остается привилегированным языком для общения с бабушками и дедушками, а также представителями их поколения; в то время как использование английского языка доминирует среди супругов второго поколения и существенно увеличивается среди братьев и сестер, которые принадлежат к этой же самой категории. Среди кубинцев второго поколения число браков с некубинцами значительно выше, чем у первого. Почти половина всех лиц в первой группе использует оба языка в разговоре с детьми, обнаруживая смещение к английскому языку даже среди членов первого поколения; с другой стороны, три четверти респондентов на службе используют оба языка. Очевидное смещение в сторону английского языка, по данным многочисленных исследований, показывает снижающийся статус испанского как первичного домашнего языка кубино-американских семейств.

Другие индикаторы межпоколенного изменения языка показывают, что когда просят выбрать “наиболее удобный язык”, то 66,7% всех лиц второй группы выбирают английский язык, в то время как 80% первой группы выбрали испанский. Когда требуется выбрать любимый язык, 64,3% второй группы останавливаются на английском языке, в то время как 75% группы первого

поколения выбирают испанский. Кроме того, 63,6% второй группы полагает, что они могут лучше выражать свои мысли по-английски, принимая во внимание, что 75% группы представителей первого поколения полагают, что испанский будет более адекватным для этой цели⁶⁶.

В настоящее время оба языка переживают период лингвистической трансформации в рамках кубино-американского этнического сообщества.

Неполная двуязычность даже у второго поколения кубинцев рождает уже известный по другим испаноговорящим группам США феномен «спэнглиш» (Spanglish) – лингвистической смеси испанского и английского языков. Многие молодые кубинцы используют смесь языковых заимствований в общении со сверстниками, вставляя английские слова и фразы. Только один пример: существенное число молодых кубино-американцев не знает, как использовать формальную форму обращения «Usted» (Вы) и используют фамильярное «tu» (ты) для лиц, требующих обращение типа «Profesor» (профессор), «Señor» (господин) или «Señor Alcalde» (господин мэр)⁶⁷.

Смещение в сторону английского языка – одна из тенденций межпоколенной трансформации современного Майами. Но означает ли это, что язык, которому штат Флорида обязан своим названием, сдает свои позиции в этом регионе? В обозримом будущем однозначно этого не произойдет, так как механизмы, поддерживающие использование испанского языка, конкурируют с силами, продвигающими его изменение.

Устойчивый приток «свежей крови» как с Кубы, так и из других карибских и латиноамериканских стран, постоянно пополняет этническое языковое объединение и более чем компенсирует уменьшение первоначальной группы иммигрантов. Каждый год Майами обслуживает значительное число говорящих по-испански туристов, которых привлекает тот факт, что они могут купить американские товары и услуги на их собственном языке. Это означает, что лица, говорящие по-испански, будут необходимы для обеспечения туристического потока как в частном, так и в общественном секторах.

В отличие от других двуязычных общин в стране, испанский язык во Флориде не ограничен уровнем семейного быта и соседских отношений, а активно используется в престижных общественных институтах, образовательных учреждениях, средствах массовой информации и на работе.

Возможно, что социальные условия, которые сегодня уравнивают и сдерживают смещение к английскому языку, могут измениться и в конечном счете изменят социоязыковой профиль

Майами. Однако сейчас «aquí se hablan español» (здесь говорят по-испански).

Сосредоточенность на внутринациональных проблемах, помноженная на агрессивное поведение по отношению к окружающей социальной среде, создали комплекс межэтнических проблем в регионе Майами.

«Столица Латинской Америки в США» – Майами – аккумулирует финансовые потоки своих южных соседей, давая каждому именно то, что ему необходимо: отмывает деньги, полученные от торговли наркотиками из Карибской и Южной Америки, и особенно из Колумбии; является туристическим центром для испаноговорящего населения Западного полушария, одним словом, уже более 20 лет Майами – космополитический центр для более чем 342 млн жителей Латинской Америки.

Как отмечал Морис Ферре (Maurice Ferre), бывший мэром города в 70-х годах, «Майами не был бы тем, чем является, если бы не кубинское сообщество». Он рассматривал шумную агрессивность кубинцев как уникальную в латиноамериканском мире. «Большинство испаноговорящих общин имеет способность злоупотреблять пассивностью. Они не очень требовательны и счастливы немногим. Но не кубинцы. Они – чрезвычайно соревновательны и чрезвычайно агрессивны. Мало того, что они хотят лучшее, они хотят этого сразу»⁶⁸.

Но если Майами стал финансовым раем для латиноамериканцев, то он также стал экономическим адом как для собственных чернокожих, так и для белых англоговорящих жителей. Недовольство, которое кипит в пределах белого англоговорящего сообщества, более тонко. Наряду с чернокожими, «белый» Майами обижается на концентрацию финансовой власти, достигнутой кубинскими изгнанниками, они также обижаются на предоставление равных прав другому языку и другой культуре в жизни, которая до недавнего времени была комбинацией только южных и северных корней.

Всплеск недовольства со стороны англоговорящего сообщества пришелся на начало 80-х годов. Драматический референдум по проблеме двуязычности в Майами обнажил нарастающее недовольство массовым вторжением испаноязычных иммигрантов в Южную Флориду.

Референдум по билингвизму (1980 г.) был проведен по принятому 15 апреля 1973 г. окружному закону, который официально учредил в Графстве Дейд двуязычность. Сторонники указанного закона предложили легализовать растущую практику обеспечения правительственной литературой и обслуживанием неанглоговорящих жителей округа, а также растущего числа латиноамериканцев.

риканских туристов и бизнесменов, которые играли все более и более важную роль в экономике Майами. Также закон отразил лингвистические реалии Майами, в котором, по оценкам, в 1980 г. более чем 40% испаноговорящего населения области имели «нулевые» или «скудные» навыки английского языка⁶⁹.

В течение ряда лет закон 1973 г. оставался на бумаге. Политическое значение имел только тот факт, что закон был воспринят многими кубинцами как символический жест, сделанный Комиссией округа, который признал широту и глубину испаноговорящего присутствия кубинского населения.

Накал ситуации с кубинским присутствием в регионе совпал с функционированием переправы Мариель, что создавало свои специфические проблемы. В результате инициированный гражданами в 1980 г. референдум ставил вопрос о том, что «расход фондов округа с целью использования любого другого языка, кроме английского, или продвижение любой другой культуры, чем устоявшаяся в Соединенных Штатах, будут запрещены»⁷⁰.

Опрос «Майами Геральд» показал, что почти половина проголосовавших за эту инициативу выразила таким образом свой «протест» и «озабоченность» опытом взаимодействия с латиноамериканским населением округа, а не потому, что считали сам закон плохой идеей. Символическое значение двуязычного закона 1973 г. для кубинского сообщества стало катализатором антидвуязычной инициативы 1980 г. В конечном счете этническая принадлежность оказалась первичным фактором, определившим голосование большинства людей. Среди голосовавших неиспаноговорящих белых 71% поддержал антидвуязычную инициативу; 85% латинских избирателей выступили против этого⁷¹.

Противоречия между англоговорящим и испаноязычным сообществом постоянно протекают в латентной форме. Первичное доказательство «английского бегства» из Большого Майами можно получить из ежегодной статистики средней школы Графства Дейд. Если сравнить статистику приема и зачислений по этнической принадлежности в течение 1988/89 учебного года с аналогичными данными 13-летней давности (учебный год 1975/76), то результаты будут потрясающие. Численность испаноговорящих студентов увеличилась на 60,4%, чернокожих – на 35,9%, а число студентов, классифицированных как «белые неиспаноговорящие» уменьшилось на 42,7%⁷². Не желая участвовать в том, что расценивается как «неизбежная латинизация» Майами, многие англоговорящие отвечают на массовый приток кубинских иммигрантов соответствующим собственным бегством в другие части Флориды⁷³.

5.6. Кубинцы за пределами Флориды

Преобразование кубинцами Майами вынуждает провести переоценку идей о том, как развиваются городские центры и как иммиграция затрагивает это развитие. Кубино-американский опыт в Майами показывает, что вновь прибывшие в американский город могут достичь беспрецедентной власти и престижа в одном поколении, если выполнены шесть условий: (1) принимающий город должен быть относительно небольшим, со слабой изначальной структурой лидерства; (2) существенная часть иммигрантов должна быть особенно богата либо в материальных, либо в человеческих ресурсах; (3) иммигранты имели предыдущий контакт с городом, преимущественно как туристы, политические изгнанники или как деловые люди, но не как экономические иммигранты; (4) этническая категория иммигрантов не представлена чрезмерно в бедных слоях исконного населения; (5) большое число иммигрантов одной и той же страны происхождения «затопляет» область, и, что более важно, они способны создать дифференцированную классовую социальную структуру в пределах города. Это позволяет создать ядро экономического анклава, верхние классы производят и используют свой капитал, оплачивая рабочую силу, обеспеченную представителями этнической группы более низких социальных уровней; (6) развитию анклава, в свою очередь, помогает распределение помощи (прямой или косвенной) от правительства, реструктурирование экономики по пути, который увеличивает ценность некоторых характеристик диаспоральной группы (например, двуязычие и международные контакты)⁷⁴.

Американское правительство, создавшее для прибывающих кубинцев беспрецедентные прямые и косвенные программы помощи, затратило в период с 1965 по 1976 гг. почти 1 млрд долл. Федеральное правительство обеспечило расходы на переправу с Кубы, работу общественных агентств, которые предоставляли услуги и открывали курсы для беженцев⁷⁵.

Ситуация в кубинской диаспоре осложняется тем, что она постоянно пополняется новыми иммигрантами с острова, и этот круг трансформации идентичности каждый раз приходится проходить заново, из-за этого можно наблюдать большую разнородность кубинской общины в зависимости от региона и числа лет, прожитых в США.

Несмотря на тот факт, что Южная Флорида сейчас объединяет большинство американо-кубинского населения, важно отметить, что не все кубинцы проживают в Майами и что значительные кубино-американские общины располагаются повсюду в Со-

единенных Штатах. Самая большая концентрация вне Майами находится в Нью-Йорке, Нью-Джерси, особенно в Юнион-Сити и Западном Нью-Йорке. В целом кубинцы, живущие в этих индустриальных общинах, в большинстве сконцентрированы в сфере занятости «синих воротничков», голосуют за демократов и имеют несколько более либеральные представления по проблеме отношений с родиной⁷⁶.

Американские кубинцы – горожане. По этому показателю они превосходят в пропорции городское / сельское население не только все американское население в целом, но также и все другие испаноговорящие группы.

Заметные кубино-американские общины существуют в самых больших американских городах, таких как Лос-Анджелес и Чикаго. По сравнению с кубинцами, живущими в двух главных общинах Майами и Нью-Йорка – Нью-Джерси, они имеют лучшую профессиональную квалификацию и более высокие доходы. Одно из объяснений этого явления состоит в том, что те, кто при переселении были способны получить хорошую работу, не испытывали необходимости присоединиться к потоку возвращающихся в Майами. Проживание за пределами анклава обогащало их профессиональный опыт и квалификацию. Осевшие в других регионах страны добивались более высококвалифицированных рабочих мест.

Кубинское население за пределами Флориды лучше образовано и имеет более высокий средний уровень доходов. Эти кубинцы, живущие в общинах с немногими своими соотечественниками, также показывают более высокую степень культурной ассимиляции с американским обществом; особенно это относится к их детям: лишенное изолированности, которую создает анклав в Майами, второе поколение кубинских американцев хуже говорит на испанском языке и с большей вероятностью вступают в брак с некубинцами⁷⁷.

С течением времени межпоколенные изменения становятся все более заметными. Присущие кубинцам первого поколения увлеченность проблемами внешней политики и антикастровской деятельностью, во втором и тем более в третьем поколении перестают доминировать, а отношение к Кубе становится скорее позитивным, и приоритет политических задач начинает концентрироваться на внутриэтнические проблемы в самих США, а не на внешнего врага.

Несмотря на относительно высокую степень ассимиляции и идентификации с США, кубино-американское сообщество тем не менее сохранило многие черты *кубанидад* и прочного интереса к политике острова⁷⁸.

Они, подобно более современным волнам мигрантов, сделали переход от изгнания к этнической группе и могут требовать даже больше, чем их родители, двойной идентичности. Они – «поколение постизгнания».

Появление этого драматического межпоколенного изменения стало очевидным в рамках участия кубинцев в традиционных институтах англоговорящего сообщества (банки, юридические фирмы, страховые компании, недвижимость, реклама, профессиональные услуги и общественная бюрократия). На верхних уровнях уже есть достаточное количество кубинцев, особенно в частном секторе. На более низком и на уровне среднего управления сложилась критическая масса молодых кубинских профессионалов. Их обучение, также как двуязычные и бикультурные навыки, сделало их привлекательными для работодателей, особенно в условиях, когда большое число фирм стремится обслуживать растущее испаноговорящее население области. Кроме того, постепенный исход англоговорящего населения из Графства Дейд уменьшил кубинцам конкуренцию и борьбу за эти рабочие места.

Молодые профессионалы имеют все шансы выйти из-под опеки этнического анклава и получить работу в больших фирмах и учреждениях вне этнического сообщества. На смену старой когорте первого поколения, создавшей анклав, приходят те, кто приехал в США детьми или уже родился в этой стране. В этом поколении вероятность и стремление стать профессионалами, а не предпринимателями, значительно больше. Несколько отдаленное от своего кубинского происхождения, новое поколение кубинцев Майами скорее будет осознавать себя иммигрантами, чем изгнанниками, и легко найдет точки соприкосновения и солидарность с другими этническими группами в сообществе.

* * *

История формирования и развития кубинской диаспоры в США сочетает в себе как общие для всей Латинской Америки черты эмиграционных процессов и адаптации к новым цивилизационным обстоятельствам жизни в США, так и некоторые особенности. Они связаны с тремя факторами: 1) первоначальное перемещение табачной промышленности с острова на материк и соответственное перераспределение рабочей силы; 2) особенности борьбы кубинцев за свою независимость от Испании, три этапа революционных выступлений и связанные с этим взаимодействия с прогрессивными силами в Северной Америке; 3) антибатистовская революция 1959 г. и последующий режим Ф. Кастро, породившие отток большого числа сторонников Ф. Батисты и недругов Ф. Кастро с Кубы в США.

Немалые особенности наблюдаются в жизни кубинской диаспоры и в плане развития в ее среде билингвизма, особенно в ее территориальной концентрации, а также уровня вовлеченности различных групп в бизнес, политику и культуру США.

Своеобразное лицо и характер кубинской диаспоры во многом носят уникальный характер. Его не спутаешь с другими (мексиканской, пуэрто-риканской, испанской) диаспорами. И это многообразие является ярким свидетельством богатства и силы латиноамериканских культур и этносов, того огромного потенциала, которым обладает весь континент.

- ¹ Statistical Abstract of the United States. Wash., 2000. P. 404.
- ² Pérez L. Cubans // Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge (Mass.), 1980. P. 256.
- ³ Rivero Muñiz R. Tabaco: Su historia en Cuba. La Habana, 1965. T. 2. P. 291.
- ⁴ Stubbs J. Tobacco on the Periphery: A Case Study in Cuban Labour History, 1960–1958. Cambridge, 1985. P. 18–21.
- ⁵ Табакеру́я (*tabaquería* – *исп.*) – небольшая фабрика по производству сигар ручной скрутки.
- ⁶ García Calló G.J. Biografía del tabaco habano. La Habana, 1961. P. 179.
- ⁷ Poyo G.E. The Cuban Experience in the United States, 1865–1940: Migration, Community and Identity // Cuban Studies. Pittsburgh, 1991. № 21. P. 25.
- ⁸ Ibid. P. 25.
- ⁹ The Encyclopedia of American Cities. N.Y., 1980. P. 339.
- ¹⁰ Poyo G.E. The Cuban Experience in the United States, 1865–1940. P. 25.
- ¹¹ Estellie Smith M. The Spanish-speaking Population of Florida // Spanish-speaking People in the US: Proceeding of the 1968 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society / Ed. by J. Helm. Seattle; L., 1970. P. 124.
- ¹² Ibid. P. 125.
- ¹³ Covington J.W. Ybor City: A Cuban Enclave in Tampa // The Florida Anthropologist. S.l., 1966. P. 86.
- ¹⁴ Estellie Smith M. Op. cit. p. 125.
- ¹⁵ García Calló G.J. Op. cit. P. 180.
- ¹⁶ Это событие, столь значимое для кубинской общины в США, было увековечено на фасаде одной из табачных фабрик барельефом с фигурой Х. Марти, выступающего перед рабочими.
- ¹⁷ Castellanos G. Mision a Cuba: Cayo Hueso y Marti. La Habana, 1944. P. 21; Столбов В.С. Хосе Марти – революционер и поэт // Куба: Ист.-этн. очерки. М., 1961. С. 453.
- ¹⁸ Столбов В.С. Указ. соч. С. 455.
- ¹⁹ Covington J.W. Op. cit. P. 87.
- ²⁰ Poyo G.E. The Cuban Experience in the United States, 1865–1940. P. 30.
- ²¹ García Calló G.J. Op. cit. P. 182.
- ²² Ibid.
- ²³ Poyo G.E. «With All, and for the Good of All»: The Emergence of Popular Nationalism of the Cuban Communities of the US, 1848–1898. Durham: N.C. Duke University Press, 1989. P. 106–109.

- 24 *Poyo G.E.* The Cuban Experience in the United States, 1865–1940. P. 27.
- 25 *Poyo G.E.* «With All, and for the Good of All». P. 106–109.
- 26 *Poyo G.E.* The Cuban Experience in the United States, 1865–1940. P. 28.
- 27 *Rivero Muñiz R.* Op. cit. P. 314, 321–322.
- 28 *Poyo G.E.* The Cuban Experience in the United States, 1865–1940. P. 32.
- 29 *Cordasco F.* Dictionary of American Immigration History. Metuchen; New Jersey; L., 1990. P. 153.
- 30 *Pérez L.* Cubans // Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge (Mass.), 1980. P. 256.
- 31 *Ibid.* P. 257.
- 32 American Immigration Cultures: Builders of a Nation / Ed. by D. Levinson and M. Ember. N.Y., 1997. Vol. 1. P. 197.
- 33 *Pérez L.* Cubans. P. 257.
- 34 American Immigration Cultures ...Vol. 1. P. 197.
- 35 *Estellie Smith M.* Op. cit. P. 123.
- 36 *Ibid.* P. 123.
- 37 *Pérez L.* Cubans. P. 257; Statistical Abstract of the U.S. P. 46.
- 38 *Cordasco F.* Op. cit. P. 154.
- 39 *Ackerman H.* The Balsero Phenomenon, 1991–1994 // Cuban Studies. Pittsburgh, 1996. № 26. P. 180.
- 40 *Molyneux M.* The Politics of the Cuban Diaspora in the U.S. // The U.S. and Latin America: The New Agenda. L., 1999. P. 290.
- 41 *Бальсерос (balseros – исп.)* – люди, бежавшие с Кубы на маленьких лодках, плотках местного производства (balsas) или на камерах с намерением достичь берегов США. Они покидали Кубу с 1959 г. в массовом порядке, сформировав два основных цикла: 1959–1974 гг. и 1989–1994 гг.
- 42 American Immigration Cultures... P. 197.
- 43 *Ackerman H.* Op. cit. P. 171.
- 44 *Ibid.* P. 170.
- 45 *Ibid.* P. 172.
- 46 *Ibid.* P. 173.
- 47 *Ibid.* P. 178.
- 48 *Ibid.* P. 187.
- 49 *Pérez L.* Cubans. P. 258.
- 50 Immigrants, Refugees and U.S. policy / Ed. McClellan. N.Y., 1981. P. 64.
- 51 [www: census.gov/population/socdemo/hispanic/](http://www.census.gov/population/socdemo/hispanic/)
- 52 *Pérez L.* The 1990s: Cuban Miami At The Crossroads // Cuban Studies. Pittsburgh, 1990. № 20. P. 4.
- 53 American Immigration Cultures. P. 198.
- 54 *Ibid.* P. 200.
- 55 *Stack J.F. Warren C.L.* Ethnicity and the Politics of Symbolism in Miami's Cuban Community // Cuban Studies. Pittsburgh, 1990. № 20. P. 19.
- 56 *Ibid.* P. 18.
- 57 *Ibid.* P. 25.
- 58 *Castellanos I.* The Use of English and Spanish Among Cubans in Miami // Cuban Studies. Pittsburgh, 1990. № 20. P. 51.
- 59 *Ibid.* P. 53.

- ⁶⁰ Ibid. P. 53.
- ⁶¹ *Diaz G.* Evaluation and Identification of Policy Issues in the Cuban Community. Miami: Cuban National Planning Council, 1980.
- ⁶² *Garcia O., Otheguy R.* The Language Situation of Cuban Americans // Language Diversity Problem or Resource? / Ed. S. McKay, C. Wong. N.Y., 1988. P. 175.
- ⁶³ *Castellanos I.* The Use of English and Spanish Among Cubans in Miami // Cuban Studies. Pittsburgh, 1990. № 20. P. 54.
- ⁶⁴ Gale Encyclopedia of Multicultural America. Detroit, 1995. Vol. 1. P. 389.
- ⁶⁵ *Castellanos I.* The Use of English and Spanish Among Cubans in Miami // Cuban Studies. Pittsburgh, 1990. № 20. P. 58.
- ⁶⁶ Ibid. P. 59.
- ⁶⁷ Ibid.
- ⁶⁸ Immigrants, Refugees and U.S. policy. P. 65.
- ⁶⁹ *Stack J.F., Warren C.L.* Op. cit. P. 16.
- ⁷⁰ Miami Herald. 1980. Nov. 5. P. 1a, 11a.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² *Perez L.* The 1990s: Cuban Miami At The Crossroads. P. 4.
- ⁷³ Immigrants, Refugees and U.S. policy. P. 64.
- ⁷⁴ American Immigration Cultures... P. 203.
- ⁷⁵ Ibid. P. 201.
- ⁷⁶ Ibid. P. 198.
- ⁷⁷ Ibid. P. 198.
- ⁷⁸ *Molyneux M.* Op. cit. P. 292.

Глава VI

ПУЭРТОРИКАНЦЫ НА МАТЕРИКЕ

Первопоселенцы на острове, получившем позже название Пуэрто-Рико, пришли на него с территории современной Флориды, т.е. с материка. На этом основании пуэрториканцы тоже могут быть отнесены к коренным народам Америки. Но испанские конкистадоры захватили остров и дали ему нынешнее имя, а их потомки и их рабы, унаследовавшие испанский язык, даже переселившись на континент, могут рассматриваться американскими индейцами как колонизаторы. Большинство американских писателей и журналистов видят в пуэрториканцах просто мигрантов с острова. В свою очередь, некоторые пуэрто-риканские националисты винят «американских империалистов» в колониалистском заговоре против пуэрто-риканской нации, которую они искусственно разделили, заставив чуть ли не половину нации покинуть свою историческую родину и переселиться на континент, где пуэрториканцы бедствуют и считаются гражданами «второго сорта».

Эти аргументы, не всегда достаточно убедительные, тем не менее отражают какие-то грани реального бытия североамериканской цивилизации. Собственно говоря, пуэрториканцы вплоть до конца XIX в. бесспорно входили в состав иберо-американской метацивилизации и на протяжении почти всего XX столетия вопрос об их месте то ли в латиноамериканской, то ли в североамериканской цивилизации оставался спорным. Остается спорным он и в наши дни.

Однако бесспорным является тот факт, что со времен Второй мировой войны, существовавшая на материке США, преимущественно в Нью-Йорке, пуэрто-риканская община превращается в компактную диаспору, распространяющуюся по всей стране. Эта диаспора, сохраняя теснейшие связи с родным островом, приобретает и специфические черты отличия под воздействием новой среды. Официальная статистика США считает пуэрториканцами только уроженцев острова и их детей, родившихся на материке. У них родились там дети и внуки, но первые учитываются очень

плохо, особенно негры и мулаты, а последние не учитываются вообще.

Более убедительным нам представляются данные переписей населения, когда каждый человек сам определяет свое национальное происхождение или свою национальность. Именно этот принцип применяется демографами при проведении переписей населения.

Нам приходится довольствоваться преимущественно социологическими обследованиями, реализованными североамериканскими и пуэрто-риканскими социологами, данными официальной статистики США, а также обширными материалами, представленными социальными антропологами, филологами, историками, работающими в США и Латинской Америке, литературой и журналистикой второй половины XX столетия.

В нашу задачу не входит рассмотрение драматической истории пуэрто-риканской нации. Тем не менее, чтобы понять черты сходства и отличия между пуэртोरиканцами, живущими на родном острове, и пуэртोरиканцами на материке, приходится сделать экскурс в историю нации. В известной мере она отразила ряд общих особенностей развития народов в других районах Америки.

6.1. Индейский компонент в формировании нации

Когда испанцы высадились на острове, то они застали там сложную картину противоборства разных культур первопроходцев Америки – индейцев. К этому времени первые поселенцы острова – собиратели моллюсков, корней и плодов растений, рыболовы, добравшиеся сюда с территории Флориды на плотах и жившие небольшими группами, были уже почти вытеснены пришельцами с юга. Именно эта северная группа индейцев должна считаться коренным народом, первооткрывателем острова.

Эти новые поселенцы достигли острова, передвигаясь на лодках с одного острова на другой. Они пришли сюда с территории нынешней Венесуэлы и говорили на языках аравакской группы.

Пришельцы с юга подразделялись на две разные ветви и стояли на разных стадиях социально-экономического развития. Те, кто переселился с острова, который ныне носит имя Тринидад, назывались игнерис и жили рыболовством, но уже умели обрабатывать камень и овладели началами гончарного мастерства. Их социальная организация была еще примитивной.

Гораздо позднее до острова добрались с юга индейцы, стоявшие на более высокой ступени социальной организации. Испан-

цы называли их таино, приняв обозначение их племенной знати (нитаино) за самоназвание. Эти индейцы жили на острове оседло, занимались не только добычей даров моря, но и земледелием, ремеслами. Они изготавливали орудия труда и орудия из дерева и камня. Их грозным оружием были боевые топоры с лезвием из камня, лук и стрелы, а не только копья. Таино делились на племена, но имели верховного вождя и общую систему религиозных представлений – мифов. У них сложилась развитая социальная система, в которой женщина обладала довольно большой свободой в брачных отношениях и общественной жизни. Таино разработали сложную мифологию. По их представлениям, за океаном находилась вулканическая земля Озтс. Много тысяч лет тому назад во время извержения огненная лава выплеснулась с невероятной силой, и из нее образовались острова. Первым из них оказался остров Боринкен (земля великого владыки), как нарекли его аборигены. Индейцы верили в духов: доброго духа, который назывался Йокахэ, и злого, который носил имя Хуракан. Его имя и теперь обозначает ураган – одно из самых страшных стихийных бедствий, с которым сталкивается человечество. Матерью всех духов была Атабей, олицетворявшая природу. Это лишнее подчеркивало высокое положение женщины в обществе таинов. Посредником в общении между человеком и духами, олицетворявшими силы природы, выступал Семи в образе дерева или камня. Каждое племя имело своего посредника, к которому обращался племенной жрец – Бохити – в ходе специального религиозного действия, сопровождавшегося вдыханием через ноздри табачного дыма, ритуальными танцами под музыку. Название их музыкальных инструментов – марака и гуиро – сохранились до наших дней. В этом действе принимала участие не только знать во главе с вождем и жрецом (последний был также врачом и знатоком истории племени).

Таино вели ожесточенные войны с практиковавшими антропофагию карибами, нападавшими на Боринкен с соседних островов Бьеке (ныне Вьекес) и Ай-Ай (Санта-Крус). При встрече с испанцами таино надеялись заручиться их поддержкой в войнах с карибами, но жестоко просчитались. Испанские завоеватели поработили их, распределяя рабов среди колонистов, заставляя их возделывать плантации сахарного тростника. Тогда таино подняли в 1511 г. восстание и с перерывами сопротивлялись до 1565 г. Во главе этих восстаний встали вожди Агуэйбана II (верховный вождь), Гуарионекс (его мать была карибкой, и он пытался наладить союз таино и карибов в борьбе с испанцами), Уройоан, Лукильо и др. Их имена встали в один ряд с именами других индейских героев, воевавших с ис-

панскими колонизаторами, такими как Лаутаро в Чили, Куаутеок в Мексике, Энрикильо в Доминиканской республике. Некоторые города на Пуэрто-Рико носят название, производное от имен индейских вождей, например Лукильо, Кагуас, Майагуэс, Лоиза. В последнем случае речь идет о реке и местности, в которой правила Йоиза (испанцы называли ее Луизой). Число индейцев, живших на острове до испанского завоевания, неизвестно. Оно оценивается по-разному: от 30 тыс. до 600 тыс. человек. Последняя цифра маловероятна. Скорее всего, число индейцев вряд ли превышало 70 тыс. человек¹.

Физическое истребление индейцев колонизаторами, занесенные ими болезни, жестокий рабский труд на рудниках и плантациях и кража женщин (женщины-таино высоко ценились на невольничьих рынках) привели к исчезновению индейского населения на Антильских островах. В 1529 г. на Пуэрто-Рико насчитывалось 1 148 покоренных индейцев, в 1778 г. – 2 302 человека (последний цenz, упоминавший индейцев на Пуэрто-Рико)². Непокоренные индейцы укрывались до конца XVIII в. в гористой местности Индиера в районе Марикао. Остальные индейцы или смешались с новыми поселенцами из Европы и Африки, или бежали на другие острова.

Еще до завоевания острова испанцами там обнаруживаются некоторые устойчивые, постоянные характеристики будущей пуэрто-риканской нации. Во-первых, речь идет об интенсивной метизации населения, основанной на смешанных браках. Во-вторых, повышенная экстравертность общества, его открытость и устремленность вовне формировало тип экстравертного человека. Она пробуждала в его сознании и эмоциональной сфере интерес к новому и незнакомому. Сама окружающая природа была для пришлых жителей острова в их сознании «не своей», а «иной», и притом очень враждебной. Отсюда такое множество злых духов («мабуйя») в мифологии и ее магиейская природа. В-третьих, эта открытость и коммуникабельность способствовали миграциям и развитию способности к приспособлению к новым условиям жизни. В-четвертых, еще в доколумбовы времена таино и карибы демонстрировали большую пластичность своей культуры, что помогло им избежать трагической судьбы архаичных индейцев, хотя и не спасло от ассимиляции со стороны испанской культуры. Впрочем, эти черты были присущи и многим другим группам индейского населения Латинской Америки.

Наконец, следует сказать и о том, что испанские и другие завоеватели постарались оболгать своих противников и сочинили легенду о неспособности всех индейцев к производительному

труду, о прирожденной лени, праздности, тупоумии, жестокости и лживости. На самом деле речь идет об оскорбительном злом стереотипе. Эта легенда позволяла конкистадорам и их потомкам и единомышленникам оправдаться в собственных глазах и в глазах общественности за те злодеяния, которые они совершали. Правда, уже тогда, в первой половине XVI в., монах доминиканского ордена, потом епископ, испанский гуманист Бартоломе де Лас Касас, первый официально признанный в истории правозащитник, разоблачил эти злодеяния и сделал очень много для разрушения этой расистской легенды. Но, к сожалению, она оказалась очень живучей.

Хотя в пуэрто-риканской литературе индейские сюжеты присутствовали давно, только после Второй мировой войны в пуэрто-риканском обществе пробудился глубокий интерес к индейским корням своей национальной культуры и начались серьезные научные изыскания в этой сфере. Это связано с научной и общественной деятельностью видного археолога доктора Рикардо Алегрия, который создал в 1947 г. Центр археологических исследований в Университете Пуэрто-Рико и предпринял раскопки в двух центрах древней индейской культуры (Асьенда Гранде и Пласа де Кагуана – святилище индейцев-таино).

Индейская тематика особенно глубоко разрабатывалась поэтессой Лилианой Перес Маршан в цикле «Индейская земля», в «Книге поэм» стихотворца Гильермо Нуньеса, появившейся в 1978 г., и особенно в творчестве Гильермо Гутьерреса («Антильская трилогия», опубликованной в 1967–1976 гг.). Особняком стоят стихи крестьянского поэта Лопеса Гонсалеса, который учился и работал на материке и проявил большой интерес к верованиям и обрядам индейцев-таино. Пуэрто-риканские индеанисты описывают трагедию «исчезнувшей расы», пытаются переосмыслить тезис Лас Касаса об индейском мире как уничтоженном конкистадорами «земном рае» и беспокоятся о том, как бы пуэрто-риканскую культуру не постигла горькая участь культур индейцев-таино и карибов³.

Таким образом, индейцы снабдили современных пуэрториканцев национальной мифологией, позволили сконструировать миф о изначальной родине на материке, о странствиях по морской стихии, об обетованном острове как природном рае, разрушенном конкистадорами, о первых национальных героях, отдавших жизнь за освобождение нации от иноземного гнета. Даже собирательный образ пуэрториканца был назван еще в середине XIX в. индейским именем хибаро (племенное самоназвание у араваков).

6.2. Испанская и вообще европейская культура – системообразующая основа цивилизационного облика нации

Испанский губернатор Пуэрто-Рико Хуан Понсе де Леон, жестоко подавивший восстание индейцев-таино в 1511 г. и «распределивший» их как рабов среди испанских колонистов, в следующем году «открыл» Флориду и завез на континент первых «пуэрториканцев», включая порабощенных им таино.

К середине XVI в. испанские завоеватели окончательно утвердили свою власть над островом Боринкен, и с тех пор до конца XIX столетия он входил в состав колониальной империи Испании, играя роль ее военной крепости. Опустошительные набеги английских, голландских, французских корсаров и пиратов привели к обезлюдению острова и упадку его экономики.

В 1531 г. на 426 испанцев-колонистов приходилось 1148 «распределенных» индейцев обоого пола, 1 168 мужчин-негров и 355 рабынь-негритянок. В 1683 г. корона разрешила переселить на Пуэрто-Рико 200 семей с Канарских островов, а в 1691 г. еще 300. В 1765 г. все население Пуэрто-Рико составляло только 44 883 человека, из них 39 848 свободных и 5 037 негров-рабов. А к 1800 г. население выросло уже до 155 420 человек⁴.

На острове были построены новые оборонительные сооружения в разных районах, стали культивироваться на экспорт табак и кофе, появились городские центры. Королевским декретом 1781 г. были созданы благоприятные условия для привлечения некоторых категорий иностранных колонистов. Была разрешена торговля с США, Голландией, балтийскими странами, включая Россию. В 1807 г. на Пуэрто-Рико прибыл первый консул из США. Сюда хлынул поток товаров, в том числе и реэкспортированных из Европы. С 1808 г. порты испанских колоний в Америке открылись и для английских кораблей. В портах США, особенно в Нью-Йорке, появилось немало торговцев с Пуэрто-Рико.

Но в конце XVIII – начале XIX в. на соседнем Гаити, захваченном Францией, вспыхнуло восстание негров-рабов. Гаити стал первым независимым американским государством, где было отменено рабовладение. Часть бежавших оттуда рабовладельцев со своими рабами обосновались на Пуэрто-Рико. Затем на континенте развернулась война испанских колоний за независимость, и они стали самостоятельными государствами, где тоже постепенно отменялось рабовладение. Многие бежавшие с континента рабовладельцы-роялисты испанского происхождения опять-таки предпочли Пуэрто-Рико и Кубу перспективе возвращения в Европу.

Все эти события, с одной стороны, укрепили испанское господство над антильскими владениями и продлили агонию плантационного рабства. Но, с другой стороны, впервые пуэрториканцы приняли участие в выборах своих представителей в испанские кортесы во время революционных событий в метрополии. А пример соседей побудил просвещенных пуэрториканцев задуматься над возможностями провозглашения своей родины самостоятельным государством.

Так зародились три главных идейно-политических течения в пуэрто-риканском обществе:

1) ассимилизм, объединявший сторонников превращения колонии в провинцию метрополии;

2) автономизм, в рядах которого сплотились реформаторы, жаждавшие достижения внутреннего самоуправления острова под опекой метрополии;

3) сепаратизм, которому сочувствовали те, кто выступал за отделение от метрополии и строительство либо самостоятельного государства, либо федерации Антильских государств.

Эти политические течения не отражали структуру моноконфессионального полиэтнического колониального общества Пуэрто-Рико. По переписи 1832 г. на острове проживали 330 тыс. человек (произошло удвоение населения только за четверть века, в основном за счет притока колонистов)⁵. Рабовладение уже не играло сколько-нибудь значительной роли ни в экономике, ни в составе населения, где негров-рабов насчитывалось всего около 10%: 32 тыс. негров-рабов приходилось на 26 тыс. свободных негров, 100 тыс. мулатов и 162 тыс. креолов. Испанское колониальное общество было строго иерархичным в этносоциальном отношении, хотя и относилось терпимо к внебрачным отношениям между «белыми» и «цветными», вообще между «кастами», как назывались этносоциальные группы, различавшиеся по цвету кожи и социальному статусу. Столь жесткое структурирование общества сформировало в общественном сознании весьма устойчивые стереотипы оценки личности по цвету кожи, оказавшиеся очень живучими и в постколониальное время и дожившие до нашего времени, несмотря на преобладающий в Латинской Америке процесс естественной метизации населения.

В отличие от англосаксонской колониальной практики раздельного проживания разных этносоциальных групп, испанская практика колониализма поощряла совместное проживание и легальные смешанные браки между представителями колонизаторов и колонизируемыми. Хотя католическая церковь официально осуждала конкубинат, но в колониальной практике в Америке закрывала глаза на этот институт, и тем самым легко поощря-

ла процесс метизации и одновременно поддерживала жесткое этнокастовое структурирование общества.

В отличие от Кубы и других антильских колоний, на Пуэрто-Рико за время испанского владычества никогда не было господства латифундий. На острове преобладали небольшие хозяйства, как работавшие на экспорт (табаководческие и кофейные), так и на внутренний рынок и на собственную семью.

В этих условиях главной и преобладающей по численности фигурой являлся крестьянин-креол, в сущности метис, из глубинки («хибаро») как хранитель традиций, носитель самобытности, национального духа. СобираТЕЛЬный образ этого господствующего типа создал писатель-костюмбрист Мануэль Алонсо, выпустивший в 1849 г. публицистическо-поэтический сборник «Эль Хибаро». Процессу «хибаризации» пуэрто-риканского общества несколько повредили революционные события на континенте и приток роялистов с их рабами. В результате автономистские тенденции были резко заморожены, а всевластие испанского губернатора и колониальных властей стало абсолютным. Но, с другой стороны, это обстоятельство позволяло им проводить свои реформы без оглядки на недовольство тех или иных групп населения. Так, в 1838 г. была запрещена работоторговля (рабство отменили только в 1873–1878 гг.). В 1837 г. была разрешена иммиграция «белых» из католических стран Европы и Америки. Она оказала заметное влияние на укрепление этнокультурного разнообразия формирующейся пуэрто-риканской нации.

В итоге к 1899 г. население острова утроилось и составило 953 тыс. человек⁶. Негры составляли около четверти всего населения. Высокий количественный рост населения не сопровождался повышением качества жизни. Скорее, можно говорить об ухудшении этого качества. 87% взрослого населения оставалось неграмотным, 92% детей школьного возраста не посещали школ. С 1770 г. на острове существовала система приходских школ, и все образование сосредоточивалось в руках католической церкви. В 1851 г. корона соизволила разрешить учреждение на острове Королевской академии словесности, которая занялась элементарным обучением местной знати (последняя предпочитала посылать своих отпрысков на Кубу или в метрополию). Санитарная и медицинская системы практически отсутствовали. Основой экономики острова являлось сельское хозяйство.

Колониальная система переживала кризис. Во время революции и первой республики в Испании наметилась была тенденция к введению на острове местного самоуправления, но после реставрации монархии, к 1878 г. вся власть снова сосредоточилась в руках губернатора и колониальной администрации.

В этих условиях набирало силу сепаратистское национальное движение, особенно в небольших городах, куда выталкивалось разоряющееся «избыточное» сельское население (мелкие сельские хозяева, ремесленники, поденщики и т.д.). На неустроенный городской люд оказывали все большее воздействие революционные события на соседней Кубе, где была провозглашена независимая республика и долго шла партизанская война против испанской колониальной администрации. Репрессии колониальных властей на Пуэрто-Рико выталкивали недовольных в эмиграцию, особенно в США.

В XVII–XVIII вв. существовал оживленный товарообмен между Северо-Востоком английских колоний в Америке и островом Пуэрто-Рико, причем эта торговля зачастую носила контрабандный характер. Эта ситуация продолжалась и после образования США. Она особенно возросла к концу XIX в., когда США вышли на второе место после Испании в торговле острова. Соответственно немало пуэрториканцев проживало в североамериканских портах, обслуживая эту торговлю. В XIX в. США привлекали пуэрто-риканскую молодежь, которая хотела получить светское образование и приобрести инженерно-технические специальности. Но и в гуманитарной сфере наблюдался приток пуэрто-риканских студентов.

После окончания Гражданской войны в США и отмены там плантационного рабства, это государство стало особенно привлекательным для аболиционистов и сторонников независимости Кубы и Пуэрто-Рико.

Последние, предводительствуемые поэтом Рамоном Эметрио Бетансесом и Сегундо Руисом Бельвисом, использовали г. Нью-Йорк в качестве операционной базы для подготовки восстания на острове. Бетансес выехал в 1868 г. из Нью-Йорка на Санто-Доминго (здесь в 1844 г. была установлена независимая республика). Он создал там Пуэрто-риканский революционный комитет, который установил связи с единомышленниками, сосредоточенными в разных районах Пуэрто-Рико. Колониальные власти раскрыли этот заговор. Тогда патриоты захватили город Ларес и провозгласили Республику Пуэрто-Рико, а президентом – Франсиско Рамиреса Медину. Были наспех сформированы республиканские вооруженные силы, но восстание было подавлено.

Первая испанская республика попыталась сделать шаги к автономии Пуэрто-Рико и провести назревшие реформы в образовании и здравоохранении. Однако после реставрации монархии губернатор вновь стал всевластным хозяином острова.

Начавшаяся в 1895 г. национально-освободительная война на Кубе изменила положение и на Пуэрто-Рико.

В ноябре 1897 г. правительство либералов в Испании обнародовало акт о даровании автономии Пуэрто-Рико, образовании местного правительства и проведении выборов в местный парламент. Но у Испании уже не было ни времени, ни средств, чтобы провести реформы.

Автономизация испанских колоний не устраивала империалистические круги США, намеревавшиеся прибрать их к своим рукам. Победа республиканской партии США, в которой возобладали эти круги, позволила им оккупировать в 1898 г. эти колонии после объявления войны Испании. Согласно Парижскому мирному договору между США и Испанией, последняя уступила свои американские и азиатские колонии.

В это время на территории США активно действовали кубинские и пуэрто-риканские патриоты, сотрудничавшие с демократической партией США и с американскими социалистами. Патриоты, входившие в состав созданной национальным героем Кубы поэтом Хосе Марти Кубинской революционной партии, образовали в ней пуэрто-риканскую секцию во главе с Сотеро Фигероа, соратником Марти. Они мечтали добиться независимости островов и образования Антильской Федерации. Многие из них являлись членами Социалистической рабочей партии США и Союза сигарных рабочих, которые поддерживали антильских патриотов.

После оккупации острова войсками США в 1898 г. эти пуэрто-риканские организации испытали кризис и распались. Их участники посвятили себя защите прав пуэрто-риканских рабочих и других мигрантов с острова, поселившихся в кварталах бедноты Нью-Йорка и других американских городов.

Пуэрто-риканская нация не смогла завершить процесс своего формирования в рамках колониальной империи Испании, она не получила от нее даже права на внутреннее самоуправление. Но все же в условиях колониального режима за почти четыре столетия сложилась своеобразная метисная островная испаноязычная культура на европейской, преимущественно испанской, основе и под почти безраздельным господством католической церкви. В XIX в. здесь был заложен фундамент молодой пуэрто-риканской литературы, появился свой театр, свои школы музыкального и изобразительного искусства. К концу века уже хорошо просматривались основные идейно-политические направления общественной мысли и контуры политических партий.

Правда, в условиях небольшой по размерам колонии не мог сложиться национальный рынок из-за монопольных прав метрополии на поставку товаров, сопутствовавшей ей коррупции местной администрации и разгула контрабанды. А это мешало фор-

мированию национальной элиты, национального самосознания и, напротив, способствовало сохранению колониальной кастовой структуры общества и вертикальных клиентелистских отношений.

6.3. Афро-американский привой

Столкнувшись с массовым сопротивлением индейцев на острове и их культурной неспособностью исполнять рабские повинности на плантациях, испанские завоеватели завезли на остров из метрополии африканских рабов.

Испанцам удалось восстановить на острове, в отличие от Кубы или Эспаньолы, равновесие полов среди невольничьего населения, и оно поддерживалось на протяжении всего колониального периода. Из-за отсутствия латифундий и дороговизны рабов, обилия смешанных браков сложился многочисленный слой свободных негров и мулатов. Но все равно сохранялась дискриминация, их рассматривали как «низшие» расовые касты.

Когда остров Пуэрто-Рико стал колонией США, а затем «свободно присоединившимся государством» (1952), доля негров в составе населения острова стала сокращаться: с 25% в 1899 г. до 20% в 1930 г., 15% в 1945 г. и всего 7% в 1965 г.⁷

Впрочем, эти данные сообщают нам сведения не столько о реальном положении, сколько о том, какой процент населения сообщил переписчикам о том, что он относит себя к категории «афро-американец». Техасская исследовательница антрополог Исар Гордо, проводившая опросы женщин на острове Пуэрто-Рико во время переписи населения в 2000 г., поведала, что категория «раса» в общественном мнении отражает не биологическую реальность, а условную конструкцию. Понимание испаноязычных граждан острова в этом отношении сильно отличается от того, какой смысл в это слово вкладывают в англосаксонских обществах и на англоязычных карибских островах⁸. Так, например, многие негритянские женщины на Пуэрто-Рико называют себя «черными», но не относят себя к «черной расе» на том основании, что посещают парикмахерские, где им выпрямляют волосы и делают «европейскую прическу». Здесь прическа, а не цвет кожи, позволяет отнести себя к определенной расовой категории. Речь идет скорее об определенной социальной группе общества, а не о собственно расовой группе. Так что в общественном мнении до сих пор сохраняются стереотипы средневекового испанского общества.

В 1930 г. среди управляющих фермами насчитывалось только 7% негров (доля «белых» составляла 74,3%, и они распоряжались 93,4% земли)⁹.

При опросе 100% «высшего класса» назвались «белыми», в «среднем классе» 78,3% отнесли себя к «белым», 15,7% – к «метисам» и только 6% – к «неграм», а в «низшем классе» 68,7% считались «белыми», 22% – «метисами» и 9,2% – «неграми»¹⁰.

Вследствие такой дискриминации в колониальном обществе негры обнаружили обоснованный скептицизм к идее автономизации острова и даже к идее его независимости. Именно поэтому многие пуэрто-риканские негры и их лидеры, например Хосе Сельсо Барбоса, приветствовали оккупационные войска США в 1898 г. Он даже водрузил американский флаг над крепостью столицы и участвовал в основании Республиканской партии на острове, которая ратовала за превращение его в новый штат США.

Расовая дискриминация и социальная обделенность негритянского населения Пуэрто-Рико объясняют их восприимчивость в отношении левой и интернационалистической идеологии, социалистических идей. Дискриминируемые социальные группы, особенно молодежные, зачастую видели выход в эмиграции с острова и составили значительную долю эмигрантов.

В 1917 г. Дания уступила Соединенным Штатам свою антильскую колонию Виргинские острова (другая часть этих островов осталась за Англией), расположенные рядом с Пуэрто-Рико. Эти острова всегда служили клапаном для связи испанских колоний с внешним миром, особенно с английской и французской Вест-Индией, а через них и со США. Через них шел огромный поток контрабанды (и в материальном, и в духовном смыслах), а также направлялись потоки мигрантов с Пуэрто-Рико на континент и обратно на остров. Среди мигрантов было немало носителей афро-антильской культуры, приверженцев водуизма и других афро-американских культов.

В 20-е годы XX в. пуэрто-риканские колонисты расселились на Виргинских островах, где их потомки живут до сих пор компактно, сохраняя свою культуру и личные связи как с островом, так и с материком.

Неграм и мулатам острова было трудно, а подчас и вовсе невозможно воспринять аскетическую черно-белую, а то и одноцветную кастильскую религиозную традицию, которая внешне выглядела как один-единственный, бесконечный пост. В их глазах сюжеты краткой земной жизни и страданий Христа причудливо расцветивались самыми разными красками и озвучивались солнечными ритмами, скрывая под христианской внешностью самую настоящую африканскую «сантерию», т.е. языческий риту-

альный обряд, причудливо переплетенный с библейскими сюжетами. Религиозный синкретизм стал неотъемлемой чертой пластичной и мятежной пуэрто-риканской культуры, вобрав в себя и что-то от доиспанских, карибских и аравакских таинств. Среди негров и мулатов Пуэрто-Рико и тем более материка гораздо шире, чем у метисов и белых, распространяются протестантские обряды и представления, а в последние десятилетия – ислам. Успешно действуют в трущобах среди самых бедных и неграмотных социальных групп такие деноминации, как пятидесятники, иеговисты и множество разнообразных сект. В этом смысле на острове, где в обществе доминирует католицизм, а католическая церковь сохраняет свой авторитет, положение принципиально иное, нежели на материке. Раздельное проживание «черных» и «белых» на материке, в отличие от смешанного образа жизни острова, усиливает влияние религиозной общины на личность человека. Но речь идет здесь преимущественно о маргинальных и пауперизированных «цветных» слоях, проживающих в своих «сеттлментах».

Известный колумбийский писатель и публицист Герман Арсиньегас писал, что пуэрториканцы и кубинцы в Нью-Йорке обратились к самой черной магии и ведут примитивный образ жизни¹¹.

Директор Института пуэрто-риканской культуры Рикардо Алегрия отмечал, что в испаноязычных кварталах Нью-Йорка ритуалы гаитянского вуду приспособились к «ботанической культуре» спиритизма, унаследованной от индейцев. Пастор прихода Св. Марка в нижнем Ист-Сайде Давид Гарсия подтверждает, что в его квартале произошло перемешивание гаитянского и доминиканского вуду, в результате чего появилась современная религия индейцев (так в Нью-Йорке называют смуглокожих мулатов)¹².

Влияние спиритизма в бедных кварталах Нью-Йорка пришло с острова, где оно было очень сильно в 60-е годы. Тогда в Сантурсе действовал «Дом души». Этот Дом поддерживался крупным бизнесменом Луисом Родригесом, подвизавшимся на ниве жилищного строительства в столице и занимавшимся благотворительной деятельностью. Идеино-религиозным вдохновителем этого движения был один из основателей правящей Народно-демократической партии, председатель сената Пуэрто-Рико, а затем генеральный стряпчий бывший университетский преподаватель Винченци Гейгель (Vincent Geigel). Он попытался создать собственную философию спиритизма в качестве основы специфического пуэрто-риканского мировоззрения как пути к вечной жизни.

К счастью для пуэрториканцев эта, в сущности, тоталитарная попытка сделать остров спиритическим государством не удалась. Католическая церковь единодушно выступила против этой инициативы и даже создала собственную политическую партию, выступившую в качестве энергичного оппонента по отношению к Народно-демократической партии. И хотя церкви не удалось добиться насаждения на острове европейской политической модели «качелей» (чередования у власти социал-демократов и христианских демократов), но и превращения Пуэрто-Рико в заповедник спиритизма тоже не произошло. А на материке, где авторитет католической церкви не столь весом, как на острове, степень распространения спиритизма среди «айлэндеров» оказалась гораздо более высокой, особенно в Гарлеме, где он действует в тесной связи с гаитянским и доминиканским водуизмом и так называемой индейской ботаникой.

Вклад африканской субкультуры в формирование пуэрто-риканской нации и ее самосознания гораздо выше доли негров в составе населения. Особенно весом этот вклад в развитие пуэрто-риканской литературы и искусства. Здесь надо выделить имена уроженца столицы страны, прожившего почти всю жизнь в Нью-Йорке, виднейшего деятеля афро-американской культуры США Артуро (Альфонсо) Шомбурга (1874–1938) и крупнейшего пуэрто-риканского поэта Луиса Палеса Матоса (1898–1959). Последний вместе с видным государственным и политическим деятелем, писателем и журналистом Хосе де Диего-и-Мартинесом (1866–1918) основал особое литературное направление – диепализм. Оно представляло собой местную разновидность позднего испано-американского модернизма. Важным компонентом диепализма был негрнизм, рождению и утверждению которого на Антильских островах способствовал в качестве одного из его основоположников Луис Палес. Негрнизм приписывал негритянской культуре стихийно-чувственный иррационализм как основу мировосприятия и форму самовыражения личности. Бинарное видение пуэрто-риканской культуры обедняло и примитивизировало ее содержание. Но вместе с тем диепализм с его экспериментированием в области слова и его формы, подчеркиванием роли ритма, вниманием к африканскому фольклору очень обогатил новым изобразительными средствами пуэрто-риканскую культуру и способствовал ее модернизации, мобилизации ее творческого потенциала.

Так как многие пуэрто-риканские негрлисты долго жили и работали на континенте, где содействовали развитию «африканских исследований» и афро-американской культуры, то их трудно отделить от последней. В сущности, они выступали как по-

средники между пуэрто-риканской и шире антильской, латиноамериканской культурой, с одной стороны, и афро-американской культурой, с другой, и тем самым значительно обогатили всю североамериканскую цивилизацию.

6.4. У истоков континентальной общины

Когда войска США оккупировали Пуэрто-Рико, они и назначили там военную администрацию, фактически подчинив ее военному министерству. Хождение испанских денег было запрещено, действие испанских законов тоже. В школах испанский язык был заменен английским. На Пуэрто-Рико было распространено законодательство США. В 1900 г. конгресс США принял специальный закон – Акт Форейкера – об управлении островом (без каких бы то ни было консультаций с его населением). Президент США назначал на четырехлетний срок губернатора колонии, начальника департамента образования и судей Верховного суда (решения последнего обязательно утверждались окружным судом г. Бостона). Губернатор назначал местное правительство, большинство из 11 членов должны были состоять из граждан США. Палата делегатов (35 человек) при губернаторе избиралась местным населением, но ее законы утверждались конгрессом США. Граждане Пуэрто-Рико не считались гражданами США, но они были обязаны служить в армии и не платили федеральные налоги. Их интересы за границей защищали дипломатические представительства США. Но пуэрториканцы получили право свободно передвигаться по территории США.

Вначале миграция пуэрториканцев в США была относительно небольшой (за исключением 1898–1899 гг., когда несколько тысяч сезонных рабочих завербовались убирать урожай сахарного тростника на Гавайские острова).

В 1914 г. губернатор Артур Ягер представил президенту и военному министру США предложение стимулировать массовую эмиграцию пуэрториканцев из колонии в новую метрополию, чтобы решить острейшую проблему перенаселенности острова и смягчить безработицу (оно было дополнено обсуждением законопроекта о предоставлении американского гражданства пуэрториканцам). Это предложение было принято администрацией США и стало проводиться в жизнь на протяжении всего столетия. Так, в 1917 г. было намечено привлечь в США 50 тыс. пуэрто-риканских иммигрантов. В итоге к концу XX столетия уже половина пуэрто-риканских рабочих оказалась перемещенной на континент¹³.

Когда США вступили в Первую мировую войну, политическая элита острова одобрила этот шаг президента Вильсона, а вслед за этим и его новый акт об управлении островом и предоставлении гражданства США его уроженцам.

Законодательная ассамблея Пуэрто-Рико приняла 29 мая 1919 г. закон № 19 о регулировании эмиграции с острова. Закон возложил на уполномоченного по сельскому хозяйству и труду при губернаторе обязанность контролировать наем рабочей силы на острове в целях эмиграции с тем, чтобы обеспечить необходимые и оговоренные в контракте условия работы и жизни и средства для возвращения на родину. Всего вплоть до 1944 г. на постоянное жительство на материк из Пуэрто-Рико уехало 90 тыс. человек (по данным Центра демографических исследований при Университете Пуэрто-Рико)¹⁴.

Как писал один из эмигрантов в своих воспоминаниях, «первые доходы будут отправлены родным... Затем, через несколько лет, можно будет вернуться на родину, накопив на жизнь. У кого как сложатся дела, но одни мечтали купить участок земли, другие завести свое дело в родном селении... Каждый из них строил свой воздушный замок»¹⁵.

Эта ориентация пуэрто-риканских эмигрантов из простонародья, особенно у мужчин, сохраняется до сих пор. Преобладание в пуэрто-риканской общине на континенте матрифокальной семьи, т.е. семьи, где ее главой является мать, а сама семья включает детей, рожденных от разных супругов, объясняется такой ориентацией мужчин, считающих своим долгом возвратиться на остров, к своей большой семье, патриархальным укладом жизни на родине. Поэтому процесс ассимиляции пуэрториканцев в США идет гораздо менее интенсивно, чем у мексиканских или кубинских эмигрантов, переселяющихся семьями и остающихся в США. Другая причина преобладания матрифокальной семьи у пуэрториканцев на континенте заключается в том, что с 20-х годов среди уезжавших с острова очень большую долю составляли женщины, которые имели навыки работы по закрутке сигар и швейного ремесла и которым было легче найти работу на континенте, чем на острове.

Переселение пуэрториканцев на континент было вызвано главным образом социально-экономическими причинами (разорение кофейных плантаций и скотоводческих хозяйств, безработица в городах), а также природными бедствиями (ураганы, разорившие сельское хозяйство в начале 30-х годов). Особенно подстегнул миграцию в 1917 г. акт Джонса о предоставлении гражданства США пуэрториканцам. Пуэрториканцы селились теперь в Бруклине, где находили работу на верфях. Они

разместились колониями в Гринпойнте, Уильямсбурге, Ред Хуке. Другие колонии растянулись от Ист-Ривер до Челси и восточного Гарлема, где они слились в целое пуэрто-риканское ядро, получившее название «Эль баррио» (квартал по-испански). К 1926 г. большинство пуэрториканцев проживало в двух районах Манхэттена. Здесь царил испанский язык в магазинах, клубах и увеселительных заведениях, издавались и распространялись газеты и журналы на испанском: «Культура пролетариа», «Эль Эральдо», «Ла Пренса», «Графико», «Артес», «Летрас» и др. Здесь (в Нью-Йорке) господствовал соответствующий образ жизни и действовали общества и службы взаимопомощи, помогавшие мигрантам приспособиться к требованиям, предъявлявшимся мегаполисом.

Появились такие организации, как «Рабочий Альянс» (Alianza obrera), «Пуэрто-риканское братство Америки» (Puerto Rican Brotherhood of America), «Пуэрто-риканская и испанская Лига» (Liga Puertorriqueña e Hispana), «Ассоциация пуэрто-риканских писателей и журналистов» (Asociación de Escritores y Periodistas Puertorriqueños). Профсоюзы на табачных фабриках нанимали чтецов, которые читали рабочим во время рабочего дня политические и литературные произведения (стихи и прозу), политические памфлеты. Надо сказать, что в 20-е годы 60% проживающих в Нью-Йорке пуэрториканцев были заняты в табачной промышленности¹⁶.

В 20-е годы в Нью-Йорке наблюдался расцвет испано-американской литературы и публицистики, в котором выдающуюся роль играла пуэрто-риканская интеллигенция, обосновавшаяся здесь из-за гонений на испанский язык на острове.

Можно сказать, что это обстоятельство помогло сохранить преемственность в развитии пуэрто-риканской культуры, консолидировать национальное самосознание пуэрто-риканских граждан и заложить идейные предпосылки для обеспечения национально-территориальной автономии острова в 30–50-е годы.

В 1913 г. в городе стала выходить газета «Ла Пренса» (с 1918 г. ежедневная). Издавались журналы «Графико», «Эль Эральдо», «Ревиста де Артес и Летрас» (еженедельный журнал). В издании этого журнала, выходившего с 1933 по 1945 гг., активно участвовали пуэрто-риканская журналистка Хосефина Сельва де Синтрон и суфражистка Мерседес Сола. Они вели рубрику «Женщина в XX веке». В этом журнале также постоянно сотрудничали пуэрто-риканские поэтессы Хулиа де Бургос и Кармен Алисия Кадила. В редакционном совете журнала были представлены интеллектуалы не только с Пуэрто-Рико, но также из мно-

гих других латиноамериканских стран, с которыми они поддерживали постоянную связь. Де Синтрон заняла видное место в руководстве «Союза американских женщин» и «Лиги испаноговорящих демократов», а в 1938 г. она участвовала в панамериканском конгрессе женщин.

После того как пуэрториканцы получили американское гражданство, иммигранты в Нью-Йорке в 1918 г. сразу же создали Пуэрто-риканский демократический клуб в Бруклине и отделение Демократической партии в Манхэттене. Активисты Демократической партии Карлос Тапия и Луис Фелипе Вебер благодаря партийным связям помогали своей общине решать неотложные вопросы через муниципальные учреждения. Эти клубы вели работу на испанском языке и помогали пуэрториканцам заниматься спортом, устраивать танцы и вообще организовывать свой досуг, заботиться о здоровье семей, предоставляли правовую помощь, оказывали другие социальные услуги, даже содействовали в поисках подходящего жилья. Клубы отмечали знаменательные даты в истории Пуэрто-Рико, устраивали соответствующие праздники. Этим клубам присваивались имена борцов за национальную независимость острова, таких как индейские вожди Агуэйбана, Гуарионекс, лидеры движения за независимость Остос, Бетансес, Бальдориоти и др.

В 1918 г. был учрежден Пуэрто-риканский комитет Социалистической партии в Нью-Йорке. В его деятельности преобладали интернационалистские мотивы, но чувствовалось и влияние патриотических чаяний.

Менее значительными были контакты с Республиканской партией США. В 1927 г. в Манхэттене был основан Свободный республиканский клуб. С 1935 г. в Бруклине действовал Пуэрто-риканский республиканский партийный клуб.

В 20-е годы появилась тенденция к созданию внепартийных организаций, объединяющих всех пуэрториканцев, проживающих на континенте без различия политических взглядов и религиозных убеждений. Так, председатель Пуэрто-риканской лиги Гонсало О'Нейл заявлял о желании помочь пуэрто-риканским рабочим попасть на североамериканскую орбиту, влиться в Великую республику. Ее продолжением в середине 30-х годов стала Пуэрто-риканская политическая и социальная лига. Она ставила своей задачей добиваться единства с другими испаноговорящими, поддерживать на выборах кандидатов, защищающих общие интересы, сотрудничать с властями с целью улучшения положения общины.

Похожую позицию занял Пуэрто-риканский демократический и социальный союз, поддержавший Испанскую республику

и ратовавший за сближение с испанской Америкой, осуждавший тиранию Гомеса в Венесуэле, Мачадо на Кубе, солидаризировавшийся с борьбой Сандино в Никарагуа.

Хотя участие пуэрториканцев в выборах ограничивалось их слабым владением английским языком и переменами места жительства, в связи с чем им было трудно регистрироваться в качестве избирателей, все же они вносили свой вклад в политическую жизнь Нью-Йорка. Клубы Демократической партии способствовали привлечению голосов пуэрториканцев. С их помощью Фиорелло Ла Гуардиа избирался в Палату представителей от Восточного Гарлема с 1923 по 1933 г., а позднее стал мэром Нью-Йорка. В 1918 г. они помогли стать губернатором штата Нью-Йорк демократу Альфреду Смиту, дав ему 7 тыс. голосов. В 1933 г. в испанских округах Нью-Йорка зарегистрировались свыше 30 тыс. избирателей, 80% которых голосовали за Франклина Д. Рузвельта как кандидата в президенты США и за Вито Маркантонио в Палату представителей¹⁷.

В 1930 г., по данным переписи населения, в Нью-Йорке проживало 53 тыс. пуэрториканцев. Однако нью-йоркское миссионерское общество и газета «Нью-Йорк Таймс» считали эту цифру сильно заниженной и повышали ее до 100 тыс. человек, а «Порто-риканское братство Америки» утверждало, что в городе проживало от 100 тыс. до 150 тыс. пуэрториканцев¹⁸. Большинство мужчин-пуэрториканцев после начала кризиса было занято в торговом флоте, на почте и в мелком бизнесе. Женщины нанимались в качестве работниц на табачные фабрики, в рестораны, кафе, прачечные, в торговые заведения.

Пуэрто-риканская колония на континенте, хотя и обладала давними корнями, все еще размещалась преимущественно в Нью-Йорке и Бостоне. Она не представляла собой тогда целостную общину и была сильно разъединена по расовым, сословно-клановым, религиозным основаниям, отражая культурную и социальную обстановку, царившую на родном острове. Однако в своем подавляющем большинстве пуэрто-риканские мигранты сохраняли связь с островом и говорили по-испански, хотя и не владели литературным языком старой метрополии. Многие, особенно лица африканского происхождения, осваивали разговорный английский язык и ассимилировались афро-американской общиной. В политическом отношении пуэрто-риканская колония также была разобщена. Среди рабочих превалировала левая культура, и довольно сильно чувствовались интернационалистские тенденции. Среди интеллигенции уже отчетливо просматривались националистические тенденции.

6.5. От сезонной миграции к диаспоре

В первые два десятилетия XX в. миграция с острова на континент была в основном маятниковой, сезонной, а большинство мигрантов не задерживалось на континенте надолго. Но в последующие три десятка лет, включая годы Второй мировой войны, положение существенно меняется.

Дело в том, что как в Соединенных Штатах, так и в их островной колонии за полвека ситуация изменилась коренным образом, поменялся и характер отношений между метрополией и ее колонией.

После Первой мировой войны экономика США пережила кризис и Великую депрессию, сопровождавшуюся колоссальной безработицей. США не только не нуждались в притоке неквалифицированной рабочей силы, но и всячески его ограничивали. Только Вторая мировая война снова потребовала прилива свежих рабочих рук, да и то не надолго. Поэтому сезонная миграция с Пуэрто-Рико на континент сохранялась, но большого численного роста пуэрто-риканской общины на континенте (кроме Нью-Йорка и его окрестностей) не наблюдалось.

В то же время сахарная монокультура и латифундизм на острове вытолкнули большинство населения из сельской местности в города, такие как Сан-Хуан, Понсе и более мелкие, что вызвало эффект перенаселенности. Введение современной санитарной системы, медицинского обслуживания и элементарного начального образования способствовало естественному росту населения. Смертность снизилась за это время с 35% до 18%, оставаясь еще весьма высокой. Доля неграмотных среди взрослых уменьшилась с 85% до 31%. Но только 40% детей посещали школу. С 1,1 млн человек в 1910 г. население острова увеличилось до 2,2 млн в 1950 г.¹⁹

Если в начале XX столетия большинство самодеятельного населения было занято в сельском хозяйстве, то в середине века в этой отрасли оставалась только одна треть. Необычайно выросла численность маргинального населения и пауперов, особенно из молодежи. Безработная, пауперизированная, но грамотная молодежь, сконцентрированная в городских трущобах и зараженная националистической идеологией, образовала здесь гремучую смесь, что способствовало массовым беспорядкам, терроризму и даже попыткам вооруженного мятежа в 1937 и 1950 гг. Эти настроения выплескивались и на континент, в «испанский Гарлем».

На протяжении всего XX столетия миграция с острова на континент сохраняла экономический характер, но ее социальный

состав менялся в соответствии с переменами в обеих частях США.

Большинство выезжавших с острова на континент на заработки трудоспособных людей сразу же возвращались обратно, но доля оставшихся неуклонно росла, за исключением кризисных лет. Обычно уехавшие оседали в Нью-Йорке и его окрестностях, в трущобах, где проживали «цветные». По данным миграционной службы США, с 1921 по 1935 г. на континент с острова прибыли 187 704 человека, а выехали 136 092 человека, граждан США. В среднем ежегодно с острова на континент прибывало по 15 тыс. человек, уезжало обратно по 7–8 тыс., а в кризисные годы даже до 12 тыс. человек. Феномен миграции играл роль некоего выпускного клапана, несколько снижавшего давление в котле. Но этот клапан был еще очень малоэффективен.

В качестве исходной точки отсчета мы выбрали перепись населения 1930 г., так как здесь можно сопоставить данные переписи с обстоятельным социологическим обследованием пуэрто-риканской общины, где в это время сосредоточилось около 90% всех континентальных пуэрториканцев. Всего насчитывалось 53 тыс. человек, родившихся на острове и проживавших на континенте, из них 53,3% составляли мужчины, 46,7% женщины. «Цветными» себя назвали 11 132 человека (21%), тогда как на острове считались «цветными» 26% населения.

Пуэрториканцы в Нью-Йорке тогда образовывали вторую по численности испаноговорящую общину (всего в городе насчитывалось 175 тыс. испаноговорящих). Первое место принадлежало кубинцам и другим выходцам из Вест-Индии (61 тыс. человек). «Нецветных» южно- и центральноамериканцев насчитывалось 14 тыс. человек, испанцев – 14 тыс., мексиканцев – 2 тыс.

Только в одном районе города – Манхэттене – было сконцентрировано 77% всех живших в городе пуэрториканцев. Второе место занимал Бруклин (18%), третье – Бронкс (2,8%), далее следует Куинс (1,6%), где в основном селились белые пуэрториканцы (здесь и в Бронксе их было более 93%), и, наконец, Ричмонд (0,5%). Больше всего «цветных» проживало в Манхэттене (21,5%) и Бруклине (31,8%)²⁰.

В июле 1930 г. Департамент труда Пуэрто-Рико открыл в Нью-Йорке специальную службу занятости для обслуживания только пуэрториканцев. За шесть лет (включая июнь 1936 г.) в этом же агентстве зарегистрировались 16 500 человек (их них 5 600 получили через него работу, в том числе 2 000 мужчин и 3 600 женщин)²¹. Большинство мужчин было устроено на строительные работы, в качестве рабочих кожевенных, бумажных и других предприятий, на табачные фабрики, в сферу услуг. Боль-

шинство женщин стало работать в качестве домашней прислуги (1 536 человек), швей (699) и т.д.²²

Большинство пуэрто-риканских рабочих в Нью-Йорке в годы кризиса, за исключением табачников, не было организовано в профсоюзы из-за дискриминации американскими профсоюзами²³. Проводивший в середине 30-х годов первое обстоятельное социологическое обследование пуэрто-риканской общины в Нью-Йорке социолог Лоуренс Шено отметил, что приехавшие в этот город пуэрториканцы обычно объединяются по земляческому принципу в небольшие клубы и другие ассоциации. Они быстро создаются и быстро распадаются. Пуэрториканцы в Нью-Йорке конфликтуют с местными выходцами из Азии, афро-американцами и проживающими в Бруклине португалоязычными неграми, выходцами из Бразилии. По мнению Лоуренса Шено, пуэрториканцы «вывезли» со своей родины неприязнь к китайцам, так как там расовые противоречия очень обострены, особенно в связи с конкуренцией между разными группами гостиничной прислуги²⁴. При этом белые пуэрториканцы дискриминируют афро-американцев, в то время как пуэрто-риканские негры, составлявшие треть мигрантов с Пуэрто-Рико, быстро ассимилируются афро-американцами, выходцами из Вест-Индии, независимо от их языка.

Хотя большинство выезжающих в США пуэрториканцев – католики, в Нью-Йорке они почти не получили помощи от католической церкви США.

Пуэрториканцы в Нью-Йорке в своем большинстве не посещали церковь и заключали преимущественно гражданские браки. Дети остаются обычно некрещеными до 6-летнего возраста. В отличие от католических организаций американские протестанты, особенно пятидесятники, активно работали в среде иммигрантов из Пуэрто-Рико и оказывали нуждающимся семьям социальную помощь.

В 30-е годы проживавшие в Нью-Йорке пуэрториканцы в своем большинстве симпатизировали пуэрто-риканским националистам и участвовали в их политических кампаниях за независимость острова от США. Из официальных отчетов федеральных властей видно, что многие тысячи пуэрториканцев участвовали в антиимпериалистических демонстрациях в Гарлеме, которые организовывал лидер националистов Альбису Кампос через свои клубы в Нью-Йорке. Они выкрикивали лозунги «Свободу Пуэрто-Рико!», «Долой империализм янки!». В этом они получали поддержку со стороны испаноговорящего и афро-американского населения Гарлема.

Приход к власти в США демократической партии и смена внутреннего и внешнего политического курса, политика «добро-

Таблица 14

**Занятость самодеятельного населения Пуэрто-Рико
по отраслям хозяйства, %**

Отрасль хозяйства	1910 г.	1947 г.
Сельское хозяйство	61	39
Промышленность и строительство	13	24
Торговля и транспорт	10	17
Услуги (включая работу в администрации)	16	20
Всего	100	100

Источник: The Puerto Rican Journey: New York's Newest Migrants. N.Y., 1950 P. 18.

го соседа» по отношению к Латинской Америке вместо политики «большой дубинки» и крупномасштабная программа общественных работ не могли не сказаться на ситуации на Пуэрто-Рико. Сенатор Тайдингс даже представил законопроект о предоставлении Пуэрто-Рико независимости, но билль не прошел. Однако произошли важные перемены в расстановке социально-политических сил на острове.

С 1899 по 1939 гг. экономика острова приобрела монокультурный характер. За это время производство сахарного тростника выросло в четыре раза. Сахар и его производные составляли 65% экспорта острова. В 1948 г. 52% сельскохозяйственных рабочих и 20% всего самодеятельного населения острова были заняты в этой отрасли²⁵. Но еженедельный заработок в сельском хозяйстве в 1945 г. составлял 5 долл. США, в то время как в промышленности – 12 долл. А на материке в то же время он составлял 47,5 долл. Причем уровень цен в Нью-Йорке и на острове был примерно одинаковым²⁶. Здесь был заложен тот механизм, который побуждал пуэрториканцев бежать на материк и полностью менять сельский образ жизни на городской, селиться в городских трущобах.

На острове большинство жителей также выталкивалось из сельской местности, меняло занятие и систему ценностей. Традиционные партии, опиравшиеся преимущественно на сельских избирателей (унионисты и республиканско-социалистическая коалиция), изжили себя, их лидеры сошли со сцены.

На волне народного недовольства набрала силу националистическая партия во главе с Педро Альбису Кампосом. Он сумел причудливо соединить левую политическую ориентацию и призывы к энергичным насильственным действиям, вплоть до вооруженных, с приверженностью к традиционным католическим ценностям и духом испанизма. Движение за культурную самобытность и политическую независимость приобретало все более агрессивный характер, временами утрачивало творческую силу и

вырождалось в тривиальный политический терроризм. Трагическая судьба Педро Альбису Кампоса ярчайшее тому подтверждение. Он во многом повторил крестный путь, которым за полвека до него прошел основатель либеральной партии Мексики, анархист, тираноборец Рикардо Флорес Магон, зарезанный тюремщиками в застенках Форт Левенворта.

В 1923 г. сын лидера федералистов, идеолога автономизма, отказавшийся от увлечения социализмом, Луис Муньос Марин основал новую партию, а в 1938 г. вывел ее на политическую арену под именем Национально-демократической партии. Эта партия опиралась на обездоленные слои населения, рассчитывавшие на федеральные программы социальной помощи. В то же время ее политический курс определяли новые средние слои, которые надеялись привлечь на остров капиталы с континента для его индустриализации и поставок товаров на необъятный североамериканский рынок. Девизом партии стал лозунг «Хлеба, земли и свободы», а вопрос о статусе острова ее лидер предложил отложить до лучших времен. Когда сенатор Тайдингс в 1945 г. снова выдвинул законопроект о предоставлении острову независимости, лидер местного сената Луис Муньос Марин заявил, что независимость вызовет экономический крах, и снова вопрос был снят с повестки дня. С 1940 г. эта партия возглавляла местный законодательный орган.

В 1946 г. президент США Г. Трумэн назначил впервые в истории губернатором острова пуэрториканца Хесуса Пиньеро. В 1948 г. в результате выборов губернатором был избран Л. Муньос Марин. Он предложил изменить статус острова, превратив его в «свободно присоединившееся государство» (в испанском языке слова «государство» и «штат» пишутся и звучат одинаково, а по-английски для обозначения этого понятия используется термин «commonwealth», что на русский переводится словом «сообщество»). В 1950 г. конгресс США принял закон № 600 о порядке подготовки острова к самоуправлению.

В 1951 г. в соответствии с этим законом, одобренным пуэрториканскими избирателями, конституциональной конвент разработал конституцию Пуэрто-Рико, согласовав ее с конституцией США. В 1952 г. новая конституция была одобрена на референдуме (за нее было подано 374 тыс. голосов против 83 тыс.) и утверждена конгрессом США. Обосновывая свою идейную позицию, продолжавшую линию, намеченную в 1917 г. Хосе де Диго, в своей речи «Пуэрто-риканская личность в свободно присоединившемся государстве» перед генеральной ассамблеей ассоциации учителей 29 декабря 1993 г. новый губернатор Луис Муньос Марин заявил: «Мы знаем, что пуэрто-риканская культу-

Таблица 15

**Численность пуэрториканцев на материке США
(по данным переписи населения)**

Год	Всего человек	Из них родившихся на острове	Из них родившихся на континенте
1910	1 513	1 513	—
1920	11 811	11 811	—
1930	52 774	52 774	—
1940	69 967	69 967	—
1950	301 375	226 110	75 265

Источник: Maldonado-Denis M. Puerto Rico y Estados Unidos: emigración y colonialismo. México, 1976. P. 177.

ра так же, как культура Соединенных Штатов, есть и будет частью великой западной культуры. Но не может быть западного человека, не принадлежащего к какой-либо части Запада. Если мы не будем западниками с пуэрто-риканскими корнями, то мы окажемся западниками без корней. А витальность народов требует корней. Мы западники, так как у нас там корни. Мы – американцы США, и американцы Америки, и западники Запада. И мы являемся ими в силу того, что мы – пуэрториканцы Пуэрто-Рико»²⁷.

Народно-демократической партии удалось при поддержке конгресса и правительства США осуществить земельную реформу, создать на острове благоприятный климат для привлечения в экономику инвестиций и для индустриализации и развития туризма.

Валовой продукт Пуэрто-Рико вырос с 759 млн долл. в 1950 г. до 5 169 млн в 1971 г. Но так как речь шла о высокотехнологических предприятиях, то они требовали относительно небольшую, высококвалифицированную рабочую силу. В 1971 г. на Пуэрто-Рико насчитывалось всего 97 тыс. промышленных наемных рабочих (11,4% самодеятельного населения, равного 849 тыс. человек).

Уровень безработицы, по официальным данным, колебался в пределах от 10 до 14%, а по неофициальным – превышал 20%, в то время как на материке он составлял всего 5%²⁸. Здесь предъявлялся большой спрос на дешевую и малоквалифицированную рабочую силу. Это объясняет появление в США, начиная с 50-х годов, настоящей пуэрто-риканской диаспоры.

К концу 40-х – началу 50-х годов подавляющее большинство пуэрториканцев на континенте, как и раньше, было сконцентрировано в Нью-Йорке, почему жители острова дали своим материковым согражданам прозвище «нуйориканс». В этом прозвище

Таблица 16
**Расовый состав пуэрто-риканских мигрантов в районах
 «испанского Гарлема» и Моррисании в 1947 г., %**

Раса	Все мигранты	Мужчины	Женщины
Белые	64	70	60
Промежуточные*	16	14	17
Негры	20	16	23

*Эту категорию составляли две разные группы мулатов. К так называемым индейцам («индио») относили людей со смуглой кожей, черноглазых, с курчавой шевелюрой. К категории «грифо» относили сероглазых или голубоглазых светлокожих брюнетов с «нехорошей» шевелюрой.

Источник: The Puerto Rican Journey. N.Y., 1950. P. 27.

звучала и зависть к более «зажиточным» землякам, владению ими английским языком, и стремление «поставить их на место», когда они возвращались с материка. К тому же они не только не совсем правильно говорили по-испански и утратили какие-то обычаи и привычки, но и принадлежали зачастую к «низшей», по местным понятиям, «расе», а точнее, «касте».

В 1948 г. в Нью-Йорке проживало уже около 200 тыс. пуэрториканцев²⁹. Большинство их было сосредоточено в двух районах: «испанском Гарлеме» и Моррисании. Причем здесь доля «цветных» (негров и мулатов) была выше, чем в остальных районах Нью-Йорка, и гораздо выше, чем на острове. Согласно переписи 1940 г., белые составляли 76,5% всего населения острова, 73,5% городского населения и 68,5% населения столицы. В колонии Манхэттена белые составляли 57%, а в Бронксе доля «цветных» приближалась к островному показателю. Здесь белые составляли 77%.

Естественно, что среди мигрантов преобладали люди в возрасте от 20 до 49 лет. Эта группа давала половину мигрантов (на острове они составляли только 38% населения), 41% насчитывали дети и подростки (на острове – 42%).

Правда, в 50–70-е годы в составе пуэрто-риканской общины на материке произошли перемены, отразившие не только локальные изменения, но и ее распространение из Нью-Йорка в другие штаты США. Кроме этого, изменился культурный и социальный облик всей пуэрто-риканской нации.

В итоге к 70-м годам в результате модернизации окончательно оформился облик современной пуэрто-риканской нации, входящей в североамериканскую цивилизацию. Из преимущественно сельской, какой она была в начале XX столетия, пуэрто-риканская нация стала абсолютно городской и консолидировалась. Вопреки горьким пророчествам, она не только не ассимилирова-

лась, но сумела сохранить свою национальную идентичность. В отличие от всех остальных национальных меньшинств США пуэрториканцы на острове обеспечили себе территориально-национальную автономию и добились-таки собственной государственности, подтвержденной целой серией плебисцитов. А на материке к 70-м году оказалась распространившаяся уже почти по всей стране другая половина пуэрто-риканской нации – полноправная диаспора.

6.6. Облик современной диаспоры и ее специфические черты

За последние полвека пуэрто-риканская диаспора пережила столько перемен, что в общественном сознании сформировался стереотип пуэрториканца на материке – «нуйорикан», отличного от пуэрториканца-айлэндера, как двух различных в социокультурном отношении больших групп населения США. Эта разница настолько велика, настолько бросается в глаза, что в научных исследованиях и в художественной литературе, в публицистике, в кино и на телевидении, в обыденной жизни ставится вопрос: существует ли единая пуэрто-риканская нация или речь идет уже о разделенном народе, хотя он и живет в рамках одного и того же государства.

Прежде всего обратимся к количественной стороне явления.

Данные табл. 17 примерно на 40% преуменьшают численность пуэрториканцев, проживающих на материке. Здесь не учитываются пуэрториканцы третьего и больших поколений, слабо учтены чернокожие пуэрториканцы, неграмотные обитатели трущоб. В отличие от мексикано-американской и южно-американской общины, среди пуэрториканцев нет нелегальных иммигрантов потому, что все пуэрториканцы автоматически являются гражданами США или, если они обладают пуэрто-риканскими паспортами, приравнены к ним.

Начиная с 1960 г. примерно одна треть, а временами и больше пуэрториканцев постоянно проживает на континенте, хотя по отдельным годам и десятилетиям заметны большие колебания. Они зависят от изменений экономической конъюнктуры на острове и материке, которые не всегда совпадают, и от законодательства, особенно налогового режима.

На континенте сложился большой массив пуэрториканцев второго-третьего поколений, не собирающихся возвращаться на остров, но и не ассимилированных англоязычной средой, сохраняющих билингвизм и даже говорящих только по-испански. Речь идет примерно о миллионе человек. Но большинство в ди-

Таблица 17

Численный рост пуэрто-риканской нации, тыс. человек

Год	Население острова Пуэрто-Рико	Численность пуэрториканцев, проживающих на материке
1950	2211	301
1960	2350	888
1970	2722	1429
1980	3210	2000
1990	3573	2728
2000	3916	3039
2010*	4088	—
2020*	4196	—

Источник: Historical Statistics of the United States. Part 1: Colonial Times to 1970. N.Y., 1989. P. 9; Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge (Mass.), 1980. P. 860; Statistical Abstract of the United States: The National Data Book. 120th ed. Wash., 2000. P. 29, 46, 803; *Maldonado-Denis M.* Puerto Rico y Estados Unidos: emigración y colonialismo. México, 1976. P. 52; American Immigrant culture: Builders of a Nation. N.Y., 1997. Vol. 2. P. 716.

*Прогноз.

аспоре принадлежит тем, кто сохраняет и поддерживает семейные связи с родиной и, в случае изменения конъюнктуры или под старость, возвращается «домой». Так случилось в 70-е годы, когда более 330 тыс. пуэрториканцев вернулось с материка на остров.

С 1940 по 1970 гг. официальная численность проживающих в Нью-Йорке пуэрториканцев выросла с 66 тыс. человек (1% всего населения города) до 817 713 человек (свыше 10% населения). Это пополнение мигрантов в основном шло за счет женщин, безработных мужчин, разорившегося сельского населения³⁰.

В 1990 г. среди лиц испанского происхождения, проживавших в Нью-Йорке, женщины составляли 52,3%, в то время как у испанских белых – 52,8%, а неиспанских чернокожих – даже 55,2%³¹.

Непростые отношения сложились внутри самой пуэрто-риканской общины г. Нью-Йорка, с одной стороны, и между нею и другими этническими меньшинствами города, с другой. Впрочем, и само-то белое большинство, тоже совсем неоднородное (потомки голландцев, немцев, евреев, итальянцев, ирландцев, португальцев и др.), стало в 90-е годы этническим меньшинством в городе.

Пуэрто-риканская община унаследовала у островного общества его иерархизированную структуру с дискриминацией по расовому признаку. При переписях населения говорящие по-испански люди относят себя, как и на острове, к разным этническим группам («белый», «черный», «метис», «индеец», «грифо» и т.д.).

Таблица 18

Население г. Нью-Йорка, тыс. человек

Год	Все население	Население испанского происхождения			Население неиспанского происхождения		Прочие	Доля родившихся за границей, %
		пуэрториканцы	прочие	всего	белые	негры		
1970	7 895	847	432	1279	4973	1526	118	18,2
1980	7 072	853	554	1406	3703	1695	268	23,6
1990	7 323	897	887	1784	3163	1847	529	28,4

Источник: The Encyclopedia of New York City. N.Y., 1995. P. 921.

Далеко не все вспоминают о своем пуэрто-риканском происхождении или родственниках на острове.

Чернокожие пуэрториканцы в Нью-Йорке включаются социологами во вторую по численности в городе этническую группу (испаноговорящие чернокожие), которых чуть-чуть больше, чем испаноговорящих белых. Пуэрториканские негры ближе сходятся с другими испаноговорящими чернокожими и с англоговорящими чернокожими из Вест-Индии. Они легче ассимилируются американским обществом. В то же время они с недоверием, а то и враждебностью относятся к чернокожим эмигрантам с Гаити, говорящим на креоле и зачастую являющимся приверженцами воудизма.

В целом живущие компактно в «испанском Гарлеме» пуэрториканские негры вместе с американскими неграми порой сталкиваются с пуэрто-риканскими островитянами-мигрантами, которых презрительно называют «спикс» (spicks). Уровень жизни негров и их квалификация, средний семейный доход значительно выше, чем у островитян-мигрантов.

В свою очередь, и негры, и белые особенно неприязненно относятся к эмигрантам азиатского происхождения, например к китайцам. Эту свою неприязнь они вывезли с острова. В Нью-Йорке она обострилась из-за конкуренции в гостиничной сфере и вообще в сфере услуг и развлечений, хотя проживают они в разных сегментах Нью-Йорка.

Все пуэрториканцы, и белые, и чернокожие, нередко становятся жертвами местной итальянской мафии. Именно поэтому жалобы на распространенность наркотиков и высокую преступность в городе занимают первые места при опросах.

Впрочем, что касается «айлэндеров», то острота конкуренции с их стороны постепенно спадает, но не исчезает вовсе.

Таблица 19

Доля пуэрториканцев-иммигрантов в испаноязычной иммиграции США

1950–1959 гг.		1960–1969 гг.		1970–1979 гг.	
Число иммигрантов, тыс. человек	Доля, %	Число иммигрантов, тыс. человек	Доля, %	Число иммигрантов, тыс. человек	Доля, %
480	50,2	222	17,1	41	3,0

Источник: The Puerto Rican Woman Perspectives on Culture: History and Society. N.Y., 1986. P. 148.

В дальнейшем большую роль стал играть естественный прирост населения, а сам город все больше превращался в своеобразную перевалочную базу. Пожив здесь какое-то время и приобретя известные навыки жизни в новой среде, иммигранты едут на юг и на запад, включаясь там в местные пуэрто-риканские общины.

Вообще с 60-х годов не только социальная, но и территориальная мобильность населения как на острове, так и на материке резко выросла.

На острове около 40% населения сконцентрировалось в столице г. Сан-Хуан, ставшем не только административным центром, но и важнейшим туристским, торговым, финансовым и индустриальным городом. К сожалению, здесь сосредоточились и самые большие трущобы.

На материке из «старых» центров расселения (гг. Нью-Йорк, Ньюарк, Филадельфия, Майами) пуэрто-риканская диаспора стала продвигаться в Новую Англию, на Запад и на Юг, в штаты Калифорния, Флорида, Огайо, Коннектикут, Массачусетс, Техас, Луизиана и др. Сложились новые пуэрто-риканские колонии в гг. Чикаго, Лорейн, Майами, Хартфорд, Спрингфилд и др.

Причины перемещения пуэрториканцев из Нью-Йорка в другие районы были в основном экономического свойства, о чем свидетельствует табл. 20.

Эти цифры указывают на одну из важнейших экономических (наряду с возросшей безработицей) причин реэмиграции пуэрториканских семей на остров в 1977–1979 гг. и отъезда их в другие районы США, где был выше среднесемейный доход.

Несмотря на эту миграцию, из-за высокого естественного прироста испаноговорящее население г. Нью-Йорка в 1990 г. составило четверть всего населения мегаполиса, а белые, не говорящие по-испански, превратились в этническое меньшинство (43,2%)³².

В этот период, начиная с 1947 г., когда Народно-демократическая партия на острове стала проводить в жизнь программу

Таблица 20

**Средний доход пуэрто-риканской семьи в Нью-Йорке и в США
(в постоянных ценах 1989 г.)**

Год	Среднесемейный доход в США	Уровень дохода семьи г. Нью-Йорка в сравнении со среднесемейным доходом в США в целом	
	Доход, долл. США	Доход, долл. США	%
1949	18 371	16 104	114,1
1959	25 955	24 118	107,6
1969	32 713	32 402	101,0
1979	28 725	34 018	84,4
1989	34 360	35 225	97,3

Источник: The Encyclopedia of New York. N.Y., 1995. P. 921.

экономического развития острова, развернулся процесс урбанизации. Число сельскохозяйственных рабочих сократилось с 200 тыс. в 1952 г. до 36 тыс. в 1975 г.³³ Известный пуэрто-риканский демограф Хосе Луис Васкес Кальсада пришел к следующему выводу: «В своем большинстве эмигранты выезжают из сельских районов Пуэрто-Рико. В последние десятилетия более 60% тех людей, которые уезжали в США, проживали в сельской местности»³⁴. А в США они поселялись в крупных городских агломерациях.

В 60-е годы, когда стали закрываться мелкие и средние текстильные предприятия в провинциальных городах и селениях острова, поток эмигрантов пополнился за счет новых безработных, уже городского происхождения³⁵. В своем большинстве это были молодые люди в возрасте от 15 до 39 лет (их доля среди эмигрантов достигала 70%)³⁶. В последние десятилетия экономическая миграция с острова носит преимущественно городской характер, причем доля «цветных» стала незначительной.

Такие перемены сделали пуэрто-риканские общины на материке несколько более конкурентоспособными на рынке труда, по сравнению с другими испано-американскими семьями, и позволили несколько снизить долю бедных семей. Так как материковые пуэрториканцы в своем большинстве лучше владеют английским языком, чем островитяне и иммигранты из Центральной и Южной Америки и Мексики, то у них оказалось больше шансов получить работу, а следовательно, иметь более высокий доход.

Социологические обследования показали также, что в этом случае общеобразовательный уровень не влияет столь сильно на шанс получить работу, как владение английским языком.

В 1970 г. средний доход семьи в США составлял в текущих ценах 10 285 долл. У проживавших на континенте пуэрториканцев он был самым низким из всех этнических меньшинств и равнялся 6185 долл. При этом за чертой бедности у материковых пуэрториканцев оказывалось 37,5% семей, в то время как по стране в целом – гораздо меньше (18,5%).

В конце XX в. картина выглядела уже несколько иначе. Материковые пуэрториканцы обогнали по среднему семейному доходу мексикано-американцев, но значительно отставали от всех других групп. Их среднесемейный доход достиг 28 953 долл. (у мексикано-американцев – 27 883 долл.).

Доля бедных семей сильно сократилась, но все же оставалась самой большой – 26,7% против 30,3% в 1990 г. У мексикано-американцев, например, она равнялась 22,7%.

У пуэрто-риканских семей оказывалась и самая высокая доля квартиростъемщиков (67,2%, т.е. свыше двух третей семей, тогда как у других испаноговорящих она колебалась около половины)³⁷.

В целом уровень жизни «нуйориканс» примерно в два раза выше уровня жизни «айлендерс» и раза в четыре, а то и в пять-шесть, чем у жителей Вест-Индии и Южной Америки. Но так как около трети материковых пуэрториканцев ютится в трущобах городских агломераций, где высоки детская смертность, подростковая преступность, неграмотность, то качество жизни у них гораздо хуже. К тому же климатические условия здесь суровее, чем в привычных им тропиках и субтропиках, и требуется гораздо больше расходов на одежду, обувь, жилье, да и на питание и лекарства.

Эта беднейшая треть «нуйориканс» существует на социальные вспомоществования, которые представляются из местных бюджетов при содействии представительств и фондов пуэрто-риканского правительства. Но если раньше доля живших на такое вспомоществование доходила до 45% и выше, то теперь она сократилась примерно до 23–26%.

Все это влияет и на характер семьи, на семейные отношения. В отличие от других испаноязычных общин США с их патриархальными традициями и приверженностью к модели «большой семьи», у пуэрториканцев Нью-Йорка превалирует матрифокальная семья, в которой главой семьи выступает мать, а в состав семьи входят ее несовершеннолетние сыновья, обычно от разных сожителей.

Пуэрто-риканские семьи отличаются высокой рождаемостью (выше только среди негров и мексикано-американцев). В среднем семья состоит из четырех человек. В 1978 г. 24% семей

состояли из двух человек, 22% – из трех, 24% – из четырех, 17% – из пяти, 12% – из шести и более.

Это связано с господством консервативных установок в семье, несмотря на преобладающий тип матрифокальной семьи. Так, в 1977 г. 44,7% семей имели главой женщину, 37% семей состояли только из женщины с детьми до 18 лет³⁸. При этом средний доход пуэрто-риканской женщины равнялся 57% дохода мужчины англосаксонского происхождения (у мужчины-пуэрториканца он составлял 98%)³⁹. Средний уровень образования пуэрториканки равнялся 9,1 класса, в то время как в группе выходцев из Южной и Центральной Америки – 11 классов, а в группе белых неиспаноговорящих – 12,3 класса.

О консервативности семейных установок свидетельствует и тот факт, что пуэрториканки ищут себе семейных партнеров внутри пуэрто-риканской общины. В 1975 г. только у 29,5% пуэрториканцев первого и второго поколений партнер не принадлежал к их общине (у выходцев из Центральной Америки – 56,1%, у кубино-американцев – 63,4%). Но и в этом случае предпочтение отдавалось другим испаноговорящим⁴⁰.

Социологические опросы показали, что две трети пуэрториканцев считали легитимной власть мужчины над женой и детьми (в группе испаноговорящих этот ответ давали 55% опрошенных. И это – в условиях доминирования матрифокальной семьи⁴¹).

Совершенно иную картину, нежели в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси, мы видим в г. Лорейне (штат Огайо). Здесь расположились еще до Второй мировой войны сталелитейные и машиностроительные заводы, в том числе автомобильный завод Форда. Во время Второй мировой войны сюда устремились молодые пуэрториканцы из Нью-Йорка, привлеченные высокими заработками и возможностью получить хорошую квалификацию. В отличие от Нью-Йорка, где среди пуэрториканцев преобладают женщины (от 53 до 60%), в г. Лорейне первенство прочно удерживают мужчины (от 55% и выше). В результате среди проживающих в Лорейне домовладельцев, а здесь преобладают именно они, а не квартиросъемщики, как в других материковых колониях, женщины составляют всего 7%.

Эта колония держит первенство также по доле посещающей школу молодежи, по уровню образования. Здесь самый высокий семейный доход (после г. Сан-Франциско в Калифорнии). Например, в сложившейся в 70-е годы пуэрто-риканской общине в г. Бостоне средний семейный доход достиг половины уровня дохода пуэрто-риканской семьи в г. Лорейне.

В итоге в Лорейне доминирует патриархальный тип большой семьи во главе с мужчиной.

Такой тип семьи весьма распространен также среди пуэрториканцев, проживавших в старых колониях Сан-Франциско, Лос-Анджелеса и Гонолулу. Эти колонии появились здесь сразу же после оккупации Пуэрто-Рико американскими войсками в 1898 г., когда Сан-Франциско служил перевалочной базой для пуэрто-риканских рубщиков сахарного тростника, завербованных на Гавайских островах. Часть из них здесь и осела. Это – хорошо обустроенные общины (они занимают по среднему семейному доходу первое и третье места среди материковых общин). Более половины семей проживает здесь в третьем и более поколениях. Доля бедных семей – наиболее низкая среди всех пуэрто-риканских общин. В общине Лос-Анджелеса – самый высокий процент лиц, принадлежащих к управленческому персоналу фирм (14% в сравнении с 8% в нью-йоркской общине).

Совсем иную картину мы наблюдаем в новой общине Бостона. Здесь во главе 36% семей стоят женщины, окруженные многочисленными детьми. 40% семей живут в бедности. Многие дети не посещают школу.

Еще хуже положение в пуэрто-риканской общине г. Майами (штат Флорида), где самая высокая доля бедных семей, прозябающих на фоне процветающей общины доминирующих здесь кубино-американцев.

Нью-йоркские пуэрториканцы в подавляющем большинстве случаев проявляют аполитичность, плохо поддаются организации.

Несмотря на большие усилия и личную поддержку со стороны Фиделя Кастро, ни Мартин Лютер Кинг, ни тем более Кармайкл не нашли сочувствия в своей агитации даже со стороны черных обитателей «испанского Гарлема», не говоря уже о белых.

В более позднее время эта вошедшая в поговорку политическая индифферентность, пассивность «материковых» пуэрториканцев, их неспособность добиться лоббирования своих интересов на политическом уровне стала еще более очевидной. Социологический опрос, проведенный в конце 60-х годов среди пуэрториканцев в г. Нью-Йорке, показал, что 65% опрошенных больше всего беспокоила проблема наркомании и наркоторговли, 37% было озабочено высоким уровнем безработицы, 26% – преступности, по 12% – плохим состоянием медицинских услуг и проблемой нищеты и только 8% волновала нерешенность политического статуса⁴². А недавно приехавшие островитяне предпочитают улаживать свои дела в индивидуальном порядке через представительство правительства Пуэрто-Рико в Нью-Йорке, представителя Пуэрто-Рико в конгрессе США в Вашингтоне и разнообразные клубы.

Пуэрто-риканская община в Нью-Йорке – единственная, у которой нет этнически окрашенных организованных преступных групп.

Социально-политическая пассивность возмещается социокультурной активностью преимущественно на муниципальном уровне. Она проявляется в создании всевозможных клубов, молодежных развлекательных объединенных ассоциаций.

В 1948 г. отдел миграции Департамента труда Пуэрто-Рико открыл свое отделение в г. Нью-Йорке. Оно проводило мониторинг сезонных трудовых контрактов, заключавшихся пуэрториканцами, которые завербовывались на континент, предлагало свою помощь в поиске работы и предложениях услуг, свои адвокатские услуги, обеспечение связей с островом и т.д. После принятия нового статуса острова отделение было переименовано в Бюро Сообщества, которое превратилось в политического посредника между Пуэрто-Рико и пуэрто-риканскими общинами США.

В конце 50-х годов появились новые пуэрто-риканские организации на континенте, такие как координационный комитет по празднованию национального дня Пуэрто-Рико (Coordinating Committee for the Puerto Rican Day Parade), Совет местных клубов (Council on Hometown Clubs), которые были призваны распространять позитивный образ пуэрториканцев и содействовать борьбе с расизмом и дискриминацией, полицейским произволом властей.

В 1953 г. была создана Пуэрто-риканская ассоциация по делам общины (Puerto Rican Association for Community Affairs), а в 1958 г. – Пуэрто-риканский Форум. Они занимаются преимущественно делами молодежи, образования и защиты культурной самобытности. Кроме того, Форум помогает созданию местных групп, разработке планов их развития, представляет интересы пуэрториканцев перед властями города, штата и федеральными властями. В 1961 г. была создана в Нью-Йорке специальная организация по вопросам образования (Aspira). Она помогает пуэрториканцам в получении ими полного среднего и высшего образования, содействует разработке программы двуязычного образования. В 1968 г. эта организация была преобразована во всеамериканскую (Aspira of America) с отделениями в Нью-Джерси, Пенсильвании, Иллинойсе и Пуэрто-Рико.

Одной из главных фигур, принимавших участие в создании всех этих организаций, была Антония Пантоха (Antonia Pantoja). Она родилась в г. Сан Хуане в 1921 г. в рабочей семье и переехала в Нью-Йорке в 1944 г.

Здесь она участвовала в организации ассоциаций рабочих табачных фабрик, затем культурных обществ. В 1970 г. она основа-

ла Колледж Борика (Boricua College). В 80-е годы она переехала в Сан-Диего, где основала школу по развитию местных общин (Graduate School for Community Development). Затем вернулась на остров, где вместе с Вильгельминой Перрес основала общественное движение по развитию производства (Producir).

В 80–90-е годы уже второе и третье поколения пуэрториканцев, живущих на континенте, включились в деятельность этих ассоциаций, которых многие из них критикуют за бюрократизм руководства и политическую пассивность. Появляются и новые организации, например Пуэрто-риканский студенческий союз (Puerto Rican Students Union), Пуэрто-риканская социалистическая партия (Puerto Rican Socialist Party – PSP), «Молодые Лорды» (Young Lords) и др. Они разрабатывают и проводят в жизнь более радикальные программы борьбы с бедностью, за улучшение жилищных и санитарных условий, создают доступные для бедноты клиники, борются за двуязычное образование в публичных школах. Некоторые из новых лидеров этих организаций, например Герман Бадильо (Herman Badillo), связаны с реформистским крылом Демократической партии США.

Герман Бадильо родился в г. Кагуас на Пуэрто-Рико, в 1941 г. переехал в Нью-Йорк и поселился в «испанском Гарлеме», жил в Чикаго и Лос-Анджелесе, затем в вернулся в Нью-Йорк, где окончил городской колледж и Бруклинскую школу права (1954 г.). Он посвятил себя муниципальной работе в пуэрто-риканских кварталах и стал первым пуэрториканцем, возглавившим муниципалитет Бронкса в 1966–1969 гг., а позднее первым пуэрториканцем, избранным с решающим голосом в палату представителей США (1971–1976 гг.). Затем он занялся развитием программы образования в высшей школе в Нью-Йорке.

В 1965 г. был принят закон о начальном и среднем образовании, в котором фигурировала глава VII о введении двуязычного образования. Это позволило разработать программы и ввести обучение на испанском языке (в добавление к английскому) пуэрто-риканских детей и подростков в школах Нью-Йорка и других американских городов. Кроме того, в 1973 г. городским университетом Нью-Йорка и Фондом Форда был учрежден Центр пуэрто-риканских исследований при этом университете. Всего в нем в начале 70-х годов действовало 14 программ по пуэрто-риканским исследованиям в рамках этнических исследований по проблемам испаноязычного населения США. Эти программы отпочковывались от этнических исследований афро-американской культуры.

Однако все это и льготы, предоставленные пуэрториканцам при поступлении в колледж и университеты, принесли выгоды

главным образом афро-американцам (из их числа набирались учителя и их помощники в двуязычных школах и колледжах).

Почти половина вернувшихся с континента на остров пуэрто-риканцев не владеет испанским языком, что в условиях высокой безработицы на Пуэрто-Рико лишает их надежды на получение работы. А жить на социальную помощь, предоставляемую местными властями, для них невозможно, так как она значительно меньше, чем на материке и предоставляется гораздо более узкому кругу людей. Хотя по официальным данным, большинство вернувшихся принадлежит к среднему классу, в действительности, большинство из них потеряло работу и не могло устроиться снова, предпочитая искать счастья на острове. А работу они ищут в привычной для них городской среде, в промышленности и сфере услуг, а не в незначительном сельском хозяйстве.

В середине 70-х годов в публичных школах Нью-Йорка обучалось 253 тыс. пуэрто-риканских детей (23% всех учащихся).

С введением двуязычных образовательных программ в школах Нью-Йорка и других городов появился довольно многочисленный слой помощников учителей, которые образовали Общество пуэрто-риканских помощников учителей (Society of Puerto Rican Auxiliary Teachers), а позднее Пуэрто-риканскую ассоциацию воспитателей (Puerto Rican Educators' Association).

В 1972 г. Фонд по защите законных прав пуэрториканцев на образование стал работать среди городской молодежи.

В 70-е годы в центре внимания пуэрто-риканских и других испано-американских общественных организаций г. Нью-Йорка находились вопросы двуязычного образования в публичных школах и подготовки преподавательских кадров для них. Они решали эти вопросы совместно с городским Советом по образованию. Особенно большую активность в этом деле проявляло нью-йоркское отделение организации «Аспира». Вопрос сдвинулся, когда были подготовлены кадры испаноговорящих помощников учителей, объединившихся в собственную ассоциацию.

Параллельно решался вопрос об обеспечении доступа испаноговорящих на курсы подготовки офицеров (сержантов) нью-йоркской полиции. Этот вопрос «Хиспаник сосайети» решала, договариваясь с департаментом полиции г. Нью-Йорка. Он был решен в 1986 г.

Со второй половины 70-х годов на первый план выдвинулся вопрос о создании равного доступа к нарезке участков в городской черте для частичного жилищного строительства и устранения расовой дискриминации со стороны городских властей в этом отношении. Развернулась массовая кампания за справедливый подход к решению жилищного вопроса.

В начале 90-х годов была создана испаноязычная организация за равноправие в процессе голосования для всех избирательных округов в городе. Она добивается формирования округов таким образом, чтобы не разбивать голоса испаноязычных избирателей и обеспечить им возможность проводить своих кандидатов в местные органы власти.

Как видим, пуэрто-риканские общины на материке весьма неоднородны в социальном отношении, сильно разнятся между собой и действуют в неодинаковых условиях. Их связи с островом интенсивны, но в одних случаях более разносторонни и многообразны (примеры Нью-Йорка и Бостона), в других – гораздо скуднее (как получилось в Майами).

Власти острова стараются опекать материковые общины и использовать, хотя и небольшие, лоббистские возможности. Они продолжают видеть в них клапан, помогающий несколько понизить хроническое социальное напряжение на острове, а также своего рода донора и кадровый резерв. Однако во всех этих отношениях значение материка после проведенных на острове реформ уменьшилось. Зато возросла опасность конкуренции, так как уровень образованности, информированности и степень владения новыми технологиями у «людей с материка» все же выше.

В свою очередь, большая конкурентоспособность и более высокий средний семейный доход «ньюйорканс» вызывают социальную зависть островитян – «айлендерс» и довольно явственную неприязнь. Последняя имеет сложный социокультурный, можно сказать, цивилизационный подтекст.

Пуэрто-риканская диаспора имеет в основном крестьянское социальное происхождение, но разместились она на материке в крупнейших мегаполисах и порвала с сельским хозяйством. Процесс адаптации к городской среде протекал болезненно и породил много социопсихологических проблем, усилил разобщенность людей и их конформизм, вызвал иждивенческие настроения.

Изю всех испаноговорящих общин США пуэрто-риканская община является наименее обеспеченной в материальном отношении, наиболее страдающей от безработицы и неустроенности жизни. Это – наименее солидарная община. Ее даже трудно назвать общиной, речь идет скорее о противоречивом конгломерате различных расово-этнических групп, резко отличающихся друг от друга по своему материальному положению, уровню образования, занятости, языку, психологическим характеристикам, вероисповеданию, политическим взглядам. Среди них весьма многочисленны маргинальные городские слои, малочислен средний класс. Большая часть представителей последнего ассимилировалась и вошла в состав англосаксонского «белого» ядра американской нации.

6.7. Цивилизационные проблемы материковых пуэрториканцев

Массовое включение одной трети пуэрториканцев, живших до этого компактно на своем острове, в иноязычную и непривычную в природном, социальном и культурном отношениях среду вызвало у них настоящий цивилизационный шок. Психологи и психиатры г. Нью-Йорка отметили, что доля психических расстройств и заболеваний, число самоубийств среди молодежи в пуэрто-риканской общине города вдвое выше, чем, например, в негритянской общине, а адаптация личности к новым условиям значительно ниже. Отмеченная выше общественная пассивность, подавленность, замкнутость иммигрантов, особенно тех, у кого по разным причинам порвались связи с родиной, – следствие этого шока.

Во многом этот шок вызван утратой информационного кода и физической невозможностью освоить код принимающей цивилизации.

Уровень преподавания в публичных двуязычных школах Нью-Йорка и других мегаполисов США значительно ниже, чем в англоязычных школах. В результате ребенок и подросток не овладевают литературным языком. Они говорят на местном жаргоне, который здесь презрительно называют «спэнглиш», и чувствуют себя с младенчества людьми второго сорта. Работающим матерям и их случайным спутникам по жизни некогда возиться с детьми, хотя матери их очень любят и по-своему заботятся о них. Большую часть времени они предоставлены сами себе. В школе они, как правило, не встречают ласки, их всячески унижают полуграмотные наставники, однокашники. На улице они сталкиваются с откровенной враждебностью и становятся жертвами агрессии, насилия, а то и преступности. По большей части дети не знают, кто их отец, не знают своих родственников, не знают своих корней и истоков. У них нет традиций, а потому, взрослея, зачастую оказываются не способными к инновационной деятельности. В этом смысле в гораздо более выгодной ситуации оказались мексикано-американцы, которые в отличие от пуэрториканцев очень живо интересуются своими родственниками, своими корнями и традициями, как семейными, так и национальными. А в Нью-Йорке, например, в 68% пуэрто-риканских семей даже дома говорят только по-английски. Понятно, что эти дети чувствуют себя отрезанными от островной традиции, от родственников, но не ощущают себя «дома» и на материке, где все окружение неприязненно относится к ним. Хрестоматийным стал ответ одного пуэрто-рикан-

ского юноши, родившегося в Нью-Йорке, на вопрос о его грамотности: «Я не владею грамотой ни на том, ни на другом языке и чувствую себя чужим в обеих странах»⁴³.

Экзистенциальная выброшенность в «большой и чуждый мир», одиночество, обделенность любовью и дружбой – одна из тем «материковой» литературы и публицистики. Да и в «островной» литературе, общественной жизни эта тема звучит очень злободневно на протяжении целого столетия.

Известный испанский ученый, член Испанской королевской академии, профессор Мадридского университета Рафаэль Ламеса писал в середине XX в., что растущее приспособление пуэрториканского общества к американским идеалам, способам мыслить и жить сопровождается утверждением билингвизма. «В условиях последнего английским язык становится доминирующим, а испанский вытесняется в сферу бытового общения на уровне семьи, утрачивает культурные связи с мировым испанским языком и вырождается в диалектный примитивный арг»⁴⁴. Его пуэрториканский ученик Херман де Гранда скрупулезно изучил процесс аккультурации, протекающий на родном острове, и выявил его причины и механизм. Двумя взаимосвязанными явлениями он считал конвергенцию с английским языком, а также упрощение и обеднение базовых систем испанского языка. Но вдобавок к этому, в силу возросшей социальной мобильности, значительное число лиц, принадлежащих к низшим слоям населения, выдвигается в средние страты общества. В руки этого нарождающегося среднего класса попадают важные рычаги механизма принятия решений в социальной и политической жизни. И они приносят с собой и утверждают в обществе речевую практику, отличающуюся избытком вульгаризмов, расшатыванием языковых норм и предпочтением локальных, местных средств выражения⁴⁵.

Эти негативные явления тесно связаны с господствующими в США и на Пуэрто-Рико всеобщим недоверием к интеллектуалам и литераторам и с прекращением человеческого и культурного общения населения с испано-американскими странами⁴⁶.

Другим фактором стала маргинализация традиционалистского крестьянства горной части острова, пролетаризация большинства населения и концентрация маргиналов в городских агломерациях на самом острове (трущобные районы «Ла Перла» и «Эль Фангито» в столице) или в «испанском Гарлеме» г. Нью-Йорка⁴⁷.

Со стороны пуэрто-риканской и вообще латиноамериканской интеллигенции в адрес правящих кругов США и правительства Пуэрто-Рико постоянно звучат обвинения в «американизации» пуэрториканцев, в нарушении целостности их цивилизационной идентичности. И на это есть свои основания.

Американская колониальная администрация ввела свою систему образования исключительно на английском языке. Испанский язык был запрещен в школах вплоть до 1948 г., когда местное правительство получило под свою юрисдикцию школьную систему.

Новый уполномоченный по образованию доктор Мариано Вильяронго ввел испанский язык как язык обучения на всех уровнях, а английский язык получил статус второго обязательного языка. До 9% национального дохода было направлено в сферу образования. Это позволило снизить долю неграмотных среди взрослых с 31,6% в 1940 г. до 12,4% в 1970 г. На континенте уже в 40-е годы среди пуэрториканцев, проживавших в Нью-Йорке, развернулось движение за придание испанскому языку статуса второго языка в публичных школах тех районов, где они проживали⁴⁸.

В общественном сознании еще в 20-е годы, как было показано выше, стал нарастать поиск национальной идентичности, который теперь утверждался в виде диэпализма, а позднее, в 30–40-е годы, нашел свое выражение в инсуляризме публициста Антонио С. Педрейры. В середине 30-х годов он опубликовал эссе под названием «Актуальность Хибаро», а в 1946 г. выпустил уже целую книгу «Инсуляризм», в которой обвинил США в разрушении традиций пуэрто-риканской культуры и призвал к возрождению «островного духа», культурной самобытности. Он продолжил и развил линию, намеченную в литературе в начале века Мануэлем Алонсо, Хосе де Диего и Луисом Палесом, а в музыке композитором Хуаном Морелем Кампосом.

Уже в 20-е годы в пуэрто-риканской драматургии широко зазвучала тема миграции пуэрториканцев на материк и драмы переселенца (комедии Фернандо Сьерры Вердесии, драмы Мануэля Мендеса Бальестры, пьесы Гонсало Арочо дель Торо и др.). Но особенно ярко и глубоко социальная и экзистенциальная драма пуэрто-риканского общества и личности выражена в творчестве драматургов Рене Маркеса и Франсиско Ариви.

В пьесе Рене Маркеса «Машина» (1951 г.) показана трагедия семьи, переселившейся из трущобы на острове в нью-йоркскую трущобу и раздавленной бездушным технологическим обществом.

В пуэрто-риканском театре обостренное внимание к теме эмиграции и злключениям в чуждой среде сопровождается настойчивым утверждением своей цивилизационной самобытности, поиском утраченных ее корней и реконструкции поколебленных традиций. В литературе еще в начале века зазвучал пробуждающийся интерес к индейской тематике в поэмах и стихо-

творениях Луиса Фелипе Дессуса и Хуана Антонио Корретхера, воспевшего в 1932 г. образ верховного вождя индейцев-таино Агуэйбаны. В 1940 г. Эмилио Белаваль основал на острове фольклорный музыкально-хореографический народный театр и назвал его «Ареито», как индейцы именовали свои религиозные действия в связи с рождением человека, его свадьбой, значительными событиями в семье и кончиной. Они сопровождались танцами и музыкой.

В театре «Ареито» используются жанры, танцы и музыка испанского происхождения («плена» и «сейс») с афроидной хореографией. Эта тенденция продолжается и на континенте⁴⁹.

В пуэрто-риканском передвижном театре в Нью-Йорке, основанном Мириам Колон в 1967 г., идут постановки на двух языках (английском и испанском).

Особое место занимает в пуэрто-риканской литературе эссеист, прозаик и драматург Педро Хуан Сото (родился в 1928 г.). Он целых десять лет провел в Нью-Йорке и глубоко проник в жизнь и психологию пуэрто-риканской общины, стал ее бытописателем. Он окончил Университет Лонг-Айленда, год провел в американской армии, в 1953 г. стал магистром искусствования в Колумбийском университете. Несколько лет сотрудничал в испаноязычных изданиях Нью-Йорка. В 1956 г. опубликовал цикл коротких рассказов из жизни нью-йоркского «дна», объединенных звонким, как пощечина, общим названием «Spiks» (так нью-йоркские афро-американцы презрительно обзывают испаноговорящих обитателей мегаполиса). Блестяще владея современным испанским и английским литературным языками, Сото сочно воспроизвел местный испанский жаргон ньюйоркцев. Он тонко поведал об ущербной логике и разорванном состоянии души и ума мигранта, который значительную часть своей жизни проводит в компании своих родичей в аэропортах родного острова и Нью-Йорка и в кабинах самолетов. Здесь остро звучат кафкианские и даже мистические ноты⁵⁰.

В сборнике рассказов Хосе Луиса Гонсалеса «Пять кровавых историй» (1945 г.) сопоставляется трагедия нищенского существования человека в мегаполисах Нью-Йорка и Сан-Хуана.

Национальный характер и его самобытность запечатлела пуэрто-риканская поэзия. Здесь прежде всего надо назвать самую пламенную и вместе с тем глубоко лиричную поэтессу, основоположницу революционной поэзии Лолу Родригес де Тио (1854–1924 гг.), соратницу Хосе Марти, долгие годы прожившую на Кубе и в Нью-Йорке. Ее песня «Пуэрториканка» («Ла Боринкенья») стала подлинным народным гимном нации. Конфликт между американским образом жизни и национальной системой

ценностей многогранно и глубоко отразил в своей поэзии на английском и испанском языках нью-йоркский поэт и литературовед Хайме Карреро. В поэме негритянского поэта Луиса Фелипе Десуса «Индеанка» (1913 г.) передан пламенный дух пуэрториканца, в чьем сердце слились и звучат в унисон индейское, африканское и испанское наследие.

Цивилизационная самобытность пуэрто-риканской нации (в обеих частях, как на острове, так и на материке) наиболее заметна в музыкально-хореографической сфере жизни, которая играет роль ее социально-организующего начала.

Еще в XVI в. католическая церковь постаралась соединить индейскую и африканскую любовь к музыкально-танцевальному ритуалу с испанской народной и религиозной музыкальной традицией, сольное пение с хором. Это музыкальное оформление сопровождало представления на евангельские сюжеты. Музыкальное и живописное образование прихожанам давала церковь. Отсюда проистекает распространенность на острове наивной народной живописи на религиозные темы, изображения святых и т.п.

В 1870 г. в г. Сан Хуан была открыта Академия музыки. В 1872 г. капельмейстер кафедрального собора Фелипе Гутьеррес основал Музыкальную академию в г. Байамон. В 80-е годы композитор Хуан Морель Кампос превратил музыку местного салонного танца «данса» в жанр профессиональной музыки и сделал его достоянием народных масс. Это позволило эмоционально объединить «верхи» и «низы» населения и очень способствовало культурному сплочению разнотильных районов острова в национальное сообщество со своим оригинальным мировосприятием. Испанский язык и общая музыкально-хореографическая стихия помогли пуэрто-риканской нации отстоять свою цивилизационную самобытность и препятствовать ассимиляционным процессам на протяжении столетия существования в качестве сначала испанской, а затем американской колонии.

Очень большой личный вклад в музыкальное самоопределение пуэрто-риканской нации внес знаменитый испанский музыкант Пабло Касальс, поселившийся на Пуэрто-Рико в 1956 г., он основал здесь симфонический оркестр Пуэрто-Рико (1959 г.) и консерваторию Пуэрто-Рико (1960 г.). По его инициативе с 1957 г. ежегодно проводятся в столице острова музыкальные фестивали. Развитию музыкальной культуры уделяют первоочередное внимание Институт пуэрто-риканской культуры и Межамериканский университет Пуэрто-Рико. По приглашению последнего видный североамериканский композитор Р. Харрис и его жена известная пианистка Джоан долгое время вели на его музыкальном отделении специальные курсы.

Если на острове тенденция к самоопределению шла преимущественно по линии территориальной автономии, то на материке, где пуэрториканцы живут компактно в условиях испаноязычных или двуязычных селтльментов, аналогичный процесс приобрел форму культурно-национальной автономии при покровительстве со стороны островного правительства, благотворительных и культурных фондов.

Однако у материковых пуэрториканцев тяга к культурно-национальной автономии гораздо менее интенсивна, чем она была в 20-е и 30-е годы и чем она выражена сейчас у других диаспор, особенно таких, как мексикано-американская.

Дело в том, что в 20–30-е годы на острове хозяйничала американская военная администрация, жестко насаждавшая английский язык и англосаксонские ценности. Тогда национально-ориентированная пуэрто-риканская интеллигенция находила себе отдушину на континенте, где выходило много газет, журналов, литературы на испанском языке, или уезжала в Испанию и Латинскую Америку. С начала 50-х годов испанский язык на острове был восстановлен как основной во всех сферах, кроме бизнеса. Там же сосредоточились главные культурные институты, расцвела литература, искусство, печать. Образование вновь было переведено на испанский язык, включая высшее образование, а английский язык стал вторым. Такие перемены сделали остров центром притяжения для интеллигенции, которая стала возвращаться на родину. В последние десятилетия переменялся и политический климат на острове. Ослабли авторитарные тенденции, рассыпалась однопартийная монополия на власть. Возрос спрос на «технократов».

С другой стороны, опека материковых пуэрториканцев местными представительствами островных властей и фондов отнюдь не способствует их самоорганизации, в известной мере плодит иждивенческие настроения и тип поведения. В этом смысле у латиноамериканских посольств и консульств в США гораздо меньше возможностей. Это обстоятельство толкает их диаспоры вести себя гораздо более самостоятельно, самоорганизовываться и отстаивать свои права без посредников, действуя напрямую.

Опыт пуэрто-риканской нации, развивающейся на протяжении уже целого столетия в рамках государственных границ США, неповторим, но очень поучителен. Оказывается, можно развивать в государстве элементы территориальной автономии и плодотворно сочетать их с разнообразными и действенными институтами автономии культурной. Как показывает опыт Европейского союза, гораздо легче и безболезненней цивилизационные противоречия и коллизии разрешаются при устранении внутренних границ, на так называемом наднациональном уровне, когда

за их смягчение и «снятие» (в гегелевском понимании этого термина) берутся наднациональные институты. Прогрессирующая передача частей своей компетенции государством наверх, на наднациональный уровень, а другой части – вниз, на региональный, муниципальный, квартальный, домовый и семейный уровень помогает человеческой личности мобилизовать и полнее раскрывать свой творческий потенциал, избавляясь от бюрократических вериг и барьеров. Это высвобождает колоссальную энергию и делает жизнь теплее и многообразнее.

Опыт проживающих на материке пуэрториканцев показывает, что укрепление институтов культурной автономии в сочетании с укреплением территориальной автономии острова содействует консолидации культурного многообразия и поддержанию целостности североамериканской цивилизации. Автономия не только не подрывает этой целостности, но делает цивилизацию более упругой, обогащает ее содержание и резистентность, обеспечивая ее способность к саморазвитию.

* * *

Эти тезисы обосновывают последние исследования, появившиеся в США⁵¹. Обзор этих работ появился в известном французском журнале «Анналы». Автор обзора Д. Коэн рассматривает пуэрториканцев как транслокальную диспоральную нацию, разделенную на островную и континентальную части. Ее национализм имеет не столько политический, сколько культурный характер⁵².

¹ *Silén J.F.* Historia de la nación puertorriqueña. Rio Piedras, 1973. P. 26.

² *Ibid.* P. 27.

³ *Corchado Juarbec.* El indio: su presencia en la poesía puertorriqueña. Rio Piedras, 1983.

⁴ *Sagrera M.* Racismo y política en Puerto Rico: La desintegración interna y externa de un pueblo. Rio Piedras, 1973. P. 10; Annual Book of Statistics of Puerto Rico: Fiscal Year, 1949–1950. San Juan, 1950. P. 1.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Sagrera M.* Op. cit. P. 18; *Díaz Soler L.M.* Historia de la esclavitud negra en Puerto Rico. Rio Piedras, 1974. P. 30.

⁸ Caribbean Studies. Rio Piedras, 2002. Vol. 30, № 1. January-June. P. 137.

⁹ *Sagrera M.* Op. cit. P. 26.

¹⁰ *Ibid.* P. 37.

¹¹ *Ibid.* P. 123.

¹² *Steiner S.* The Islands: The World of the Puerto Ricans. N.Y., 1974. P. 483.

¹³ *Quintero Rivera F.G. y otros.* Puerto Rico: identidad nacional y clases sociales. Rio Piedras, 1979. P. 109.

¹⁴ *Maldonado-Denis M.* Puerto Rico y Estados Unidos: emigración y colonialismo. México, 1976. P. 82.

- 15 Ibid. P. 6.
- 16 *Sánchez Korrol V.* From Colonia to Community: The History of Puerto Ricans in New York City, 1917–1948. Westport, (Conn.), 1984.
- 17 *Idem.* From Colonia to Community: The History of Puerto Ricans in New York City, 1917–1948. Westport; L., 1983. P. 184.
- 18 The Encyclopedia of New York City / Ed. by K.T. Jackson. New Haven; L., 1995. P. 962.
- 19 Annual Book of Statistics of Puerto Rico: Fiscal Year, 1949–1950. P. 1, 7.
- 20 *Chenault L.R.* The Puerto Rican Migrant in New York City. N.Y., 1970.
- 21 Ibid. P. 72–73.
- 22 Ibid. P. 74.
- 23 Ibid. P. 79–81.
- 24 Ibid. P. 148–151.
- 25 The Puerto Rican Journey: New York’s Newest Migrants. N.Y., 1950. P. 16.
- 26 Ibid. P. 18.
- 27 *Quintero Rivera A.G. y otros.* Op. cit. P. 129.
- 28 The Puerto Ricans: A brief look at their history. N.Y., 19. P. 72–74.
- 29 The Puerto Ricans Journey. P. 22.
- 30 The Encyclopedia of New York City. P. 963.
- 31 Ibid. P. 920.
- 32 Ibid. P. 923.
- 33 *Maldonado-Denis M.* Op. cit. P. 29–30.
- 34 Ibid. P. 31.
- 35 Ibid. P. 50.
- 36 Ibid. P. 53.
- 37 Statistical Abstract of the United States: The National Data Book. 120th ed. Wash., 2000. P. 46.
- 38 The Puerto Rican Woman Perspectives on Culture, History and Society. 2nd ed. N.Y., 1986. P. 157, 163.
- 39 Ibid. P. 155.
- 40 Ibid. P. 159–160.
- 41 Ibid. P. 165.
- 42 *Steiner S.* Op. cit.
- 43 *Sagrera M.* Op. cit. P. 129.
- 44 *Granda G., de.* Transculturación e intergerencia lingüística en el Puerto Rico contemporáneo, 1898–1968. Bogotá, 1968. P. 10.
- 45 Ibid. P. 175.
- 46 Ibid. P. 177.
- 47 Ibid. P. 88.
- 48 *Barreto A.* A The Politics of Language in Puerto Rico. Gainesville, 2001.
- 49 Taino Revival: Critical Perspectives on Puerto Rican Identity and Cultural Politics. N.Y., 1999.
- 50 *Soto P.J.* Spiks. 1956; *Idem.* Ardiente suelo, fría estación. Xalapa; México, 1961; *Quiles de la Luz L.* El cuento en la literatura puertorriqueña. Rio Piedras, 1968.
- 51 *Duany J.* The Puerto Rican Nation of the Move: Identities on the Island and in the United States. Chapel Hill; L., 2002.
- 52 Annales: Histoire, Sciences Sociales. 58-annee. P., 2003. P. 231.

Глава VII

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ОБЩИНЫ США

Испаноязычные жители США образуют во многом уникальный социально-этнический пласт населения страны. Импульс к формированию этого меньшинства был дан в XIX в. присоединением земель соседней Мексики и владений испанской короны вместе с населяющими их жителями. Изначально веер испаноговорящего населения занимал субрегион американского Юго-Запада: южный склон Великой равнины, включая низовья долин Рио Гранде в Техасе, рек Колорадо и Хила, а также штаты Флорида и Луизиана.

Начало этому процессу было положено в 1819 г., когда первой под юрисдикцию США была передана Флорида. Но наибольшее влияние на современное положение оказало присоединение и заселение мексиканских территорий, начавшееся с аннексии Техаса в 1845 г. Последовавшее в феврале 1848 г. подписание договора в Гуаделупа-Идальго закрепило передачу Соединенным Штатам около половины территории Мексики, занимающей ныне штаты Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Невада, Юта и часть Колорадо. Также этим договором было одобрено предшествующее присоединение Техаса.

В результате к Соединенным Штатам автоматически присоединилось около 75 тыс. человек испаноговорящего населения, которые распределились на Юго-Западе следующим образом: около 7,5 тыс. – в Калифорнии, около 1 тыс. – в Аризоне, подавляющее большинство (60 тыс.) – в Нью-Мексико и около 5 тыс. – в Техасе¹. Поскольку эти территории ранее принадлежали Мексике, то большинство было смешанной испано-индейской крови.

Первая попытка оценить численность испаноговорящей группы населения была предпринята в переписи 1930 г. Она включала в себя категорию «мексиканец» (mexican), которая означала «родившийся в Мексике или чьи родители родились в Мексике, и кто не идентифицирует себя с белыми, неграми, индейцами и японцами». Итоговая численность, выведенная переписи

сью 1930 г., составила 1 422 533 человек, т.е. третья по численности этническая группа в США. При этом 9/10 мексиканского населения проживали в пяти штатах: Техасе, Калифорнии, Аризоне, Нью-Мексико и Колорадо².

Современное понимание испаноязычной группы выходит далеко за рамки «мексиканцев». Выделенные в категорию «этническое меньшинство», они сталкиваются с характерными для этого положения проблемами.

Термин «этническое меньшинство» имеет в США свои особенности: в настоящее время он применяется только к небелым расам (американцы африканского происхождения, американские индейцы, азиаты, принадлежащие к различным группам) и к испаноговорящим американцам (мексиканцам, кубинцам, пуэрториканцам, иммигрантам из стран Центральной и Южной Америки, исключая лиц исконно испанского происхождения). Так как по расовому признаку испаноговорящие американцы могут быть европейцами, американскими индейцами, неграми или смесью этих рас, они рассматриваются в переписи населения не как раса, а как самостоятельное меньшинство. Поэтому для этнического большинства, т.е. населения европейского происхождения, организаторам переписи пришлось придумать неудобоваримый термин non-Hispanic white – «белое население, исключая испаноговорящую группу»³. Это небольшое уточнение необходимо нам для дальнейшего более четкого понимания особенностей положения этой группы.

Место, занимаемое испаноязычным населением в североамериканском обществе, во многом связано как со спецификой формирования этой группы, так и с традицией отношения к этническим меньшинствам вообще. Понятие «меньшинство» на протяжении длительного времени имело негативную оценку и зачастую à priori означало маргинальность социальной группы. Доминировавшая в Соединенных Штатах доктрина «плавильного котла» предполагала для представителей любых национальностей только одну возможность – «быть американцем». Еще в 1915 г. президент В. Вильсон говорил: «Вы не можете стать настоящими американцами, если думаете о себе как о группах. Америка не состоит из групп. Человек, считающий себя принадлежащим к какой-либо национальной группе в Америке, еще не стал американцем»⁴. Через два года Т. Рузвельт добавлял: «В нашей стране не может быть “половинной преданности”. Либо человек – американец и больше никто, либо он вообще не американец. Мы, американцы, – дети тигля. Тигель не выполняет своей задачи, если не переплавляет тех, кто попал в него, в единую нацию»⁵.

Быть американцем означало не только уважать Конституцию, гимн и флаг, но также соответствовать образу группы, воплощавшей нормы и ценности американского общества, которую принято называть «белыми протестантами англосаксонского происхождения» (White Anglo-Saxon Protestant, сокращенно WASP). Под этой, скорее, символической, чем реальной, группой людей понимали «чистых», «истинных» американцев, в отличие от иммигрантов – американцев второго сорта. В период обострения шовинизма и распространения расизма, характерных для начала XX в., такое противопоставление приобретало особый смысл.

В современный период общность происхождения причисленных к категории WASP весьма спорна, а об этническом самосознании подобном тому, какое имеют, например, потомки итальянцев или ирландцев, не приходится говорить. WASP представляется скорее мифом, как бы сакрализирующим американскую этническую систему. На этом фоне любое проявление собственной этничности ставило людей на более низкую ступень в обществе.

7.1. Основные диаспоры испаноязычного населения Соединенных Штатов

В настоящее время можно выделить несколько основных общин, разделенных по этнотерриториальному происхождению: мексиканцы, пуэрториканцы, кубинцы, выходцы из Центральной и Южной Америки, а также другие категории испаноговорящего населения, которые трактуются в американских исследованиях как испаноговорящие (Spanish, Hispanics), латино (Latino), испано-американцы (Spanish-American) и т.д.

Соотношение численности основных подгрупп неравномерно, что объясняется как историей их формирования, так и численностью населения родной страны. Благодаря присоединению части мексиканских территорий и протяженной общей границе, позволяющей нелегально иммигрировать в США, именно группа мексиканского происхождения занимает доминирующее положение.

Структура испаноязычного населения не постоянна и за последние несколько десятков лет подверглась сильным изменениям: в 1969 г. из 9,2 млн человек испанского происхождения (Spanish origin) 55% определили себя как мексиканцы, 16% – как пуэрториканцы, 6% – кубинцы, 6% – выходцы из стран Центральной и Южной Америки и 17% – другого происхождения⁶.

В настоящее время доля мексикано-американцев выросла до 66,2%. Второй по численности группой являются выходцы из

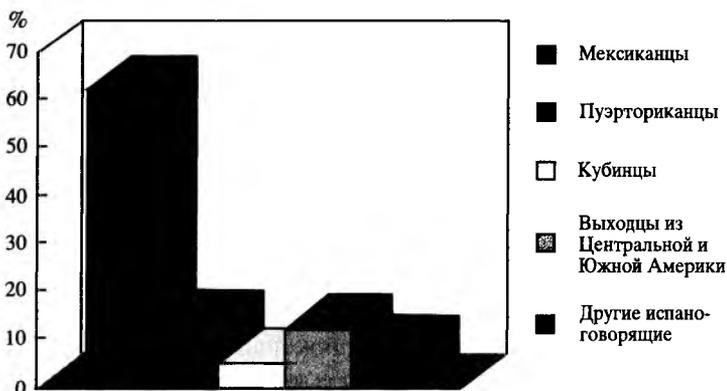

Рис. 2. Состав испаноязычного населения США, 2000 г.⁷

стран Центральной и Южной Америки (14,4%). Пуэрториканцы, долгое время определявшие портрет «латинос» за пределами Юго-Запада Соединенных Штатов, стоят на третьем месте, и их доля составляет 9%.

Отдельную группу испаноязычного населения составляют потомки испанских покорителей Америки. Они образуют от-

Таблица 21

Население США с 1980 по 2000 гг.

Тип происхождения	1980 г., тыс. человек	1989 г., тыс. человек	2000 г., тыс. человек	Рост населения 2000/1980, %
Население испанского происхождения, в том числе	14 458	20 076	32 804	226,8
мексиканцы	8654	12 565	21 701	250,7
пуэрториканцы	1983	2330	2959	149,2
кубинцы	799	1069	1300	162,7
Другие испаноязычные	3022	4111	—	—
Центральная и Южная Америка	—	2544	4743	—
Остальные испаноязычные	—	1567	2101	—
Население неиспанского происхождения	208 003	233 609	241 283	115,9
Испаноговорящее население, % от всей совокупности	6,5	8,2	12,0	—
Численность населения США	222 461	243 685	274 087	123,2

Источник: Statistical Handbook on U.S. Hispanics. Phoenix, 1991. P. 7; Statistical Abstract of the United States. Wash., 1997. P. 26; U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/

дельную группу (Spaniards), не ассоциирующую себя с другими испаноговорящими (латинос) США.

По данным на 2000 г., динамика соотношения испаноязычного и остального населения США выглядит следующим образом (табл. 21).

В настоящее время испаноязычная диаспора США является самой динамичной по приросту населения. Так, если в 1980 г. ее численность составляла 6,5% от всего состава населения США, то за 20 лет ее доля возросла до 12%, при этом общий внутренний прирост этой группы составил 126,6%. Также со временем меняются пропорции между группами испаноязычного населения.

7.2. Возрастные особенности

Специфика этнической общности «латинос» выявляется уже на примере возрастного распределения. Основная доля численности испаноязычного населения приходится на возраст в диапазоне 25–44 года. Эта когорта людей является основой этнической группы: уже получено базовое образование, произошла профессиональная ориентация и становление трудовой деятельности. Характеристики представителей этого возрастного диапазона определяют уровень социального положения, притязаний и возможности дальнейшего карьерного роста. Эти люди уже обладают типологическими признаками, которые определяют как реальное социально-экономическое положение этнической группы, так и задают условия для развития следующего поколения.

Доля испаноговорящих в наиболее активном трудовом и репродуктивном возрасте заметно превышает соответствующий показатель как основной группы белого населения, так и чернокожего меньшинства.

Испаноговорящая группа имеет принципиально разное возрастное распределение по сравнению с белым населением США: значительно большая доля детского возраста (35–38% испанского по сравнению с 24–26% белого) и пик в возрастном диапазоне 25–44 лет с последующим резким снижением пропорции численности пожилого возраста по сравнению с равномерным распределением пропорции среди всего активного трудового населения белых, чьей отличительной чертой являются пролонгированный возраст трудовой активности (возрастной диапазон 45–64 года) – 19–20% и высокая доля пожилого населения.

Такая ситуация объясняется двумя основными факторами:

1) возрастное распределение является отголоском различных

Таблица 22

Возрастное распределение населения США и испаноязычного меньшинства, 2000 г.

Возраст, лет	Испаноговорящие		Белые неиспаноговорящие	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
до 5	3665	11,2	11 978	6,2
5-9	3351	10,2	12 747	6,6
10-14	2995	9,1	12 988	6,7
15-19	2888	8,8	13 097	6,8
20-24	2755	8,4	12 039	6,2
25-29	2831	8,6	11 890	6,1
30-34	2829	8,6	13 090	6,8
35-44	4974	15,2	32 194	16,6
45-54	3019	9,2	27 941	14,4
55-64	1745	5,3	18 482	9,5
65-74	1132	3,4	14 441	7,5
75-84	513	1,6	10 043	5,2
85 и более	108	0,3	2703	1,4
Всего	32 804	100,0	193,633	100,0

Источник: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/

волн иммиграции, при этом вливается наиболее молодая и активная в трудовом плане часть населения, и в результате речь может идти о двух-трех поколениях, низкая доля старшей возрастной категории объясняется именно этим; 2) низкий статус трудовой деятельности с большим перевесом физического труда, что автоматически приводит к снижению качества и уровня жизни и отрицательно влияет на общую продолжительность жизни.

В настоящее время «латинос» являются самой быстрорастущей группой населения Америки. С одной стороны, неконтролируемая иммиграция постоянно подпитывает это сообщество, с другой – самый высокий уровень рождаемости в США характерен именно для них. Это незамедлительно сказывается на общем возрастном распределении: на долю лиц в возрасте до 14 лет приходится 30,5%, или одна треть всех испаноговорящих граждан США (см. табл. 23).

Возрастная динамика основных этнических групп находится в разных фазах, и в ближайшие десятилетия можно ожидать активный прирост испаноговорящей части населения естественным путем, по сравнению со стабильно ровным самовоспроизводством белой группы.

Таблица 23

Возрастное распределение испаноязычных сообществ США, 2000 г.

Возраст, лет	Мексиканцы		Пуэрториканцы		Кубинцы		Выходцы из Центральной и Южной Америки		Другие		Белые неиспаноговорящие	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
до 5	2701	12,4	278	9,4	67	5,1	404	8,5	215	10,2	11 978	6,2
5-9	2375	10,9	287	9,7	59	4,6	422	8,9	207	9,9	12 747	6,6
10-14	2078	9,6	284	9,6	70	5,4	366	7,7	197	9,4	12 988	6,7
15-19	1993	9,2	278	9,4	78	6,0	368	7,8	171	8,1	13 097	6,8
20-24	1929	8,9	220	7,4	61	4,7	415	8,7	130	6,2	12 039	6,2
25-29	1979	9,1	223	7,5	63	4,8	408	8,6	159	7,6	11 890	6,1
30-34	1854	8,5	263	8,9	104	8,0	442	9,3	166	7,9	13 090	6,8
35-44	3087	14,2	430	14,5	221	17,0	901	19,0	335	15,9	32 194	16,6
45-54	1828	8,4	307	10,4	167	12,9	495	10,4	222	10,6	27 941	14,4
55-64	924	4,3	212	7,2	137	10,5	300	6,3	155	7,4	18 482	9,5
65-74	615	2,8	118	4,0	159	12,2	150	3,2	90	4,3	14 441	7,5
75-4	270	1,2	57	1,9	93	7,2	56	1,2	37	1,8	10 043	5,2
85 и более	51	0,2	3	0,1	21	1,6	16	0,3	16	0,8	2 703	1,4
Всего	21 701	100,0	2 959	100,0	1 300	100,0	4 743	100,0	2 101	100,0	193 633	100,0

Источник: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release
Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/

Можно спорить о причинах столь высокой рождаемости, среди которых, конечно, не последнюю роль играет довлеющий католицизм с его отношением к вопросу планирования семьи и детей. Но то, что уже сейчас идет всплеск естественного роста этой этнической группы и в дальнейшем эта тенденция продолжится, дает нам возможность говорить, что в ближайшие полвека обострение ситуации на этническом ландшафте США неизбежно.

Общее количество и динамика возрастного распределения формирует среднее значение, характерное для всей испаноязычной общности. На этом фоне неоднородность обобщенной этнической группы показывает, что наибольшее влияние на формирование единого образа «латинос» в американском обществе оказывают мексиканцы и пуэрториканцы.

При этом отдельной строкой проходят американцы кубинского происхождения. История формирования этого сообщества наложила свой отпечаток на динамику возрастных изменений. Ее особенности более свойственны белому большинству, и эти особенности даже утрированы: доля лиц преклонного возраста значительно превышает аналогичные показатели белых, а относительный показатель соотношения детей еще меньше, чем у белого неиспаноговорящего большинства.

7.3. Образовательный уровень

Положение группы в обществе складывается из совокупности характеристик, одной из которых является уровень образования. Испаноязычная диаспора, являясь наиболее динамично развивающейся в демографическом смысле частью населения США, в то же время занимает один из низовых пластов социальной структуры по уровню образования.

В ряде случаев образование может служить индикатором процессов, происходящих внутри этнических сообществ, так как зависит и от финансового состояния, и от социальной мотивации, и от общего понимания необходимости образования как такового. Для более точного понимания тенденций, которые развиваются в сфере образования этнических групп американского общества, необходимо уточнение структуры образовательного процесса.

Североамериканское образование включает три основные части: начальное (*elementary* или *primary*), среднее (*secondary*) и высшее (*postsecondary*) образование.

Начальный этап образования может начинаться с трех лет. В это время образованием считаются ясли (nursery schools) и детские сады (kindergarten), которые посещают с трех до шести лет.

Базовая стадия – среднее образование – имеет различные комбинации по формам обучения и заканчивается вручением диплома «высшей» школы. В общей сложности она длится 12 лет и захватывает возрастной диапазон с 6 до 17 лет.

Существуют четыре основные схемы получения среднего образования, отличия между которыми заложены в наборе вариантов этапов и видов школ, суммарное же время обучения остается при этом неизменным. Поэтому общее среднее образование строится по четырем основным схемам:

1) 8+4 (начальная и средняя школы (восемь лет) и 4-летняя высшая школа).

2) 4+4+4 (4-летняя начальная школа, затем четыре года средней школы и 4-летняя высшая школа).

3) 6+3+3 (6-летняя начальная школа, 3-летняя начальная стадия высшей школы (Junior High School) и 3-летнее продолжение высшей школы (Senior High School).

4) 6+6 (6-летняя начальная и средняя школы и 6-летняя совмещенная высшая школа (Junior+Senior).

Как уже отмечалось, эти четыре формулы образования завершаются получением диплома об окончании «высшей» школы. Образование в основном завершается в 17 лет.

Высшее образование (Postsecondary Education) длится в среднем 7 лет. Его этапы подразделяются на степени.

1. Сертификат или Ассоциативная степень (Associate Degree). Обучение длится первые два года. Оно может входить как в общий процесс обучения в качестве первой стадии, так и присваиваться самостоятельной степенью в профессиональных и технических учебных заведениях.

2. Степень Бакалавра (четыре года обучения). Для получения этой степени необходимо закончить предвыпускную (undergraduate) программу по общим и гуманитарным наукам.

3. Степень Магистра присваивается после пяти лет обучения (дополнительно один год после бакалавра).

По такому же признаку построены образовательные системы профессиональных школ (медицина, педагогика, теология, юриспруденция и т.д.): сертификат, бакалавр, магистр.

Продолжение профессионального роста может состоять из обучения на продвинутом профессиональном уровне, «докторантуре» и получении степени доктора (Ph.D.). Обычно этот этап занимает около двух лет.

Таблица 24

Уровень образования населения в возрасте 25 лет и старше, 2000 г.

Уровень образования	Всего		Испано-говорящие		«Белые»		Другие	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Менее 9 лет обучения	12 379	7,1	4560	27,8	5828	4,5	2009	7,5
9–12 лет обучения, без диплома	16 443	9,5	2644	16,1	10 215	7,8	3585	13,3
Диплом высшей школы	57 935	33,3	4418	26,9	44 733	34,3	8783	32,6
Колледж или ассоциативная степень	43 175	24,8	3017	18,4	33 528	25,7	6631	24,6
Бакалавр	29 459	17,0	1284	7,8	24 178	18,5	4034	15,0
Ученая степень	14 308	8,2	502	3,1	11 930	9,1	1876	7,0
Незаконченная высшая школа	28 841	16,6	7204	43,9	16 043	12,3	5594	20,8
Диплом высшей школы и более	144 913	83,4	9220	56,1	114 368	87,7	21 324	19,2
Незаконченный уровень бакалавра	129 951	74,8	14 639	89,1	94 304	72,3	21 008	78,0
Бакалавр и более	43 803	25,2	1786	10,9	36 107	27,7	5910	22,0
Всего	173 754	100	16 425	100	130 411	100	26 918	100

Источник: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/

В целом уровень образования американского общества очень неоднороден, это проявляется во всех этнических группах (табл. 24).

Из приведенных данных видно, что для испаноговорящих характерна высокая доля людей с незаконченным средним и незаконченным высшим образованием, что является диаметрально противоположным состоянию остальных групп населения. Внутригрупповой показатель испаноговорящих, не закончивших «высшую» школу, значительно превышает общий средний уровень, а также показатель «других небелых» этнических групп. Соответственно, число закончивших полный курс среднего образования (High school) у испаноговорящих в 1,5 раза меньше среднего показателя. Эти значения одинаковы как для мужчин, так и для женщин. Тенденция распространяется и на получение степени бакалавра, где уровень их образовательных достижений значительно уступает как среднему показателю, так и иным этническим группам.

Причины подобного образовательного провала имеют глубокие корни, связанные именно с этническим аспектом.

Современная ситуация с уровнем образования основной массы испаноязычного населения США во многом является отголоском событий и развития межрасовых и межэтнических отношений начала и середины XX в. Вплоть до 70-х годов XX в. в образовательной системе США существовал скрытый языковой ценз, когда все образование велось исключительно на английском языке, и плохо говорившие на нем мексиканские и пуэрториканские дети оставались в числе неуспевающих. Устоявшаяся в те годы расово стратифицированная социальная система закрепила сложившееся социальное, экономическое, образовательное и политическое неравенство различных этнических групп. На протяжении многих лет последствия этой системы продолжают воздействовать на замкнутый круг ограничений образовательных возможностей для представителей этнических меньшинств, в том числе и испаноговорящих.

Кубинское сообщество стоит особняком в этом ряду, так как специфика этой группы давала возможность обучения в частных, католических школах, где испанский язык не был преградой для получения качественного образования. В результате они стали наиболее образованной группой латиноамериканского происхождения. Среднее число лет обучения у кубинцев всегда превосходило остальные: в 1969 г. оно составляло 12,4 года для возрастной категории 25–34 года и 10,8 лет для лиц старше 34 лет, в то время как у мексиканцев – 10,8 и 7,3 лет; у пуэрториканцев – 9,9 и 7,5 лет соответственно⁸.

В 60-х годах испанский язык был родным для 68,9% представителей общин латиноамериканского происхождения, также он был языком домашнего общения для 47,3% мексиканцев, 72,1% пуэрториканцев, 87,1% кубинцев и 54,2% выходцев из стран Центральной и Южной Америки⁹. При этом английский язык был выделен как родной приблизительно для 25% американцев мексиканского, центрально-американского и южно-американского происхождения, для пуэрториканцев – 16%, для кубинцев – 5% и для людей другого испанского происхождения – 57%¹⁰.

Плохое владение английским языком становилось настоящим препятствием для получения образования. Изначальная установка на отсутствие образования формировала устойчивый автостереотип пассивного, низкоквалифицированного *латино*.

Ситуация в отношении неравного допуска к образованию для этнических меньшинств начала постепенно меняться только в 60-е годы.

Фактическая двуязычность на бытовом уровне и преобладающее использование в обиходе испанского языка требовали нового подхода к образовательному процессу. Таким шагом стал отход от доктрины языкового единообразия и признание возможности для представителей языковых меньшинств двуязычного обучения. Ответом на требования стремительно растущего и все более политически активного испаноязычного населения стало принятие в 1968 и 1974 гг. Конгрессом США законов о двуязычном обучении.

Первоначально двуязычное обучение было задумано как средство помочь плохо владеющим английским языком учащимся преодолеть трудности начального этапа обучения. Во второй половине 60-х годов в ряде школ Юго-Запада начали предприниматься попытки обучения «испанских» детей на родном языке, вводятся специальные программы обучения английскому языку. В 70-х годах в результате принятия законов о двуязычном обучении и под давлением снизу существенно расширилась сама концепция двуязычного обучения: из вспомогательных программ она трансформировалась в изучение языка, культуры и исторического наследия различных меньшинств США. Вместе с этим значительно увеличились и масштабы двуязычного обучения: если в 1969 г. оно охватывало 25 тыс. учащихся, то в 1980 г. – 500 тыс.¹¹

Помимо предоставления помощи в изучении школьных программ и возможности изучать культуру и историю своего народа на родном языке, Закон 1968 г. о двуязычном обучении предусматривал предоставление финансовой и другой помощи местным органам просвещения для проведения программ двуязычного обучения. Принятый в дополнение к нему Закон 1974 г. предусматривал меры по подготовке преподавательских и административных кадров для нужд двуязычного обучения, а также создание в Министерстве здравоохранения, образования и социальных услуг специальных подразделений, призванных заниматься проблемами испаноязычных американцев¹².

Но одна только возможность обучения на родном языке не решала полностью вопрос допуска к качественному образованию. Тяга и осознание необходимости образования, возможность его получения складываются под воздействием таких факторов, как положение в экономической и профессиональной структуре, уровень дохода, условия внутри и вне семейства, которые влияют на принципиальные решения относительно потребности и/или желательности получения образования.

Новые оттенки к этой картине добавляют данные о студентах, получивших степень бакалавра, на основании которых пред-

Таблица 25

Распределение по этническому происхождению студентов США, получивших степень бакалавра

Пол	Всего		Белые		Чернокожие		Испано-язычные		Выходцы из Азии и островов Тихого океана		Американские индейцы и коренные народы Аляски		Иностранцы	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
1976-1977 гг.														
Мужчины	494 424	53,9	438 161	54,2	25 147	42,9	10 318	55,1	7 638	55,4	1 804	54,2	11 356	72,3
Женщины	423 476	46,1	369 527	45,8	33 489	57,1	8 425	44,9	6 155	44,6	1 522	45,8	4 358	27,7
Всего	917 900	100,0	807 688	100,0	58 636	100,0	18 743	100,0	13 793	100,0	3 326	100,0	15 714	100,0
1986-1987 гг.														
Мужчины	480 780	48,5	406 751	48,3	22 499	39,8	12 864	47,6	17 249	52,9	1 819	45,8	19 596	66,9
Женщины	510 480	51,5	435 069	51,7	34 056	60,2	14 126	52,3	15 369	47,1	2 152	54,2	9 706	33,1
Всего	991 260	100,0	841 820	100,0	56 555	100,0	26 990	100,0	32 618	100,0	3 971	100,0	29 306	100,0

Источники: Statistical Handbook on U S Hispanics, Phoenix, 1991. P. 193.

ставляется возможность сравнить некоторые аспекты распределения с учетом полового разделения статистической совокупности (см. табл. 25).

Следует отметить некоторые особенности: белое большинство занимает явно доминирующее положение среди студентов, получивших степень бакалавра, однако их доля постепенно снижается, и одновременно женщины начинают занимать доминирующее положение.

Увеличение числа женщин с высшим образованием и постепенное доминирование их части над мужчинами является общей тенденцией для всего высшего образования. Также можно отметить, что чем меньший статус занимает социальная группа в обществе в целом, тем активнее и адаптивнее выступают женщины в мобильно-статусном отношении. Но сравнивая карьерные возможности гендерных групп, можно увидеть, что шансы покинуть низшие должности, связанные с физическим или рутинным умственным трудом, используя чисто рыночные возможности, у женщин скромнее. Зато шансы на вертикальную мобильность посредством вступления в брак у них оказываются более благоприятными по сравнению с мужчинами¹³.

Несоответствие этнических пропорций в населении США и в структуре образования во многом объясняется низким общим экономическим статусом этнических меньшинств и, следовательно, малой возможностью оплачивать учебу. Различия в уровне дохода во многом способствуют такому положению.

К 90-м годам предпринимаемые в обществе попытки выровнять шансы к получению качественного образования начали приносить свои результаты (табл. 26).

Обращает внимание стабильный рост на всех уровнях высшего образования численности двух этнических групп: испаноговорящих и выходцев из стран Азии. Однако если для белого населения характерна пропорциональная доля в обществе в целом и среди получающих высшее образование, то в группе испаноязычных студентов доля обучающихся примерно в два раза ниже, чем пропорция населения.

Наблюдается увеличение численности достигших степени бакалавра, магистра и доктора для испаноговорящих в 1,5–2 раза. Эта тенденция продолжает развиваться, стремясь к выравниванию с общими этническими пропорциями. Но заметно, что как для испаноговорящих, так и для чернокожих каждая возрастающая ступень является вызовом и нелегким препятствием. На каждой из этих стадий сказывается весь комплекс проблем, свойственных социальному продвижению этнических групп.

Таблица 26

Число представителей различных этнических групп США, достигших ученой степени

Ученая степень по этническим группам	1981 г.		1997 г.	
	человек	%	человек	%
Ассоциативная степень, всего	410 174	100	563620	100
Белые	339 167	82,7	424 364	75,3
Чернокожие	35 330	8,6	55 260	9,8
Испаноговорящие	17 800	4,3	42 645	7,6
Азиаты	8650	2,1	24 829	4,4
Индейцы, народы Аляски	2584	0,6	56 27	1,1
Иностранцы	6643	1,6	10 595	1,9
Степень бакалавра, всего	934 800	100	1 168 023	100
Белые	807 319	86,4	898 224	76,9
Чернокожие	60 673	6,5	94 053	8,1
Испаноговорящие	21 832	2,3	61 941	5,3
Азиаты	18 794	2,0	67 969	5,8
Индейцы, народы Аляски	3593	0,4	7409	0,6
Иностранцы	22 589	2,4	38 427	3,3
Степень магистра, всего	294 183	100	414 882	100
Белые	241 216	82,0	302 541	72,9
Чернокожие	17 133	5,8	28 224	6,8
Испаноговорящие	6461	2,2	15 187	3,7
Азиаты	6282	2,1	18 477	4,5
Индейцы, народы Аляски	1034	0,4	1924	0,5
Иностранцы	22 057	7,5	48 529	11,7
Степень доктора, всего	32 839	100	45 394	100
Белые	25 908	78,9	28 344	62,4
Чернокожие	1265	3,9	1847	4,1
Испаноговорящие	456	1,4	1098	2,4
Азиаты	877	2,7	2607	5,7
Индейцы, народы Аляски	130	0,4	173	0,4
Иностранцы	4203	12,8	11 325	24,9

Источник: U.S. National Center for Education Statistics // Statistical Abstract of the U.S. Wash., 2000. P. 193.

Достижение ученых степеней и переход к продвинутым углубленным образовательным программам связано во многом с финансовыми проблемами. Так как уровень дохода в испаноговорящей среде в целом относительно невысок, то и значительная часть представителей латиноамериканских общин может быть отнесена к низшему разряду рынка рабочей силы, характеризующегося ненадежностью работы, низкой зарплатой, ограниченными возможностями восходящей мобильности, а также неудовлетворенностью работой. Так, 54% испаноговорящих и 43% черноко-

жих студентов колледжей обращаются именно в двухлетний Community college или в Junior college по сравнению с 36% белых студентов¹⁴. Многим из этих студентов не удается перейти к 4-летней форме обучения.

Качество образования во многом обуславливает различия профессионального уровня испаноязычного населения. В каком-то роде эта взаимосвязь может превратиться в порочный круг, когда невысокий образовательный уровень не дает возможности получить хорошо оплачиваемую работу, а отсутствие денег препятствует получению образования.

7.4. Социальная стратификация

Социальное положение этнической группы можно раскрыть через характеристику трех основных сфер: рыночной, трудовой и статусной, так как именно совокупностью указанных позиций определяется структура группового самосознания и самоидентификация. Первые две формируют классовые, а третья – стратификационную позиции группы. Рыночная ситуация включает в себя не только размеры собственности и получаемых доходов, но также социальную защищенность и шансы на социальное продвижение, зависящие во многом от квалификационного уровня работника¹⁵.

Проблема места, занимаемого человеком или группой в профессиональной структуре общества, лежит в плоскости теории социально-экономической неоднородности труда. Выполняя качественно несравнимую работу (например, слесарные и проектные работы, работу художника или летчика и т.д.), в разной степени удовлетворяя общественные потребности, люди оказываются занятыми экономически неоднородным трудом, имеют разную оценку их общественной значимости. Соответственно различным является и место группы людей в системе общественной организации труда.

При всей очевидности такого вывода, остается актуальным вопрос о систематизации профессий и их классификации по степени возрастания социального статуса. Особую роль здесь выполняют квалификационные требования, предъявляемые к той или иной профессиональной роли: уровень профессиональной подготовки, обладание соответствующим опытом, умениями, навыками. Утверждение и поддержание иерархического порядка в данной системе осуществляется при помощи сертификатов (дипломов, разрядов, лицензий, патентов), фиксирующих уровень квалификации и способность выполнять определенные виды деятельности. Действенность квалификационных сертификатов

поддерживается силой государства или какой-то другой достаточно мощной корпорации (профессионального цеха).

Среди различных стратификационных теорий особое распространение получила концепция, по которой в основе иерархического членения лежат профессиональные различия. В американской социологии одним из первых основы этой концепции в 1933 г. разработал Элба М. Эдвардс¹⁶. Он выделил следующие «классы» в американском обществе:

1. Лица, получившие специальное образование.
2. Собственники, управляющие и чиновники:
 - а) фермеры (собственники, арендаторы);
 - б) оптовые и розничные торговцы;
 - в) другие собственники, управляющие и чиновники.
3. Клерки и подобные им работники обслуживания.
4. Квалифицированные рабочие и мастера.
5. Полуквалифицированные рабочие:
 - а) полуквалифицированные рабочие в промышленности;
 - б) другие полуквалифицированные рабочие.
6. Неквалифицированные рабочие:
 - а) сельскохозяйственные рабочие;
 - б) промышленные и строительные рабочие;
 - в) другие рабочие;
 - г) прислуга.

По мнению автора, представленная функциональная классификация населения может быть применена как для выяснения социального статуса, так и использована в качестве экономического индекса. Эта классификация статусных различий с вариациями активно используется и в настоящее время.

Изложенная выше градация вбирает в себя огромные группы людей. Различия между ними проявляются не только в содержании и сложности деятельности, получаемом доходе, но и в самой организации жизни. Эти различия лежат скорее на уровне личностных и социальных притязаний, градации интересов и способах удовлетворения потребностей. Выделяя каждую конкретную профессиональную группу, мы прежде всего выводим то ядро признаков, которое отличает ее от остальных, делая притязания, потребности и методы их реализации уникальными, несхожими с другими категориями.

Социальная структура любого общества, и Соединенные Штаты не являются здесь исключением, представляет собой довольно устойчивое образование. Оно не подвластно резким деформациям, эта инертность является своего рода залогом стабильности целого, поэтому все изменения социальных показателей происходят постепенно и плавно.

На уровне высококвалифицированных специалистов и административных служащих предъявляются высокие требования к специальному образованию, поэтому подавляющее большинство позиций этого уровня принадлежит белому большинству.

Доминирование белого большинства в обладании высококвалифицированными рабочими местами связано также с традиционной инертностью социальной структуры. Тенденция наследования позиций – одно из свойств системы стратификации. Действие этого принципа приводит к тому, что далеко не все способные и образованные люди имеют равные шансы занять властные, обладающие высоким престижем и хорошо оплачиваемые позиции. Здесь действуют два механизма селекции: неравный (зачастую скрытый) доступ к подлинно качественному образованию; неодинаковые возможности занятия позиции людьми с равной степенью подготовки. Тем не менее за последние 10 лет заметен прогресс: доля испаноязычных существенно увеличилась (табл. 27).

Этнические меньшинства концентрируются в строго определенных зонах рынка труда. Прежде всего это полуквалифицированный и неквалифицированный физический труд в производстве, но в большей степени – в сфере услуг нетехнологического и нефинансового профиля. Иностранцы также становятся форпостом безработицы. Профессиональная дискриминация выталкивает этнические меньшинства в более или менее свободные ниши. В итоге множество представителей этих меньшинств обосновываются в сферах мелкого и среднего предпринимательства, где добились неплохих успехов, постепенно вытесняя из полей своей деятельности белое население (особенно это относится к торговле, общественному питанию, бытовому обслуживанию). Пример этому мы видим в росте численности латиноамериканцев в сфере обслуживания (в меньшей степени в охранных службах и полиции).

В категории «точное производство, ремесло и ремонт» заметен рост относительной численности испаноговорящих, особенно это касается такой емкой сферы труда, как строительство.

Именно емкость рынка труда в области рабочих профессий, а также невысокие требования к уровню образования дают возможность трудоустроиться большой массе иммигрантов из стран Центральной и Южной Америки. Эти профессии часто не требуют продуманной карьерной линии, достижений ступень за ступенью, в них можно прийти со стороны и также уйти, и именно этим они и привлекают.

В области сельского хозяйства заметен стремительный рост латиноамериканцев. Речь идет скорее о мексиканцах и

Таблица 27

Работающее население США в возрасте 16 лет и старше, 2000 г.

Квалификация, специальность	Всего		Испаноговорящие		Белые		Другие	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Исполнительные, административные и управленческие специальности	19 764	14,7	1042	7,4	16 264	16,4	2 458	11,8
Высокопрофессиональные специальности	20 729	15,4	934	6,6	16 754	16,9	3042	14,6
Технические специалисты	4384	3,3	310	2,2	3323	3,3	750	3,6
Торговые должности	16 138	12,0	1340	9,5	12 792	12,9	2006	9,6
Административная поддержка, включая клерков	19 020	14,2	1822	12,9	13 963	14,1	3235	15,5
Точное производство, ремесло и ремонт	14 386	10,7	2 030	14,4	10 804	10,9	1552	7,4
Механики, сборщики и ремонтники	7352	5,5	1386	9,8	4555	4,6	1411	6,8
Профессии, связанные с транспортом и перевозкой грузов	5340	4,0	659	4,7	3698	3,7	984	4,7
Рабочие, помощники, лаборанты, неквалифицированный труд	5310	4,0	1062	7,5	3234	3,3	1015	4,9
Обслуживание, частное домовладение	884	0,7	239	1,7	443	0,4	202	1,0
Обслуживание, исключая частное домовладение	17 787	13,2	2501	17,7	11 275	11,3	4011	19,2
Фермеры, рабочие лесного и рыбного хозяйства	3245	2,4	805	5,7	2255	2,3	184	0,9
Всего	134 338	100,0	14 129	100,0	99 359	100,0	20 850	100,0

Источник: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/

Таблица 28

Работающее испаноязычное население США в возрасте от 16 лет и старше, 2000 г.

Квалификация, специальность	Мексиканцы		Пуэрториканцы		Кубинцы		Выходцы из стран Центральной и Южной Америки		Другие испаноязычные	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Исполнительные, административные и управленческие специальности	601	6,6	94	7,8	81	13,1	172	7,3	95	10,5
Высокопрофессиональные специальности	474	5,2	112	9,3	64	10,4	179	7,6	105	11,6
Технические специалисты	177	2,0	35	2,9	21	3,4	50	2,1	26	2,9
Торговые должности	761	8,4	151	12,6	95	15,3	229	9,7	104	11,4
Административная поддержка, включая клерков	1 081	12,0	234	19,4	95	15,3	273	11,5	140	15,4
Точное производство, ремесло и ремонт	1 439	15,9	121	10,0	69	11,1	324	13,7	77	8,5
Механики, сборщики и ремонтники	939	10,4	107	8,9	52	8,5	217	9,2	71	7,8
Профессии, связанные с транспортом и перевозкой грузов	396	4,4	47	3,9	23	3,7	145	6,1	47	5,2
Рабочие, помощники, лаборанты неквалифицированный труд	733	8,1	75	6,2	32	5,2	174	7,3	48	5,3
Обслуживание, частное домовладение	116	1,3	6	0,5	8	1,2	101	4,3	9	1,0
Обслуживание, исключая частное домовладение	1 596	17,7	213	17,7	76	12,3	448	18,9	168	18,6
Фермеры, рабочие лесного и рыбного хозяйства	724	8,0	8	0,7	4	0,6	52	2,2	17	1,9
Всего	9 035	100	1 203	100	619	100	2 364	100	908	100

Источник: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division, Internet release
Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/

выходцах из Центральной Америки, что связано с историческими традициями сельскохозяйственной деятельности и сезонным наймом.

Особенности социального положения испаноговорящей части населения США складываются как бы из двух частей: во-первых, большой процент лиц, не родившихся в США, являющихся иммигрантами в первом поколении, и, во-вторых, инертность социальной структуры. Это приводит к тому, что данная этническая группа имеет невысокий социальный статус, занимая емкий сектор профессий, связанных с физическим трудом. Вследствие этого общая трудовая ситуация, карьерная направленность зачастую не связаны с долгосрочным последовательным карьерным продвижением.

Наиболее массовая по численности группа мексиканского происхождения имеет самый низкий профессиональный статус. Для них характерна высокая доля занятости в производственных сферах, а также активное участие в сельском хозяйстве, что можно назвать принципиальными характеристиками мексиканского сообщества.

Процессы профессиональной мобильности, протекающие в кубинской диаспоре, имеют свои отличительные особенности. Поскольку эта диаспора формировалась за счет политической и экономической иммиграции, включая в себя перевод капитала в США, то доминирующее положение в этой группе занимали профессии, связанные с администрированием, управлением разного уровня, а также с высокой квалификацией. И процесс подпитывали иммиграционные волны с острова, увеличивавшие долю квалифицированных образованных работников.

Увеличивающаяся с 80-х годов доля женщин с высшим образованием привела к их доминированию в управленческих и квалифицированных специальностях. И чем ниже общий социальный уровень группы, тем большая пропорция квалифицированных мест принадлежит именно женщинам, оставляя мужчинам профессии, связанные с преобладающим физическим трудом.

Приближение диаспоры к «эталонной» группе белого населения ведет, наоборот, к относительному равенству и преобладанию в категории высококвалифицированных специальностей мужчин (что просматривается на примере кубинского сообщества).

Структура занятости напрямую отражается на уровне дохода испаноязычной группы. Профессиональная, образовательная неоднородность приводит к соответствующей мозаичности распределения уровня дохода латиноамериканских общин, где кубинское сообщество тяготеет к образцу белого населения, а последнее место занимают пуэрториканцы.

Таблица 29

Работающее испаноязычное население США по половой принадлежности, 2000 г.

Квалификация, специальность	Мексиканцы		Пуэрто-риканцы		Кубинцы		Выходцы из стран Центральной и Южной Америки		Другие испаноговорящие	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Управленческие и высококвалифицированные специальности	47,3	52,7	43,2	56,8	53,1	46,9	47,3	52,7	47,0	53,0
Техническая и административная поддержка, торговля	35,0	65,0	34,8	65,2	43,6	56,4	38,6	61,4	32,2	67,8
Сфера обслуживания	47,5	52,5	44,7	55,3	47,6	52,4	36,1	63,9	61,2	58,8
Точное производство, ремесло и ремонт	90,3	9,7	87,6	12,4	95,7	4,3	90,4	9,6	90,9	9,1
Операторы, сборщики, рабочие	76,8	23,2	73,4	26,6	72,9	27,1	72,1	27,9	71,7	28,3
Фермеры, рабочие лесного и рыбного хозяйства	86,6	13,4	87,5	12,5	—	—	82,7	17,3	82,4	17,6
Всего	61,4	38,6	51,0	49,0	57,7	42,3	55,0	45,0	50,4	49,6

Источник: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release Date: March, 6, 2000. www.census.gov/statab/www/

Для пуэрто-риканской группы тип руководства семьей стал важной осью экономического раздвоения. В течение прошедших двух десятилетий существенно увеличилась доля пуэрто-риканских семей, возглавляемых одинокими женщинами, и социально-экономические последствия этого феномена незамедлительно отразились на неравенстве дохода этой группы, поскольку семьи, возглавляемые женщинами, испытывают высокий риск оказаться в бедности¹⁷. Уровень дохода пуэрто-риканских семей складывается во многом под влиянием миграционных потоков с острова на материк. Такая циркуляция создавала на материке особый вид семейных связей, где главой семьи чаще всего становилась женщина. Развитие системы социальных пособий в 70–80-е годы давало возможность поддерживать некоторый уровень благосостояния. Но в конце 80-х годов, когда реальный доход других этни-

Таблица 30

Семейный доход испаноязычного населения США, 2000 г.

Доход, долл. США	Мексиканцы		Пуэрториканцы		Кубинцы		Выходцы из стран Центральной и Южной Америки		Другие испаноговорящие	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
1000– 2499	101	2,1	25	3,3	7	1,8	33	3,0	11	2,2
2500– 4999	87	1,8	28	3,6	7	1,8	15	1,3	10	1,9
5000– 9999	270	5,6	66	8,6	18	4,6	49	4,5	31	6,2
10 000–14 999	425	8,9	72	9,4	43	11,2	86	7,7	48	9,5
15 000–19 999	517	10,8	87	11,3	27	7,1	104	9,4	45	9,0
20 000–24 999	485	10,1	57	7,4	24	6,3	102	9,2	40	7,9
25 000–34 999	775	16,2	102	13,2	60	15,6	199	17,9	67	13,3
35 000–49 999	806	16,8	134	17,4	46	12,0	189	17,0	89	17,6
50 000–74 999	809	16,9	105	13,7	64	16,7	153	13,8	74	14,7
75 000 и более	520	10,9	94	12,3	88	22,9	179	16,2	89	17,7
Всего семей, имеющих доход	4794	100,0	770	100,0	385	100,0	1109	100,0	504	100,0

Источник: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/

ческих групп существенно вырос, у пуэрториканцев наблюдалась обратная тенденция¹⁸. На рост семейного дохода существенно влияет структура самой семьи. Так, в ситуации с полной семьей для пуэрториканцев характерен стабильный рост уровня дохода. Но поскольку большинство семей являются неполными и возглавляются женщинами, жизнь на социальное пособие приводит к постепенному снижению уровня жизни. В данном случае показательны данные формы владения жилищем, в котором проживает семья (см. табл. 31).

* * *

Социальное положение испаноязычного меньшинства в США имеет ряд особенностей, которые, с одной стороны, подтверждают уже устоявшиеся теории о характере развития этнических меньшинств, а с другой, показывают, что сохранение культурной идентичности не вписывается в систему теорий «плавильного котла» и культурной мозаики.

Постоянное изменение состава «латинос» за счет притока легальных и нелегальных иммигрантов из Мексики, стран Центральной и Южной Америки приводит к тому, что общее социаль-

Таблица 31

Жилищные владения испаноязычного населения по типу семьи, 2000 г.

Тип владения	Мексиканцы		Пуэрториканцы		Кубинцы		Выходцы из стран Центральной и Южной Америки		Другие испаноговорящие	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Семейные домовладения										
Всего	4794	100,0	770	100,0	385	100,0	1109	100,0	504	100,0
Собственное жилье	2448	51,1	305	39,6	252	65,7	449	40,5	265	52,6
Аренда	2346	48,9	465	60,4	132	34,3	660	59,5	239	47,4
Супружеская пара										
Всего	3352	100,0	437	100,0	296	100,0	721	100,0	326	100,0
Собственное жилье	1930	57,6	225	51,5	204	68,9	358	49,6	213	65,2
Аренда	1422	42,4	212	48,5	92	31,3	363	50,4	113	34,8
Владелец мужского пола, без супруги										
Всего	428	100,0	57	100,0	18	100,0	115	100,0	40	100,0
Собственное жилье	159	37,1	23	39,5	11	63,8	24	21,0	16	40,1
Аренда	269	62,9	35	60,5	6	36,2	91	79,0	24	59,9
Владелец женского пола, без супруга										
Всего	1013	100,0	275	100,0	70	100,0	272	100,0	138	100,0
Собственное жилье	359	35,5	57	20,6	37	52,5	67	24,6	36	26,3
Аренда	654	64,5	219	79,4	33	47,5	205	75,4	102	73,7

Источник: U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/

ное положение всей группы в целом относительно невысокое. Как уже отмечалось выше, это выражается не только в небольшом уровне дохода, но и в формировании определенной системы жизненных социальных приоритетов. Постепенная восходящая мобильность отдельных членов данной этнической группы связана прежде всего с их национальной принадлежностью (а следовательно, с иной жизненной и карьерной установкой, как, например, у членов кубинской диаспоры в сравнении с мексиканской), а также с числом поколений и лет, прожитых семьей на территории США.

Со стороны кажущаяся монолитной, испаноязычная общность в реальности не столь однородна. Каждая ее подгруппа занимает свою нишу на рынке труда США и развивается со своими, ей характерными чертами. Этот вывод был бы не полон без одного замечания: значительная часть латиноамериканского сообщества в США не может быть отнесена к социальным группам по признакам занятости: пенсионеры, учащиеся, неработающие женщины и другие категории. В данном случае это около половины всего испаноязычного населения, причем большая ее часть – дети. Это означает, что в ближайшие годы мы будем наблюдать еще большие изменения в испаноязычном сообществе и в населении США в целом.

Являясь этническим меньшинством, латиноамериканская группа не похожа на другие этнические группы ни по социальным показателям, ни по темпам прироста. По прогнозам американских ученых численность этой части населения США в 2025 г. составит 59 млн человек (17,6%), в 2050 г. – 96,5 млн (24,5%), и в ближайшие годы испаноязычная община в США станет более крупной, чем афро-американская. Важным фактором является высокий индекс рождаемости в испаноязычных семьях, вдвое превышающий этот показатель среди остальных белых жителей¹⁹. Подобный рост населения еще больше обострит социальные проблемы, которые уже сейчас существуют как внутри самой диаспоры, так и между различными этническими группами в целом.

¹ *McWilliams*. North of Mexico: The Spanish-speaking People of the United States. N.Y., 1990. P. 57–58.

² *Ibid.* P. 60.

³ *Глейзер Н.* Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 6. С. 100.

⁴ Цит. по: *Высоцкая Н.А.* От «универсума» к «плюриверсуму»: смена культурной парадигмы в США // *Американский характер: Очерки культуры США*. М., 1998. С. 319.

- ⁵ Цит. по: *Высоцкая Н.А.* Указ. соч. С. 319.
- ⁶ Persons of Spanish Origin in the United States, November 1969: Population Characteristics. Wash., 1971. P. 4.
- ⁷ U.S. Census Bureau, Current Population Survey, March 2000, Ethnic and Hispanic Statistics Branch, Population Division. Internet release Date: March, 6, 2001. www.census.gov/statab/www/
- ⁸ Persons of Spanish Origin in the United States. P. 20.
- ⁹ Ibid. P. 14.
- ¹⁰ Ibid. P. 10.
- ¹¹ *Геевский И.А., Червонная С.А.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни США. М., 1985. С. 203.
- ¹² Там же. С. 178.
- ¹³ Цит. по: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 1995. С. 115.
- ¹⁴ *Blackwell J.* Current Issues Affecting Blacks and Hispanics in the Educational Pipeline // U.S. Race Relations in the 1980s and 1990s: Challenges and alternatives. N.Y., 1990. P. 41.
- ¹⁵ Цит. по: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Указ. соч. С. 102.
- ¹⁶ Там же. С. 77.
- ¹⁷ *Tienda M.* Race, Ethnicity and the Portrait of Inequality: Approaching the 1990s // U.S. Race Relations in the 1980s and 1990s. N.Y., 1990. P. 143.
- ¹⁸ Ibid. P. 140.
- ¹⁹ Statistical Abstract of the U.S. Wash., 1997. P. 14.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы представили читателю результаты междисциплинарного исследования основных этапов формирования и развития латиноамериканских диаспор в США. В отличие от этнографического описания тех или иных национальных групп, мы сосредоточили внимание на процессах адаптации мигрантов к новой цивилизационной реальности.

На «верхних» этажах приспособления бросается в глаза постепенное овладение американским вариантом английского языка, общенациональными ценностями, общими стандартами образовательных и трудовых навыков, демократическими правилами и нормами политического поведения и т.д. Происходит некая «вторичная социализация» и унификация характеров. На «нижних» этажах – в семье, в обыденной жизни, религиозных предпочтениях – обращает на себя внимание, наоборот, не единообразие, а большое культурное разнообразие, сочетание традиционных и вновь приобретенных характеристик. Личность приобретает более широкое цивилизационное содержание и, следовательно, удваивается ее социальная энергия.

Выявление тех или иных тенденций в жизни диаспор встречает немалые трудности. Во-первых, слабо разработана сама методология междисциплинарного анализа этих сложных экзистенциальных процессов. Во-вторых, мировая документация, научная и художественная литература, в которых можно найти достоверные сведения о формировании и жизни испаноговорящего сообщества в современных Соединенных Штатах Америки, значительно беднее, нежели источники по другим темам. Главное – все материалы разбросаны и фрагментарны. И в-третьих, даже специализированные издания не создают обобщенного представления об образе латиноамериканских диаспор с точки зрения их глубинных *цивилизационных* характеристик. В большинстве случаев анализ строится на основе социоэтнических критериев и касается отдельных сторон той экзистенциальной судьбы, в которую погружены современные поколения латиноамериканцев, оказавшихся вне пределов своей родины.

Официальная статистика США и стран Латинской Америки сообщает массу формальных сведений об объективном положении мигрантов, но оставляет вне внимания их внутренний мир. А он, по нашему мнению, и есть та первичная реальность, которая отражает весь цивилизационный характер современных диаспор как основных *субъектов исторического процесса*. Единственным реальным субъектом истории является, конечно, только сам человек, создающий те или иные институты, объединения и ассоциации для достижения конкретных целей. Поэтому нас в первую очередь интересует судьба людей, а не социальных институтов.

Прошло или уже проходит то время, когда та или иная локальная цивилизация случайно и хаотично *рассеивала* свою диаспоральную «пыльцу», причем часто не по своей доброй воле, а под влиянием внешних факторов (войны, завоевания, кризисы) или неблагоприятных внутренних причин (бедность, перенаселение, экологические катастрофы, гражданские войны и революции). Теперь диаспоральные «оттоки» и «притоки» выглядят более естественными и даже *органическими элементами* процесса глобализации. И хотя по-прежнему именно неравенство между странами и регионами определяют направление миграционных потоков, все больше ощущается некая целесообразность и даже необходимость такого, а не иного «перераспределения» трудовых сил человечества.

Одним государствам это в тот или иной момент выгодно, другим нет, но такова вся глобализация как объективный процесс: судьба более «слабых» его не интересует. Но она важна каждому конкретному человеку, который не может быть сильным от рождения до старости: ведь все предусмотреть ни один человек никогда не сможет. Здесь ему на помощь приходит человеческая солидарность, делающая поддержку «слабых» исторически целесообразной, моральным императивом, без которого ни человек, ни коллектив выжить не может.

Во взаимоотношениях между двумя американскими цивилизациями бросается в глаза явная структурная асимметричность. В Латинской Америке никогда не было, да и сейчас не существует никаких североамериканских диаспор. Разумеется, граждане США и Канады живут и в Латинской Америке, и в своих бывших европейских метрополиях, но за редким исключением они никогда не оставались в этих странах на постоянное проживание семьями, целыми поколениями. Поэтому в Латинской Америке стабильных североамериканских диаспор нет, а в США и Канаде число латиноамериканских диаспор непрерывно растет и множится.

Сейчас именно за счет латиноамериканских и азиатских диаспор увеличивается общая численность населения США, которые после распада СССР вышли по этому показателю на третье место в мире (после КНР и Индии). Ведь у так называемого белого населения США рождаемость и смертность ныне уравнились. А уровень рождаемости у латиноамериканских жителей США значительно выше, чем у белых, чему, кстати сказать, способствует принадлежность к католической церкви, осуждающей искусственное ограничение рождаемости. Иммиграция латиноамериканцев в США также постоянно растет.

В результате в некоторых штатах Юга и Запада, в отдельных мегаполисах, например в Нью-Йорке, испано-американцы буквально наступают на пятки белым и становятся самой многочисленной категорией населения. Испанский язык уже сейчас стал вторым языком США, и к середине XXI в. на нем будет говорить не менее 60% населения страны.

Латиноамериканские диаспоры содействуют росту культурного разнообразия самой североамериканской цивилизации и ее дальнейшему развитию. Через африканские и азиатские компоненты этих диаспор она культурно еще более обогащается и укрепляет свой диалог с локальными цивилизациями Африки, Азии и Океании. Через индейский компонент латинских диаспор расширяются связи с индейским населением США и Канады, укрепляется его самосознание, его культурная идентичность.

Наличие многочисленных латиноамериканских диаспор выгодно не только для североамериканской, но и для латиноамериканской цивилизации.

При очень высоком уровне безработицы в Латинской Америке сезонная миграция трудоспособного взрослого населения в США и Канаду понижает уровень социального давления в этом регионе. Многие тысячи семей спасаются от голода и болезней. Понижается порог бедности. Миллионы неграмотных и неквалифицированных молодых людей приобретают в США и Канаде трудовые навыки, специальность, повышают производительность труда и пополняют свой опыт.

Возвращаясь на родину, они зачастую открывают свое дело и вносят заметный вклад в укрепление гражданского общества в своих странах, пополняют ряды среднего класса. Это подрывает позиции олигархии и способствует оптимизации структуры производства и сферы услуг, содействует модернизации латиноамериканской цивилизации, усиливает демократические процессы.

Разумеется, массовая эмиграция латиноамериканской молодежи в США имеет и теневые стороны. Множество латиноамериканцев, особенно «цветных», сталкивается в США с расо-

вой и религиозной дискриминацией, подпадает под влияние поп-культуры и утрачивает свою идентичность. Судьбы многих молодых людей ломаются, часть из них приобретает «вредные привычки», которые наносят ущерб их физическому и психическому здоровью.

В этих условиях особое значение приобретает самоорганизация вновь прибывших групп, установление систематических контактов с правозащитными и образовательными организациями и органами своих диаспор в США и Канаде. Некоторые латиноамериканские государства (Мексика, Бразилия, Доминиканская республика и др.) разрабатывают специальное законодательство о помощи соотечественникам за рубежом, создают соответствующие учреждения за границей и оказывают через консульства действенную помощь своим согражданам.

Благодаря такому взаимному энергетическому обогащению обе цивилизации повышают свою способность адаптироваться к новым экономическим и политическим условиям современного мира. Их социальная и культурная структуры становятся более разнообразными и гибкими, а личность – многосторонней, более информированной, пластичной и мобильной. Ее способность к диалогу, к ассимиляции иного опыта, иного взгляда на окружающий мир неизмеримо возрастает. И ей вовсе не обязательно радикально порывать с уже накопленным опытом и традициями или, напротив, цепляться за изжившие себя формы организации и стиль жизни. Такой личности легче приспосабливаться к назревшим переменам. Главное, что сама она духовно и культурно совершенствуется, развивается, что позволяет ей более активно и осознанно участвовать в жизни всего общества.

Формационный анализ поведения больших социальных групп и их политических представителей сосредоточивал все внимание на текущей политической истории и отношениях по поводу власти и собственности. В центре истории ставились «вертикальные» социальные отношения. Французская «школа анналов» подметила эту односторонность позитивистской и марксистской методологии. Приверженцы этой школы стали уделять гораздо больше внимания истории социальных институтов, гражданского общества, семьи, отдельной личности. Отсюда возникает интерес к «горизонтальным» отношениям, к малым группам, отдельным семьям и людям, к социальной психологии и духовным факторам. Но здесь обнаружилась новая слабость – неспособность к историческому синтезу, к реконструкции способов взаимодействия личности, семьи, малых и больших групп, поколений на протяжении долгого времени, веков и даже тысячелетий. Вот здесь и оказываются востребованным и кросс-культурный анализ, и цивилиза-

ционный подход, и соответствующая синергетическая методология изучения человеческой деятельности. Именно с таких позиций мы и рассматриваем экзистенцию латиноамериканских диаспор в США.

Что дают они северянам? Прежде всего – заряд молодости. Ныне они серьезно омолаживают эту цивилизацию, которая, пережив в 60–70-е годы эру «бэби-бума», заметно стареет. Ей необходим прилив свежей «молодой» крови извне, своего рода энергетическая подпитка. Эта подпитка идет по двум каналам – физическому и интеллектуальному.

С одной стороны, в США приезжают молодые люди, преимущественно молодые мужчины в возрасте от 20 до 45 лет, которые готовы за сравнительно небольшое вознаграждение выполнять непрестижную, тяжелую и «грязную» работу. С другой стороны, в учебные заведения США и Канады поступает большое количество латиноамериканских студентов и стажеров, значительная и наиболее способная часть которых по окончании срока учения или стажировки остается работать в лабораториях североамериканских фирм и научно-исследовательских центрах при университетах. Их отъезд в США помогает снизить напряженность на рынке высококвалифицированного труда в своих странах, позволяет молодым специалистам стажироваться и повышать свою квалификацию в хорошо оснащенных лабораториях и научных центрах, причем по такому научному профилю, которого еще нет у них на родине. Потом, по мере создания условий в своей стране, они зачастую оказываются востребованы и возвращаются как зрелые и высоко оплачиваемые специалисты, работают в филиалах иностранных фирм, появившихся там, или на государственной службе, в отделениях международных организаций и фондов.

Но какая-то часть специалистов уже навсегда остается в США и Канаде, причем многие из них активно содействуют укреплению научных, технических, производственных и торговых связей между обеими Америками. Собственно говоря, без такого рода специалистов была бы практически невозможна деятельность таких международных организаций, как, например, Экономическая комиссия ООН для Латинской и Карибской Америки, Межамериканский банк развития, Организация американских государств и десятки других региональных учреждений.

«Утечке мозгов» из иберо-американского мира в США способствовали многочисленные революционные потрясения, гражданские войны и затяжные периоды контрреволюционных диктатур, закрывавшие возможности для творчества на родине и обрекавшие ученых и вообще деятелей культуры на изгнание.

Значительная часть иммигрантов не порывает связей с родственниками и соотечественниками, с единоверцами. Не отказываясь от своего языка, своих обычаев, эти иммигранты активно осваивают английский язык и американскую культуру, но стараются сохранить и собственную культуру.

Таким образом, многие иберо-американские диаспоры в США можно рассматривать в качестве своеобразных цивилизационных точек роста, способствующих развитию обеих цивилизаций. К таким диаспорам вполне применим знаменитый принцип дополнительности, который не противодействует цивилизационной целостности и полноценности, напротив, является внутренней движущей силой развития цивилизации, обогащая ее иным опытом и помогая вписаться в формирующуюся универсальную метацивилизацию XXI столетия.

В противоречивых внутренних процессах, которыми изобилует жизнь диаспор, имели место выбросы деструктивной энергии. Но политической элите США в целом и диаспоральным элитам в частности достало ума не поддаваться на провокации, изолировать контркультурные элементы и повести диаспоры по пути созидания, а не разрушения.

И тем не менее традиционные диаспоральные процессы, протекающие на уровне отдельной нации или отдельного региона, подходят к своему логическому концу. Им на смену приходят совершенно новые и перспективные глобальные тенденции в развитии всего мира. Они требуют глобального регулирования важнейших жизненных процессов, чтобы обеспечивать развитие и природы, и человека.

Под традицией мы здесь понимаем *первичный этап* исхода диаспоры из лоно материнской цивилизации и ее адаптации к условиям принимающего сообщества. В течение двух и более столетий латиноамериканские иммигранты находились именно в таком переходном состоянии. Его главной особенностью было своего рода юношеское и романтическое духовное состояние большинства диаспорального населения. В лучшем случае это большинство одновременно сохраняло старые ценностные ориентации и формы жизни, но постепенно впитывало новую культуру. Биполярность «вторичной социализации» сохранялась долгие годы. Лишь в третьем и четвертом поколениях диаспоряне полностью внедрялись в лоно новой цивилизации, хотя определенная часть сохраняла знание родного языка и прежние религиозные и морально-бытовые предпочтения.

Теперь процесс синтеза культур происходит намного быстрее. Ускорение ритма жизни позволяет перескакивать через некоторые естественные этапы взаимопроникновения неоднород-

ных и даже противоположных цивилизационных характеристик (например, билингвизм, деловое партнерство, смешанные браки и т.д.). С другой стороны, бег времени порождает новые конфликты и обостряет трагические старые противоречия: раскол между поколениями, утрата родного языка и контактов с материнской почвой, чувство собственной второсортности и отчуждение сразу от обеих цивилизаций.

В результате среди диаспорян формируется некое особое ощущение собственной счастливой исключительности или трагичности судьбы. Ни материальные блага, ни политические позиции не снимают, однако, даже у самых удачливых групп некие болезненные синдромы, особенно на личном и семейном уровнях. Эти противоположные тенденции являются естественным следствием и спутником глобализации.

Тем не менее если подняться над личным и групповым уровнем, то перед нами все явственнее происходит нечто чрезвычайно важное – былой конфликт и отчуждение локальных цивилизаций постепенно перерастает в их контакт и даже симбиоз. Об этом убедительно свидетельствует развитие латиноамериканских диаспор в США. То же самое происходит в Европе, России и Азии. Появляется все больше надгосударственных объединений и институтов как субъектов современных международных отношений.

Иначе говоря, речь идет о постепенном, хотя и весьма болезненном *продвижении человечества к метацивилизации будущего* – единой внешне, наверху, но все более разнообразной, мультикультурной на нижних, базовых этажах. Численный рост и качественная активизация диаспор во всем мире как олицетворение перелива и концентрации человеческой энергии в глобальном масштабе – это первый, а главное, человеческий показатель ускорения всемирно-исторического процесса.

Теперь уже диаспоры выглядят не «изгоями» человечества, как было в древности, а естественными, органичными элементами существующих цивилизаций и мостами к грядущей метацивилизации.

Если раньше диаспора (ее интеллектуальное ядро) исходила в сознании своего бытия из принципа противопоставления всему внешнему и чужому, то теперь все отчетливее укрепляется принцип *самовключения* в новый мир и новую культуру, с одной стороны, и постепенного *отстранения* от материнской почвы, с другой. Оба принципа действовали и прежде, но теперь они меняются местами: бывшее когда-то определяющим, теперь становится подчиненным. Речь, конечно, идет о тенденции. На определенных этапах тяга к «материнскому лону» может принять ис-

ключительно сильный характер и даже стать формой сознательного протеста против изъянов цивилизации-реципиента, в данном случае – США. И все же доминирует тенденция, когда диаспоры оставляют отчий дом и «прилепляются» к новой цивилизации, становясь с нею «одной плотью». Этот процесс идет, конечно, не механически, а внутри человека, захватывая все его существо целиком. Никакая социология и статистика не могут отразить эти невидимые духовно-эмоциональные и психические переживания конкретных людей.

Жизнь той или иной диаспоры, как мы пытались показать, может рассматриваться с разных углов и на разных уровнях:

- как временная или стационарная форма существования большой группы выходцев из одной страны в жизненной среде другой страны;

- как процесс адаптации неквалифицированных мигрантов и специалистов к новым условиям жизни;

- как эмиграционная и иммиграционная политика государств;

- как динамика рассеяния и развития больших масс людей;

- как борьба поколений внутри самой диаспоры;

- как многообразие социальной активности различных групп и т.д.

И встают вопросы: что же такое есть диаспора? откуда она пришла? и куда идет?

Подлинный лик диаспоры – это лик человека и его витальной энергии, которая лишь воплощается в культуре, языке, религии, труде, семье и любом социальном действии больших масс. Особенность этого лика в его дуалистичности, двуцивилизационности – только и всего. Но человек-то един и неделим, даже если его судьба корнями уходит в одну цивилизационную почву, а «ветви» устремлены в сторону и вверх – к другому цивилизационному пространству, где видится больше света и кислорода. Нередко, правда, их избыток может оказаться губительным для существ, которые привыкли жить в другой «природной» среде.

По сути дела, жизнь диаспоры есть не что иное, как особая форма энергичного самоутверждения личностей, носителей определенной цивилизации, поставленных по той или иной причине в иные условия жизни. Каждый диаспорянин спасает сам себя тем, что перестраивает свою витальную энергию на новый лад. Кому-то удастся этого добиться более удачно, кому-то менее. От этого и будет зависеть его судьба.

Проце говоря, главным фактором успеха является объем и качество витальной энергии, а не внешние условия, хотя и они тоже. Главное в судьбе диаспоры не благополучие ее «плоти», а равновесие ее души, т.е. психоментальное состояние людей, ока-

завшихся на чужбине, которую они сами как бы превращают (или должны превратить) в свою новую родину.

Каждая личность, строго говоря, есть маленькая диаспора, которая постоянно встречается с новыми обстоятельствами. Значит, и диаспора в целом может рассматриваться как коллективный организм многих людей со своим характером, интеллектом, волей и душой.

Поэтому она и стремится к самоутверждению, сначала отрицая все новое, а потом забывая все старое. Этот процесс отрицания и восприятия и есть реальная жизнь диаспоры. Если одна из сторон этой диалектики исчерпает свой потенциал, можно говорить о смерти диаспоры и ее превращении в нечто иное: в этническое меньшинство нового общества, в особое комьюнити, но уже не диаспору как таковую.

Эти и другие сложные проблемы еще ждут своего всестороннего изучения. Мы сделали только первый шаг в этом направлении и потому не претендуем на истину в последней инстанции.

Главная цель, которую ставил перед собой авторский коллектив, заключалась в том, чтобы привлечь внимание к человеческому фактору современного цивилизационного развития. Мы начали с исследования экзистенциальных характеристик латиноамериканских диаспор в США, что дает нам теперь возможность взглянуть *на человеческий потенциал самой латиноамериканской цивилизации в целом*. Этой теме будет посвящена наша следующая работа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Латинская Америка (17 стран): городское население, занятое в секторах низкой производительности
(в % от всего занятого городского населения), 90-е годы

Страна	Год	Всего	Микропредприятия				Надомный труд	Трудящиеся независимые, неквалифицированные		
			предприниматели	наемный труд				всего	промышленность и строительство	торговля и услуги
				всего	ИТР	прочие				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Аргентина (Б Буэнос-Айрес)	1990	44,4	3,8	12,0	0,4	11,6	5,7	22,9	6,9	16,0
	1999	40,4	3,2	14,9	1,3	13,6	5,3	17,0	5,1	11,9
	1989	58,5	1,1	10,5	0,9	9,6	5,8	41,1	9,8	30,0
Боливия	1999	64,3	2,5	12,8	1,0	11,8	3,1	45,9	12,1	31,1
	1990	49,2	-	21,6	4,3	17,3	6,2	21,4	3,5	15,8
	1999	47,3	2,2	10,1	1,7	8,4	8,5	26,5	5,2	16,4
Бразилия	1990	39,2	4,9	6,7	0,2	6,5	6,3	21,3	4,1	15,3
	1999	53,7	3,9	12,6	0,5	12,1	2,0	35,2	6,7	23,7

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Гватемала	1989	54,6	2,1	14,6	0,8	13,8	7,0	30,9	7,4	14,9
	1998	55,1	3,6	20,5	2,9	17,6	6,7	24,3	7,3	11,6
Гондурас	1990	53,3	1,0	13,9	0,7	13,2	6,7	31,7	8,9	18,7
	1999	55,2	5,1	12,2	1,0	11,2	4,8	33,1	7,4	22,0
Доминиканская республика	1992	-	-	-	-	-	3,2	32,8	5,6	23,0
	1997	47,0	2,1	9,1	0,7	8,4	4,4	31,4	6,8	21,3
Колумбия	1991	-	-	-	-	-	5,6	27,3	6,4	20,0
	1999	-	-	-	-	-	5,2	35,7	7,5	26,7
Коста-Рика	1990	36,9	4,4	10,5	0,8	9,7	4,4	17,6	6,4	10,1
	1999	41,6	6,0	13,2	1,4	11,8	5,1	17,3	4,5	11,9
Мексика	1989	-	2,8	-	-	-	2,7	18,9	3,0	12,5
	1998	44,3	3,9	15,9	1,0	14,9	4,1	20,4	3,2	16,4
	1993	49,2	0,5	13,3	1,6	11,7	6,2	29,2	7,7	17,5
Никарагуа	1998	60,6	3,0	16,2	1,7	14,5	6,4	35,0	4,3	26,4
	1991	37,9	2,6	5,8	0,6	5,2	7,0	22,5	4,3	11,2
Панама	1999	37,3	2,1	7,2	0,7	6,5	6,1	21,9	4,6	13,5
	1990	55,5	6,8	17,0	1,1	15,9	10,5	21,2	5,2	15,5
Парагвай (Асунсьон)	1999	54,4	4,7	14,9	1,3	13,6	9,1	25,7	5,7	19,2
Сальвадор	1990	55,6	2,7	13,6	0,3	13,3	6,1	33,2	8,7	21,8
	1999	52,2	4,1	14,6	0,8	13,8	4,3	29,2	6,7	20,0
Уругвай	1990	39,2	2,7	10,6	0,3	10,3	6,9	19,0	5,6	12,0
	1999	41,5	2,4	11,0	0,6	10,4	7,5	20,6	7,0	12,7
Чили	1990	38,8	0,8	10,3	0,9	9,4	7,0	20,7	5,7	14,0
	1998	34,4	2,6	10,7	1,0	9,7	5,9	15,2	4,1	10,2
Эквадор	1990	54,5	3,6	11,9	0,6	11,3	4,5	34,5	7,8	24,4
	1999	58,9	7,0	15,0	1,6	13,4	5,4	31,5	5,6	23,8

Источник: CEPAL, Panorama social de America Latina, 2000-2001. Santiago de Chile, 2000. P. 205-206

Таблица II

Латинская Америка (17 стран): население в возрасте 15–24 года по числу лет обучения и зоне проживания (в %), 1979–1999 гг.

Страна	Год	Городская зона				Сельская зона				
		годы обучения				годы обучения				
		0–5	6–9	10–12	13 и больше	0–5	6–9	10–12	13 и больше	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Аргентина (Б. Буэнос-Айрес)	1980	7,6		77,3		15,0	–	–	–	–
	1990	3,3		78,6		18,2	–	–	–	–
	1999	2,5	40,6	41,5		15,5	–	–	–	–
Боливия	1997	11,9	31,1	44,4		12,6	48,3	34,9	15,3	1,5
	1999	7,2	25,8	48,1		18,9	47,4	30,5	21,1	1,0
Бразилия	1979	48,2	34,6	14,1		3,1	86,8	9,7	1,9	1,6
	1990	41,0	37,5	18,2		3,3	79,0	16,9	3,7	0,3
	1999	27,0	42,7	26,7		3,7	62,8	27,2	9,5	0,5
Венесуэла	1981	13,5	58,5	20,4		7,7	46,1	46,4	6,8	0,7
	1990	10,3	56,5	23,6		9,6	39,0	51,3	8,5	1,2
	1999	10,7	48,2	27,3		13,8	–	–	–	–
Гватемала	1989	33,9	42,6	19,2		4,3	75,9	21,8	2,1	0,2
	1998	25,3	43,5	24,3		6,9	67,3	29,1	3,4	0,2
Гондурас	1990	24,1	55,7	15,3		5,0	57,6	39,8	2,3	0,3
	1999	16,3	57,7	19,9		6,2	45,5	49,1	5,2	0,3
Доминиканская республика	1997	20,2	39,7	29,7		10,4	41,2	39,6	17,1	2,1
Колумбия	1980	31,2	40,9	21,1		6,8	–	–	–	–
	1990	19,6	40,4	31,0		9,0	–	–	–	–
	1999	14,6	32,4	43,2		9,8	46,2	30,7	21,8	1,3
Коста-Рика	1981	7,3	50,5	33,9		8,2	19,8	64,7	13,8	1,7
	1990	9,1	50,1	29,8		10,9	20,0	64,5	13,6	2,0
	1999	8,5	50,8	28,3		12,4	18,5	61,9	15,9	3,7
Мексика	1989	8,3	60,5	22,1		9,1	31,4	59,2	7,7	1,7
	1998	6,0	55,2	24,3		12,3	21,6	62,3	12,7	3,0
Никарагуа	1993	24,6	53,8	19,5		2,1	68,9	26,5	4,3	0,3
	1998	21,7	50,5	22,2		5,5	61,2	32,6	5,3	0,9
Панама	1979	6,3	49,1	35,5		9,1	20,5	61,3	16,2	1,9
	1991	6,3	42,7	39,5		11,5	15,6	57,3	23,6	3,5
	1999	3,9	40,8	39,1		16,2	12,9	55,4	26,3	5,4
Парагвай (Асунсьон)	1986	10,6	50,9	31,1		7,5	–	–	–	–
	1990	7,3	46,7	36,8		9,3	–	–	–	–
	1999	5,4	44,3	40,2		10,2	29,0	56,5	12,3	2,2
Сальвадор	1995	20,6	41,4	28,8		9,2	60,4	31,2	7,3	1,1
	1999	15,6	38,7	33,5		12,2	49,7	38,5	10,0	1,9
Уругвай	1981	7,4	55,5	31,8		5,3	–	–	–	–
	1990	3,7	52,6	35,4		8,3	–	–	–	–
	1999	2,8	48,6	39,4		9,2	–	–	–	–
Чили	1990	5,6	33,1	45,5		15,8	16,9	56,5	22,6	4,1
	1998	3,1	31,5	47,4		18,0	10,7	52,1	32,3	4,9
Эквадор	1990	5,8	45,9	37,0		11,4	–	–	–	–
	1999	6,0	41,0	39,5		13,6	–	–	–	–

Источник: CEPAL: Panorama social de America Latina, 2000–2001. P. 240–241.

Таблица III

Латинская Америка (17 стран): уровень участия мужчин и женщин в трудовой деятельности
в городских зонах по возрастным группам (в %), 90-е годы

Страна	Год	Мужчины					Женщины				
		всего	15-24 года	25-34 года	35-49 лет	50 лет и старше	всего	15-24 года	25-34 года	35-49 лет	50 лет и старше
		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Аргентина (Б. Буэнос-Айрес)	1990	76	62	97	97	55	38	41	53	52	19
	1999	74	53	94	97	59	44	36	62	61	27
Боливия	1989	73	47	90	97	64	47	35	57	61	34
	1999	75	49	93	98	72	54	40	64	71	46
Бразилия	1990	82	78	96	95	59	45	48	56	53	21
	1999	78	55	93	96	71	38	25	51	52	21
Венесуэла	1990	78	55	93	96	71	38	25	51	52	21
	1999	84	67	97	97	75	48	36	61	64	30
Гватемала	1989	84	69	97	97	78	43	42	50	49	29
	1998	82	66	95	97	77	54	47	60	68	44
Гондурас	1990	81	66	95	97	73	43	35	54	57	30
	1999	82	67	97	96	78	54	45	64	69	37
Доминиканская республика	1992	86	77	96	98	76	53	57	66	57	25
	1997	83	70	96	97	71	49	44	65	61	22
Колумбия	1991	81	62	97	97	69	48	44	63	56	22
	1999	79	59	96	96	64	55	48	73	69	27
Коста-Рика	1990	78	62	96	95	61	39	39	53	49	14
	1999	79	61	95	96	65	45	40	58	58	23

Таблица III (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Мексика	1989	77	58	96	97	68	33	31	45	39	18
	1998	81	61	96	98	71	43	39	51	51	28
Никарагуа	1993	71	50	86	89	66	44	26	57	62	32
	1998	81	66	95	95	74	51	36	66	67	38
Панама	1991	74	58	95	96	52	43	37	59	59	18
	1999	78	62	97	97	60	48	41	61	65	25
Парагвай	1990	84	69	97	99	75	50	51	63	58	27
(Асунсьон)	1999	83	68	97	95	73	54	46	65	66	39
Сальвадор	1990	80	64	95	96	72	51	41	66	66	36
	1999	75	58	93	94	63	52	38	68	69	37
Уругвай	1990	75	68	98	97	54	44	47	69	64	21
	1999	73	67	96	97	50	50	50	75	74	26
Чили	1990	72	47	94	95	56	35	29	47	46	20
	1998	74	44	93	97	64	41	30	57	54	26
Эквадор	1990	80	56	95	98	78	43	33	54	56	31
	1999	82	64	97	98	76	54	45	65	67	36

Источник: CEPAL: Raportama social de America Latina, 2000-2001. P. 183-184.

Таблица IV
Латинская Америка (17 стран): Доля работающих мужчин и женщин в городских зонах по годам обучения (в %), 90-е годы

Страна	Год	Годы обучения											
		мужчины						женщины					
		всего	0-3 года	4-6 лет	7-9 лет	10-12 лет	13 лет и более	всего	0-3 лет	4-6 лет	7-9 лет	10-12 лет	13 лет и более
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Аргентина (Б. Буэнос-Айрес)	1990	76	-	-	74	86	84	38	-	-	31	50	66
	1999	74	58	71	72	76	80	44	25	30	34	47	70
Боливия	1989	73	78	87	68	71	68	47	50	51	41	40	53
	1999	75	78	86	76	71	73	54	57	57	53	47	61
Бразилия	1990	82	76	84	83	88	91	45	33	41	45	61	77
	1999	80	72	80	79	86	88	53	37	47	52	67	79
Венесуэла	1990	78	73	84	74	77	76	38	23	34	34	47	58
	1999	84	80	88	81	82	83	48	28	41	46	55	70
Гватемала	1989	84	90	89	65	81	87	43	38	41	37	57	77
	1998	82	85	88	68	81	82	54	53	54	45	58	74
Доминиканская республика	1992	86	87	91	85	85	88	53	38	43	48	61	80
	1997	83	77	84	84	82	90	49	34	41	42	56	80

Таблица IV (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Колумбия	1991	81	80	85	76	81	83	48	37	42	42	56	70
	1999	79	74	83	70	79	85	55	38	49	48	61	78
Коста-Рика	1990	78	66	84	73	77	82	39	21	33	35	47	62
	1999	79	61	84	75	80	84	45	28	39	38	49	67
Мексика	1989	77	79	87	74	65	80	33	21	33	37	42	55
	1998	81	71	83	85	79	81	43	33	39	38	43	63
Никарагуа	1993	71	70	74	66	70	83	44	39	43	40	51	67
	1998	81	83	87	79	75	90	51	46	49	46	54	76
Панама	1991	74	67	78	69	73	81	43	21	31	37	49	71
	1999	78	66	80	75	77	85	48	19	36	40	50	73
Парагвай (Асунсьон)	1990	84	75	88	82	83	87	50	29	53	45	50	71
	1999	83	73	88	79	81	91	54	40	51	49	57	79
Сальвадор	1990	80	80	86	75	78	80	51	45	56	45	56	68
	1999	75	72	80	73	75	78	52	43	53	46	57	69
Уругвай	1990	75	50	74	79	84	83	44	18	36	48	57	72
	1999	73	39	69	83	78	83	50	17	38	57	59	74
Чили	1990	72	59	74	66	74	80	35	20	28	26	35	62
	1998	74	60	72	66	78	81	41	23	29	31	43	64
Эквадор	1990	80	82	90	69	73	81	43	39	39	34	44	65
	1999	82	81	89	74	78	86	54	45	50	44	53	72

Источник: CEPAL: Panorama social de America Latina, 2000-2001, P. 185-186.

Таблица V
Латинская Америка (17 стран): уровень открытой безработицы в городских зонах в зависимости от пола и возраста
 (в %, 1990 и 1999 гг.)

Страна	Пол	Возрастная группа											
		15-24 года		25-34 года		35-44 года		45 лет и старше					
		1990	1999	1990	1999	1990	1999	1990	1999				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Аргентина (Б. Буэнос-Айрес)	всево	5,9	14,7	13,0	24,3	4,9	12,0	4,1	11,6	3,8	12,9		
	муж.	5,7	13,4	11,5	22,8	5,0	11,3	3,9	8,0	4,2	12,7		
Боливия	жен.	6,4	16,5	15,6	26,3	4,9	13,0	4,3	16,1	3,0	13,2		
	всево	9,4	7,1	17,4	15,3	8,5	6,3	5,1	3,8	6,6	3,7		
Бразилия	муж.	9,5	6,0	18,2	12,5	7,5	4,8	5,5	2,3	8,5	4,9		
	жен.	9,1	8,5	16,5	18,5	9,9	8,2	4,6	5,5	3,8	1,9		
	всево	4,5	11,4	8,3	21,7	4,4	10,5	2,4	7,0	1,5	5,5		
	муж.	4,8	9,4	8,7	18,4	4,7	8,0	2,8	5,5	2,0	5,3		
Венесуэла	жен.	3,9	14,1	7,7	26,2	3,8	13,8	1,7	9,0	0,6	5,8		
	всево	10,2	14,5	19,3	25,7	11,3	14,7	5,9	10,2	4,5	7,8		
	муж.	11,2	13,6	19,9	22,2	12,3	12,8	6,9	10,1	5,5	9,4		
	жен.	8,4	16,1	18,0	32,6	9,6	17,7	4,0	10,4	1,7	4,7		
Гватемала	всево	3,5	2,8	7,1	4,8	2,9	3,8	1,6	1,8	1,2	0,9		
	муж.	3,3	3,6	7,2	6,0	2,6	4,5	1,5	2,4	1,4	1,3		
Гондурас	жен.	3,8	1,9	7,0	3,4	3,4	2,8	1,8	1,0	0,9	0,4		
	всево	6,9	5,3	11,2	9,0	7,0	4,7	4,3	2,9	3,7	3,0		
	муж.	7,6	6,2	11,5	10,3	6,6	5,3	6,0	3,6	5,3	4,3		
	жен.	5,9	4,0	10,7	7,4	7,6	4,1	2,0	2,2	0,7	1,1		
Доминиканская республика	всево	19,7	-	34,1	-	17,3	-	9,2	-	7,4	-		
	муж.	11,3	-	22,3	-	9,2	-	5,0	-	4,0	-		
	жен.	31,5	-	47,3	-	27,7	-	15,8	-	15,4	-		

Таблица V (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Колумбия	всего	9,3	19,2	19,7	36,6	8,3	17,8	4,2	13,2	3,8	10,3
	муж.	6,7	16,2	15,3	32,0	5,5	14,0	2,8	10,5	3,7	10,6
Коста-Рика	жен.	13,0	23,0	24,8	41,6	11,8	22,1	6,2	16,4	3,9	9,7
	всего	5,3	6,1	10,5	14,8	4,9	5,3	2,5	3,0	2,9	2,3
Мексика	муж.	4,9	5,3	9,8	14,8	4,1	3,8	2,3	2,1	3,1	1,9
	жен.	6,2	7,4	11,6	14,9	6,2	7,4	2,8	4,2	2,3	3,2
Никарагуа	всего	3,3	3,2	8,1	7,4	2,4	2,8	0,7	1,5	0,8	1,5
	муж.	3,4	3,6	8,4	8,1	2,5	3,1	0,9	1,8	1,0	1,5
Панама	жен.	3,1	2,6	7,6	6,2	2,0	2,3	0,2	0,8	0,1	0,4
	всего	—	13,8	—	20,9	—	11,0	—	12,3	—	10,5
Парагвай (Асунсьон)	муж.	—	14,0	—	17,9	—	10,3	—	14,3	—	12,9
	жен.	—	13,6	—	25,8	—	11,7	—	9,9	—	7,0
Сальвадор	всего	18,6	13,1	35,1	26,9	20,6	12,7	9,5	8,3	6,9	5,6
	муж.	15,9	10,6	31,9	22,5	16,5	8,7	7,4	6,1	7,0	6,1
Уругвай	жен.	22,8	17,0	39,9	33,5	26,3	18,8	12,5	11,0	6,5	4,6
	всего	6,3	10,1	15,5	19,5	4,8	6,7	2,3	5,9	1,4	8,4
Чили	муж.	6,2	10,2	14,7	21,6	5,0	5,2	3,2	6,2	2,0	8,8
	жен.	6,5	10,1	16,5	17,1	4,7	8,8	1,1	5,5	0,0	7,7
Эквадор	всего	9,9	6,9	19,3	13,9	9,2	6,1	5,7	4,4	4,3	3,8
	муж.	10,0	8,9	17,7	16,2	8,4	6,0	7,0	6,0	6,5	6,1
Колумбия	жен.	9,7	4,6	21,3	10,6	10,0	5,1	4,3	2,6	1,3	1,0
	всего	8,9	11,2	24,4	25,8	8,2	10,0	4,3	7,2	3,5	6,1
Коста-Рика	муж.	7,3	8,6	22,2	21,4	6,0	7,2	2,5	3,7	3,0	4,9
	жен.	11,1	14,5	27,5	31,9	11,0	13,5	6,4	11,1	4,4	7,7
Мексика	всего	8,7	10,1	17,9	21,8	8,3	9,9	5,1	7,4	5,3	6,3
	муж.	8,1	9,4	17,0	20,4	7,5	9,3	4,8	6,4	5,6	6,7
Никарагуа	жен.	9,7	11,2	19,1	23,7	9,8	10,9	5,8	8,9	4,7	5,6
	всего	6,1	14,2	13,5	25,9	6,4	13,6	2,7	9,0	1,3	8,3
Панама	муж.	4,2	10,5	11,2	20,0	3,2	8,0	1,7	5,5	1,3	8,6
	жен.	9,2	19,5	17,2	33,9	11,3	21,3	4,5	13,6	1,4	7,7

Источник: CEPAL: Panorama social de America Latina, 2000-2001. P. 217-218.

Таблица VI
Латинская Америка (17 стран): уровень открытой безработицы в городских зонах
в зависимости от пола и продолжительности обучения (в %, 1990 и 1999 гг.)

Страна	Пол	Годы обучения											
		всего		0-5 лет		6-9 лет		10-12 лет		13 лет и более			
		1990	1999	1990	1999	1990	1999	1990	1999	1990	1999		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Аргентина (Б. Буэнос-Айрес)	всего	5,9	14,7	6,8	17,0	5,9	17,4	3,0	14,5	...	10,2		
	муж.	5,7	13,4	6,1	19,4	4,7	15,8	3,4	12,2	...	8,1		
	жен.	6,4	16,5	8,5	13,5	7,4	20,5	2,5	17,8	...	12,0		
Боливия	всего	9,4	7,1	7,1	3,4	9,3	7,9	13,1	10,5	8,1	6,0		
	муж.	9,5	6,0	9,0	2,8	8,2	7,0	12,5	7,5	7,9	5,5		
	жен.	9,1	8,5	5,4	3,9	11,1	9,2	14,1	15,7	8,4	6,7		
Бразилия	всего	4,5	11,4	4,2	9,9	6,2	15,6	4,5	12,2	1,8	5,2		
	муж.	4,8	9,4	4,8	8,5	6,2	12,7	4,6	9,5	1,6	4,0		
	жен.	3,9	14,1	3,1	12,1	6,2	20,1	4,5	14,9	2,1	6,4		
Венесуэла	всего	10,2	14,5	9,7	11,7	12,1	15,5	9,3	16,2	6,1	12,7		
	муж.	11,2	13,6	11,4	12,2	12,9	14,8	9,7	13,7	5,6	11,2		
	жен.	8,4	16,1	5,4	10,6	10,1	17,0	8,7	19,7	6,7	14,0		
Гватемала	всего	3,5	2,8	2,3	1,7	4,3	2,9	5,9	5,4	2,3	1,7		
	муж.	3,3	3,6	2,3	3,0	4,1	4,1	5,3	5,1	2,3	0,8		
	жен.	3,8	1,9	2,3	0,3	4,7	1,1	6,5	5,8	2,3	3,3		
Гондурас	всего	6,9	5,3	5,1	4,8	7,7	6,3	9,3	4,3	6,3	4,0		
	муж.	7,6	6,2	7,3	7,0	8,1	6,9	8,0	4,9	5,3	3,3		
	жен.	5,9	4,0	1,7	2,0	6,9	5,5	10,6	3,8	7,8	5,0		
Доминиканская республика	всего	19,7	-	15,6	-	19,6	-	25,2	-	16,6	-		
	муж.	11,3	-	7,0	-	11,1	-	15,5	-	11,2	-		
	жен.	31,5	-	30,5	-	34,7	-	37,2	-	21,8	-		

Таблица VI (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Колумбия	всего	9,3	19,2	6,6	15,3	11,3	23,2	12,4	23,2	7,4	14,1
	муж.	6,7	16,2	5,1	13,8	8,2	19,2	8,1	18,6	0,6	12,4
	жен.	13,0	23,0	9,0	17,4	16,3	28,2	17,6	28,2	9,1	16,0
Коста-Рика	всего	5,3	6,1	6,4	9,2	6,0	7,8	5,7	4,7	3,0	2,8
	муж.	4,9	5,3	6,9	6,8	5,4	7,1	4,6	3,6	2,3	2,1
	жен.	6,2	7,4	5,2	13,3	7,3	9,3	7,2	6,1	3,9	3,6
Мексика	всего	3,3	3,2	1,3	2,1	4,3	2,6	3,8	3,7	2,4	3,9
	муж.	3,4	3,6	1,6	3,2	4,4	3,0	4,4	4,0	2,1	3,9
	жен.	3,1	2,6	0,4	0,5	4,0	1,9	2,7	3,2	3,3	3,9
Никарагуа	всего	-	13,8	-	11,8	-	14,2	-	18,5	-	12,4
	муж.	-	14,0	-	13,8	-	13,0	-	19,2	-	10,8
	жен.	-	13,6	-	9,0	-	16,2	-	17,8	-	14,0
Панама	всего	18,6	13,1	10,7	7,2	18,4	14,2	24,9	16,2	14,8	9,6
	муж.	15,9	10,6	9,6	7,1	16,5	12,4	20,5	11,7	12,9	7,1
	жен.	22,8	17,0	13,9	7,7	22,5	18,0	30,4	22,7	16,6	12,0
Парагвай	всего	6,3	10,1	4,4	16,3	6,4	9,8	8,4	11,1	3,7	5,3
	муж.	6,2	10,2	4,2	19,8	6,7	9,8	7,9	9,9	2,9	7,1
	жен.	6,5	10,1	4,7	12,0	6,0	9,7	9,1	12,8	4,8	12,0
Сальвадор	всего	9,9	6,9	8,1	4,9	9,9	7,4	14,6	9,3	7,6	6,1
	муж.	10,0	8,9	11,0	7,8	9,1	9,4	11,8	11,0	6,9	6,5
	жен.	9,7	4,6	5,2	1,9	11,2	4,7	17,8	7,3	8,6	5,7
Уругвай	всего	8,9	11,2	5,6	8,9	10,2	13,1	10,0	11,4	5,9	6,3
	муж.	7,3	8,6	5,6	7,4	8,4	9,8	7,5	8,6	4,4	4,3
	жен.	11,1	14,5	5,6	11,9	13,0	18,2	12,8	14,5	7,2	7,8
Чили	всего	8,7	10,1	9,3	12,8	10,1	12,2	9,2	10,2	6,3	7,1
	муж.	8,1	9,4	9,3	14,0	10,3	12,1	7,9	8,7	4,9	5,7
	жен.	9,7	11,2	9,2	10,7	9,5	12,5	11,7	12,5	8,0	8,8
Эквадор	всего	6,1	14,2	2,6	9,0	4,8	13,8	10,3	19,0	6,1	11,5
	муж.	4,2	10,5	3,0	8,5	3,3	10,9	6,8	12,8	4,2	7,7
	жен.	9,2	19,5	2,0	9,5	8,0	18,8	14,9	27,0	8,7	16,1

Источник: СЕРАЛ. Рапорта social de America Latina, 2000-2001. P. 219-220.

